

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. В. Гудкова, М. М. Фокеев

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
И КОЧЕВНИКИ
в низовьях Дуная
I—IV вв. н. э.**

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1984

ВВЕДЕНИЕ

Территория в низовьях Дуная в первой половине I тысячелетия н. э. была районом активнейших контактов Рима и различных групп степного населения, оказывавших постоянное давление на границы империи. Здесь на сравнительно небольшой территории, ограниченной с запада Карпатами, а с юга — Дунаем с римскими крепостями вдоль его берегов, как бы накапливались пришлые племена, продвигавшиеся сюда с севера и востока. Они вступали не только в военные конфликты с Римом, но и в экономические и политические связи с ним, впитывая провинциально-римскую культуру. Население Буджакских степей было неоднородно и подвергалось резким изменениям в связи с появлением здесь все новых этнических компонентов.

Археологическим отражением активной жизни этого времени являются остатки многочисленных поселений и стойбищ, кочевнические курганы и грунтовые могильники. Период I—IV вв. н. э. выступает в Буджакских степях обособленно, поскольку здесь нет памятников предшествующего (последние века до нашей эры) и последующего (V—VI вв. н. э.) времени. Основную массу населения I—III вв. н. э. составляли кочевники. Оседлое население появляется здесь лишь в первых веках нашей эры. Оно формировалось за счет перемещения земледельческого населения из других районов и, вероятно, за счет частичного оседания кочевников-сарматов.

Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. в степях Буджака до недавнего времени не являлись объектом специального исследования. Сарматские погребения рассматривались в общей совокупности курганных древностей Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья. Селища оседлого населения в основном подвергались лишь разведкам. Систематическое исследование тех и других свя-

зано с деятельностью новостроечных экспедиций ИА АН УССР, изучавших в основном курганы в зоне строительства оросительных систем, кафедры истории древнего мира и средних веков ОГУ и Одесского археологического общества, начавших с 1970 г. активные исследования поселений и сплошные разведки. В результате этих работ представления о характере и составе памятников первой половины I тысячелетия н. э. значительно конкретизировались и расширились.

К настоящему времени сведения о сарматских памятниках в степях к западу от Днестра довольно значительны. Их изучение началось с раскопок курганов у сел Шаболат и Катаржи Д. Я. Самоквасовым¹. Г. Б. Федоров исследовал могильник у с. Кривичное на восточном берегу оз. Ялпуг в Болградском районе². В 1963—1967 гг. Днестро-Дунайская экспедиция под руководством Н. М. Шмаглия раскопала два сарматских погребения у с. Глубокое и одно у с. Борисовка³ Татарбунарского района, сарматский могильник из шести курганов и одно впускное захоронение у с. Огородное⁴ Болградского района. В 1974 г. экспедицией Одесского университета раскопан курган на берегу оз. Сасык у с. Траповка, в котором выявлено одно сарматское погребение⁵. В 1975—1976 гг. Л. В. Субботин исследовал сарматские курганы и впускные захоронения возле с. Семеновка Белгород-Днестровского района⁶. В 1980 г. им же раскопано четыре сарматских погребения у с. Белолесье Татарбунарского района⁷. В 1976 г. Г. Ф. Чеботаренко раскопал впускные погребения у с. Кислица Измаильского района и у с. Приморское Килийского района⁸. Сведения о сарматских памятниках на севере рассматриваемого региона обобщены в виде археологической карты⁹. Их исследование предпринято Э. А. Рикманом¹⁰.

В некоторых изданиях встречаются

отдельные неточности, когда в качестве сарматских определяются безынвентарные погребения, не обладающие однозначными признаками принадлежности к сарматской культуре. Так, нельзя считать обоснованным определение в качестве сарматских следующие захоронения: № 2 из кургана 1, № 2 из кургана 2, № 13 из кургана 4 у с. Кислица и № 18, 21, 27, 29 и 49 из кургана 1 у с. Приморское¹¹. Погребения № 1, 2, 4 из кургана 8 возле с. Баштановка, № 2 из кургана 10 возле с. Нерушай, № 1 из кургана 1 у с. Глубокое¹², № 3 из кургана 8 у с. Огородное¹³, судя по обряду и погребальному инвентарю, вероятнее всего принадлежат поздним кочевникам, а некоторые из них вообще четко неопределимы.

В 1977—1978 гг. Измаильская экспедиция исследовала комплекс памятников первой половины I тысячелетия н. э. (рис. 1, схема), расположенный в 4 км к югу от с. Холмское Арцизского района Одесской области на плато левого берега степной р. Таплык при ее впадении в оз. Китай. Здесь раскопана курганный группа, обнаружены сарматский могильник, поселение первых веков нашей эры Холмское II, а также поселение черняховского типа Холмское III и связанный с ним могильник. Материалы сарматского и черняховского могильников публикуются в настоящем издании. Результаты исследований поселения Холмское II изданы несколько ранее. Большая часть поселения Холмское III уничтожена шоссе Одесса — Болград, его остатки еще не изучались. Курганный группа у станции Дзинилор Килийского района исследовалась в 1979 г. Она расположена на плато в 3 км к западу от оз. Китай. В курганах и возле них найдены несколько сарматских захоронений. В том же году начаты раскопки комплекса памятников, расположенных к северу от с. Главаны Арцизского района. Здесь на левом берегу р. Алияга

в 1,5 км к северу от села обнаружен и частично раскопан сарматский могильник. Он примыкает к поселению первых веков нашей эры Главаны III. В полукилометре к югу от могильника расположено черняховское поселение Главаны I, изучение которого ведется Буджакской экспедицией Одесского археологического общества. В 1979 и 1981 гг. на восточном берегу оз. Кагул к югу от с. Нагорное в Ренийском районе велись раскопки отдельных сарматских курганов. Они расположены на плато вдоль обрывистого берега озера. В непосредственной близости от курганов на берегу выявлены различные поселения I тысячелетия н. э., в том числе первых веков нашей эры и черняховские. Нами раскапывались селища черняховской культуры Нагорное III и Нагорное IV. Комплексное изучение нескольких разнокультурных и разновременных памятников первой половины I тысячелетия н. э., расположенных тесными группами у сел Холмское, Главаны и Нагорное, позволяет детально рассматривать вопросы их хронологического и культурного взаимоотношений. Отдельные сарматские курганы раскопаны возле с. Мирное Килийского района и с. Каланчак Измаильского района. В разных местах Буджака в древних курганах обнаружены впускные сарматские погребения.

Другой категорией памятников первых веков нашей эры являются поселения разных культурно-хозяйственных типов. Кроме поселений черняховской культуры, нами выделены: селища первых веков нашей эры, предшествующие по времени черняховским¹⁴. Такое же явление зафиксировано в степной части Молдавии (поселения первых веков нашей эры у сел Чисмикиой и Этулия на оз. Кагул¹⁵). Изучение этих многочисленных поселений только начинается. Однако есть основания полагать, что они неоднородны в культурном и хронологическом отношениях. Селища типа

Волчья балка¹⁶ и Холмское II¹⁷ принадлежали земледельцам, но следов долговременных жилищ на них не обнаружено, найдены только многочисленные хозяйственные ямы. Часть объектов, входящих в число поселений, могли быть стойбищами кочевников. На них фиксируется лишь редкий разброс керамики. Особое явление представляют собой поселение и могильник первых веков нашей эры Молога II на Днестровском лимане: здесь зафиксированы каменное домостроительство и позднескифский погребальный обряд¹⁸.

Следующий хронологический этап представлен черняховскими памятниками. Разведочные данные о них впервые обобщены И. Т. Черняковым¹⁹. Н. М. Шмаглий и Н. М. Кравченко обследовали ряд поселений и впервые уловили разницу между черняховскими поселениями и селищами, предшествующими им по времени²⁰. Степные поселения черняховской культуры, в отличие от лесостепных, небольших размеров. На многих из них, видимо, было всего по несколько домов. Обитатели поселений — оседлые земледельцы, жившие в каменных и каркасных домах.

В южной части Буджака черняховских могильников исследовано пока немного, но и при этом очевидны их различия. Небольшой (два погребения с труположением и два — трупосождения ямного типа) могильник в с. Приморское²¹ Белгород-Днестровского района на берегу оз. Будаки (Шаболат) характеризуется биритуальным погребальным обрядом. На поселении, с которым он связан, раскопана полужемлянка. Признаков наземных домов не обнаружено. Могильник у с. Фурмановка²² (17 труположений и 1 сожжение ямного типа) характеризуется различным устройством могильных ям (подбой, ямы простые и с заплечиками) и наличием «княжеского» захоронения. Возле с. Беленькое Белгород-Днестров-

ского района исследовались остатки нескольких земляных склепов IV в. н. э.²³.

Могильники у сел Виноградовка²⁴ и Васильевка²⁵ Болградского района, обнаруженные при случайных обстоятельствах, оказались сравнительно малоинформативными.

Накопленный Измаильской экспедицией материал существенно расширяет круг археологических источников по истории населения низовьев Дуная в первой половине I тысячелетия н. э., дает возможность определить структуру и хронологию памятников этого региона, позволяет уточнить понимание и ранее известных памятников.

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ с. ХОЛМСКОЕ

Сарматский могильник (рис. 1) вскрыт на площади около 4 га. Погребения располагались возле энеолитического кургана. Их разделяло неглубокое понижение, по которому, очевидно, и в древности происходил сток вод с плато. С востока, юга и запада граница могильника установлена, к северу он мог иметь продолжение. Захоронения на могильнике сосредоточены вокруг пяти квадратных в плане ровов. Все они одинаковы по конструкции и лишь незначительно отличаются размерами. Рвы ориентированы углами по частям света и все разомкнуты на юго-западной стороне, где был вход на огражденную ровом территорию. Погребений здесь не обнаружено. Рвы в сечении клиновидные и заполнены плотным черноземом. Видимо, после сооружения они не засыпались и лишь постепенно естественным путем заполнялись грунтом.

Ров I. Его размеры 13×13 м, углы слегка закруглены. Глубина 1,65 м, ширина на уровне обнаружения под слоем пахоты 1,1 м. Ширина прохода 2 м.

Ров II. Размеры 11×11,5 м, глубина 1 м. Ширина рва в сечении 0,65,

ширина прохода 2 м. В заполнении рва на глубине 0,6 м найдено горло светлоглиняной узкогорлой амфоры с клеймом (рис. 8, 20). Оно нечеткое, видимо, состояло из брук в прямоугольной рамке (рис. 8, 21).

Ров III. Размеры 13×13 м. Глубина 1 м, ширина в сечении 1,2 и ширина прохода 2 м.

Ров IV. Размеры 12×12 м. Глубина 1,05, ширина в сечении 0,75 и ширина прохода 2 м.

Ров V. Размеры 16×16 м. Глубина рва 1,15 м, ширина — 1 и ширина прохода 1,2 м. В заполнении рва найден обломок профилированной ручки сероглиняного сосуда (рис. 7, 9).

Погребение 1 обнаружено сразу под слоем пахоты. Оно сильно разрушенное, безынварное. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Очевидно захоронение с сарматским могильником не связано, поскольку столь мелкие могилы для него не характерны.

Погребение 2 открыто под слоем пахоты. Могильная яма в форме овала с вогнутым неровным дном. Погребенный (ребенок) лежал на спине вытянуто, головой на северо-восток. Захоронение к сарматскому могильнику отношения также не имеет (рис. 3, 2).

Погребение 3 (рис. 3, 5). Яма прямоугольная (180×55 см) с подбоем под восточной стенкой. Углы ямы незначительно закруглены. Длина подбоя 180, ширина в изголовье 50, в ногах 40 см. Дно подбоя неровное, вогнутое, на 10 см ниже дна входной ямы. Максимальная высота свода подбоя 35 см. Вдоль его восточной стенки идет уступ шириной до 20 см. Погребенный (ребенок) находился в вытянутом положении, на спине, головой на север. Возле черепа найдена грубая лепная чашечка (рис. 3, 3), приблизительно полусферической формы. Ее высота 4 см, диаметр венчика — 8 и дна — 4 см. Возле костей ног ниже колен найдены несколько

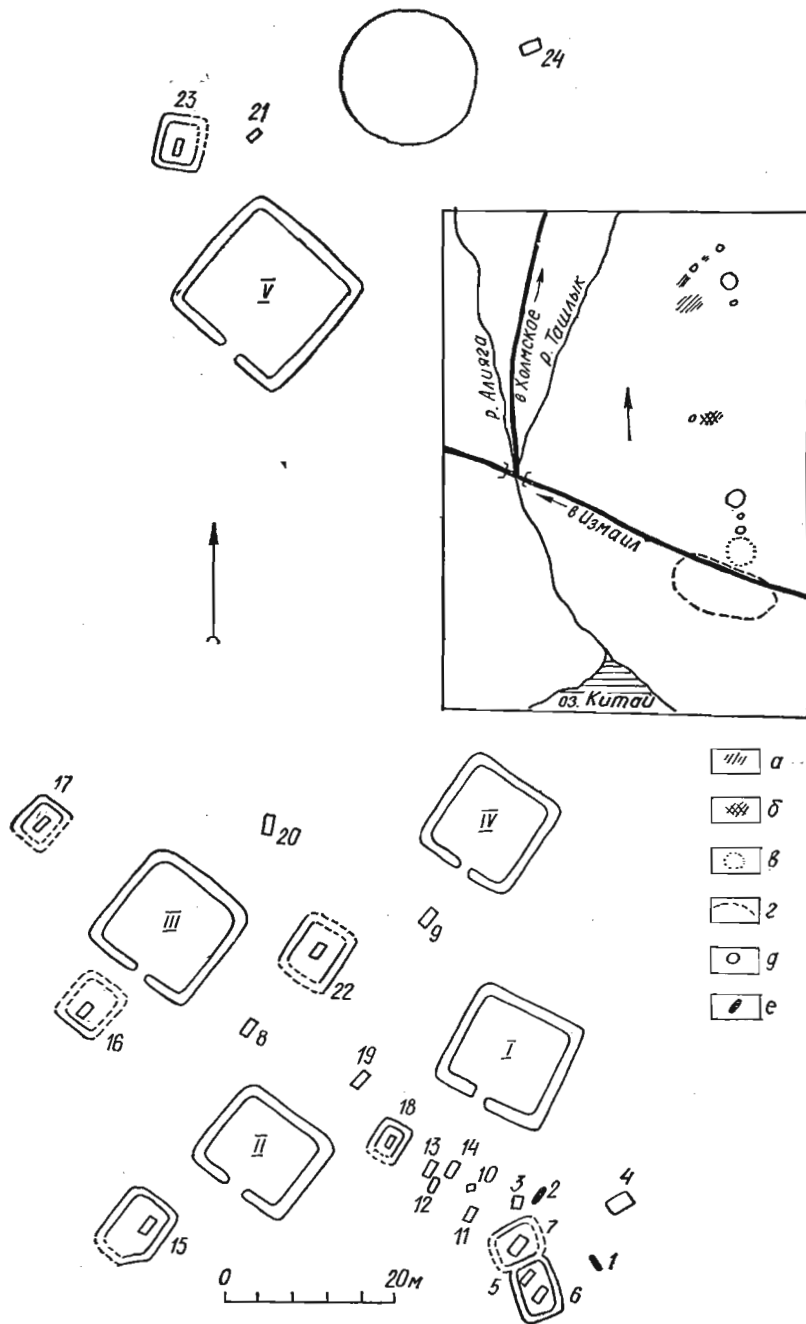

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников у с. Холмское и план сарматского могильника:
 а — сарматский могильник; б — черняховский могильник; в — район скопления хозяйственных ям поселения Холмское II; г — поселение Холмское III; д — курган; е — погребения, не относящиеся к могильнику.

мелких разноцветных (зеленые, желтые и др.) бус (рис. 3, 4) и одна синяя стеклянная в форме параллелепипеда со скругленными углами, а также веточка красного коралла.

Погребение 4 (рис. 2, 1). Яма с заплечиками, верхняя часть которой до уступов трапецевидная в плане. Глубина ее до заплечиков 190 см, длина 220, ширина в изголовье 110 см. Ширина уступов 25 и 10—12 см. Общая глубина могилы 3,8 м. Нижняя часть ямы прямоугольная (270×1000 см). К ногам она сужается до 90 см. Углы ее закруглены, дно посыпано мелом, а поверх него — камышовая подстилка. Стебли камыша лежали поперек ямы. В нижней части заполнения попадались кусочки дерева или коры. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кисть правой руки лежала на костях таза. Лицевая часть черепа (возле глазниц) окрашена красной краской. В изголовье обнаружен красноглиняный одноручный широкогорлый кувшин (рис. 2, 5). Его высота 19,5, диаметр устья 10,5, дна 8,4 см. Поддон кольцевой, ручка прикреплена к венчику и плечу. Горловина отделена от тулова двумя концентрическими бороздками. Рядом с кувшином находились кости животных, среди которых лежал железный нож с деревянной рукояткой (рис. 2, 2). Длина ножа с рукояткой 16,5 см. Возле шейных позвонков найдены крупные бусы. Одна бусина (рис. 2, 6) из синего глухого стекла с восемью глазками по четыре у каждого конца. Размеры бусины: длина 3,5 см, в поперечнике 2, диаметр канала 0,8 см. Глазки синие в светлом (желтом или белом?) обводе. Бусину в центре опоясывает такая же светлая, как обвод глазков, нить. Пять бочонковидных бусин (рис. 2, 7) из глухого черного стекла с белой поперечной спиралевидной полоской. Их размеры: длина 2—2,5 см, максимальный диаметр 1,5, ширина канала 0,5 см.

Семь бусин из стекла разного цвета вытянуто-бочонковидной формы (рис. 2, 8). Их длина 1 см, максимальный поперечник 0,8 см. Семь бусин в основном из синего стекла нечеткой сегментовидной формы. Их длина 0,8, в поперечнике 0,8 см. Четыре сегментовидные глазчатые бусины (рис. 2, 10) из глухого стекла одинаковых размеров: длина 0,6 см, диаметр — 1, диаметр канала 0,4 см. Из них одна синяя с бело-синими глазками, остальные красные с трехслойными глазками. У глазков внешний обвод белый, затем — того же цвета, что и бусина, центр — темный, иного цвета.

Справа от черепа найден кусочек охры и бронзовая игла. Возле правой ключицы находилась серебряная фибула среднелатенской схемы (рис. 2, 11) с прилипшими остатками ткани. Ее прямоугольно изогнутая спинка выкована из прямоугольного в сечении стержня. Ножка не сохранилась. Повидимому, как обычно у таких фибул, свободный конец ножки был загнут кверху и скреплен со спинкой скрепой-муфтой. Отдельно сохранился приемник, конически сужающийся к внешней стороне, и рядом с ним серебряное колечко (диаметр 0,7 см) с петелькой.

На запястьях обеих рук были серебряные змеиголовые браслеты в два оборота (рис. 2, 3, 4) из круглой в сечении проволоки толщиной в 0,3—0,4 см, а также 30 круглых золотых бляшек (рис. 2, 12) и около полсотни мелких различных бус (рис. 2, 13). Бляшки полусферической формы диаметром 1 см с ложной зернью по краям и с двумя-тремя отверстиями для нашивания. Бусы мелкие, округлые, из прозрачного стекла и бочонковидные сердоликовые, до 0,6 мм длиной, сверление двустороннее. Очевидно, и бляшками, и бусами были обшиты края рукавов одежды. На костях ног у щиколоток найдены два серебряных браслета в полтора оборота (рис. 2, 14, 15) из

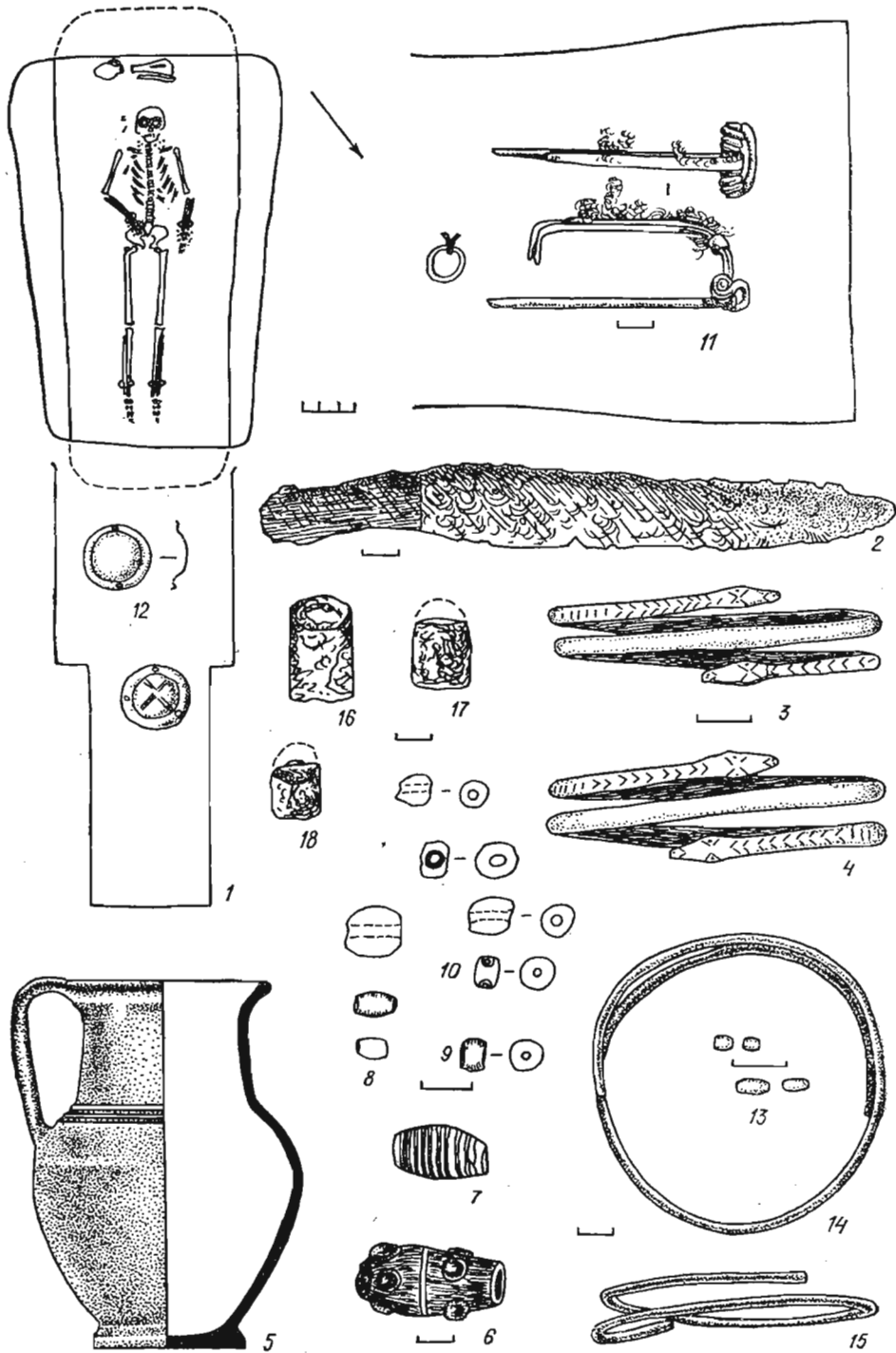

Рис. 2. Сарматский могильник у с. Холмское:
1—18 — погребение 4.

круглой проволоки толщиной 0,3 см. В придонной части заполнения могилы обнаружены три железные ведровидные подвески (рис. 2, 16—18). Все они одинакового диаметра — около 1,5 см, высота (без дужки) разная — 2, 1,5 и 1,2 см.

Погребение 5 (рис. 3, 1) вместе с погребением 6 окружены общим небольшим ровиком (рис. 3, 8) неправильно подпрямоугольной формы (4,4×6,4 м) с закругленными углами. Его стенки вертикальные, дно — вогнутое. Ширина в сечении 50, глубина 65 см. Заполнение черноземное с вкраплениями суглинка.

Могильная яма (230×125 см) прямоугольная с заплечиками. Ее длинные стенки до заплечиков наклонены внутрь. Глубина верхней части до заплечиков 110, нижней — 40 см. Заплекники разной ширины. Общая глубина могилы 150 см. Ширина нижней части ямы 80 см. На дне отмечен коричневый глен. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Череп повернут налево.

Погребение 6 (рис. 3, 7). Яма с заплечиками, нижняя часть которой несколько длиннее верхней. Размеры верхней — 100×200 см, глубина 100 см. Длинные борта до уровня заплечиков наклонены внутрь, короткие — на всю глубину. Ширина нижней части ямы 70, глубина 55 см. Общая глубина могильной ямы 155 см. От уровня заплечиков и ниже в заполнении попадались кусочки дерева, вероятно, остатки перекрытия. На дне отмечен коричневый глен.

Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. На груди найдена овальная железная пряжка (рис. 3, 6).

Погребение 7 (рис. 4, 1) так же окружено ровиком (рис. 3, 8) подпрямоугольной формы со скругленными углами, вытянутым с северо-востока на юго-запад. Стороны несколько выгнуты.

Его размеры 5×4,6 м. Юго-восточная сторона ровика смыкается с ровиком погребений 5 и 6. Стенки ровика, вероятно, были вертикальными. Его дно округлое. Глубина 75, ширина в сечении 45 см.

Могильная яма прямоугольная с заплечиками. Продольные стенки наклонены внутрь до уровня заплечиков, поперечные — до дна. Размеры верхней части ямы 180×80×110 см. Ширина заплечиков 20 см. Нижняя часть ямы в плане трапециевидная. Размеры ее длинных сторон: 240 и 225 см, ширина в изголовье 65, в ногах 48, глубина от заплечиков 55 см. Общая глубина могилы 165 см. Яма была заполнена суглинком, в котором попадались кусочки дерева с отпечатками белого растительного глена.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. У черепа справа стоял лепной горшок (рис. 4, 2) с коротким слабо отогнутым венчиком и покатыми плечиками. Его высота 12,7, диаметр венчика 9, дна — 8 см. Возле левой ключицы находилась железная пряжка и железная оконцовка ремня (рис. 4, 21, 22). У костей правой ноги — обломок удлинненной железной оконцовки ремня (рис. 4, 3), сужающейся к концу. Ее длина 6, ширина 1,3 и 1 см.

Погребение 8 (рис. 4, 4) в прямоугольной яме с заплечиками, верхняя часть которой имела несколько выгнутые наружу длинные стенки. Ее размеры: 200×98 см, глубина до заплечиков — 55, ширина заплечиков 15 см. Ширина нижней части 78 см. Общая глубина могильной ямы 95 см.

Костяк находился в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на северо-восток. По бокам черепа найдены серебряные височные кольца с несомкнутыми приостренными концами (рис. 4, 5, 6). Диаметр колец 2,8 см. Они сделаны из круглой в сечении проволоки. Возле шейных позвонков на-

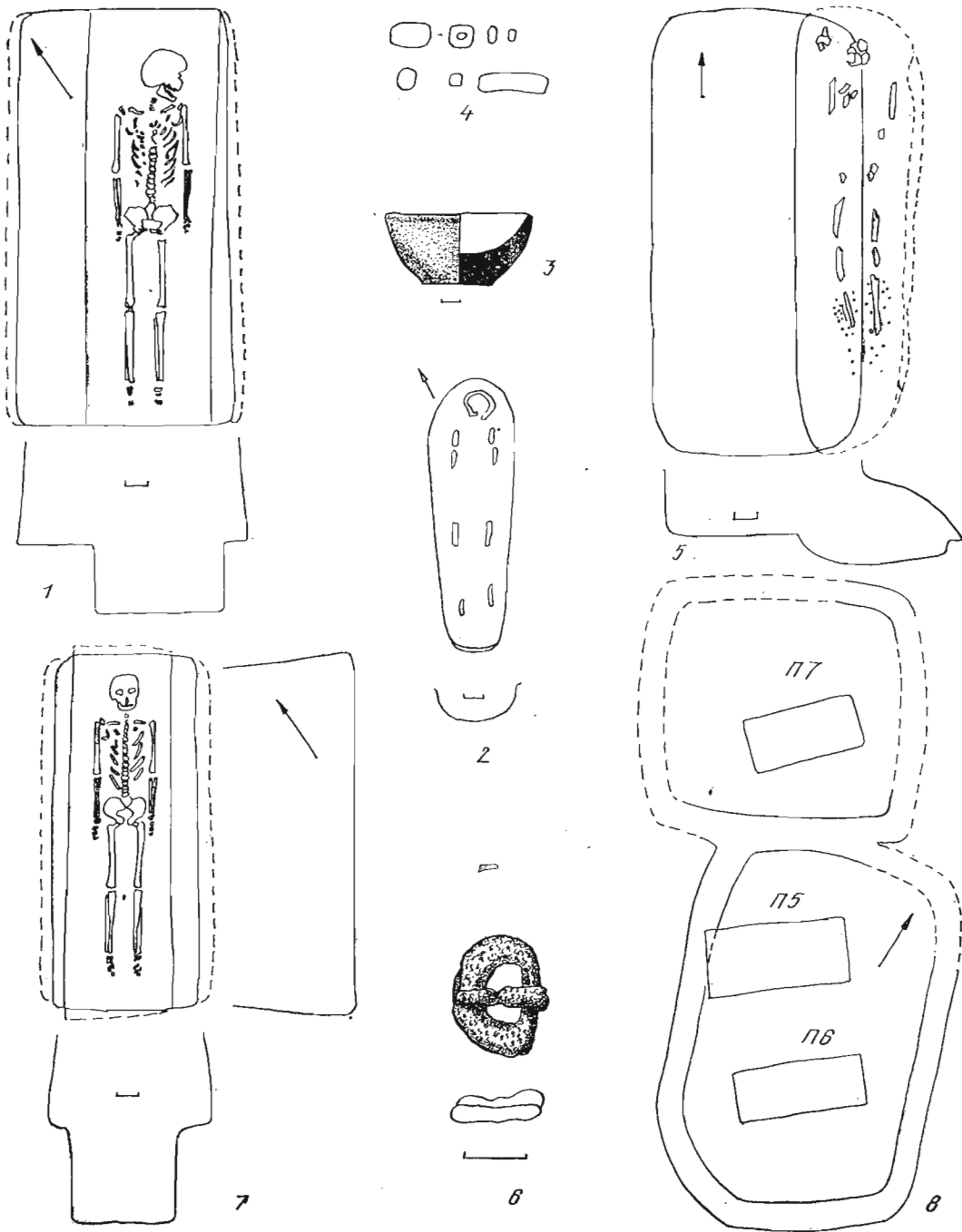

Рис. 3. Сарматский могильник у с. Холмское:

1 — погребение 5; 2 — погребение 2; 3—5 — погребение 3; 6, 7 — погребение 6; 8 — общий план погребений 5, 6, 7.

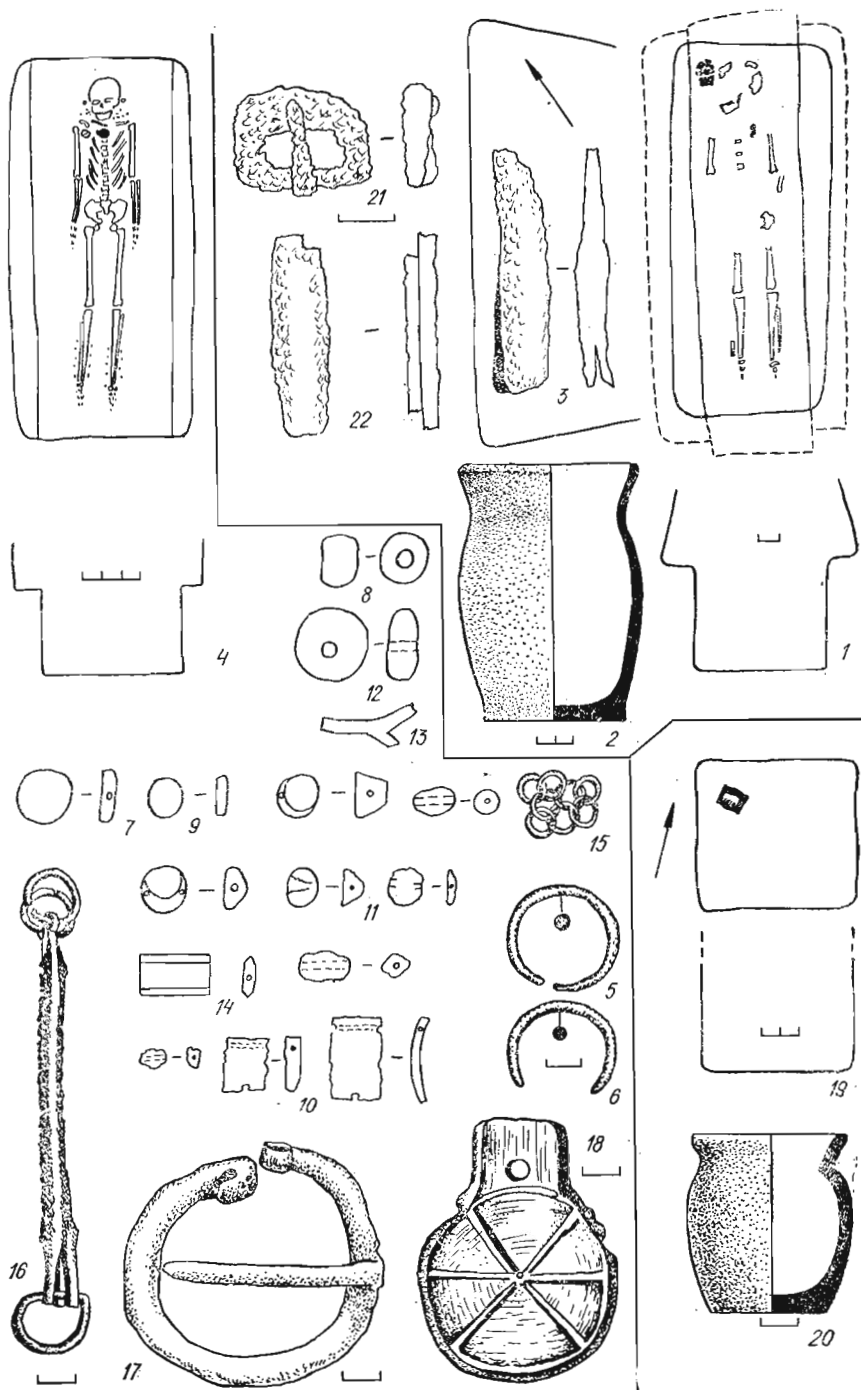

Рис. 4. Сарматский могильник у с. Холмское:

1—3, 21, 22 — погребение 7; 4—18 — погребение 8; 19—20 — погребение (?). 10.

ходились различные бусы. Стекланные: синие таблетковидные (рис. 4, 7), крупная сегментовидная светлая (рис. 4, 8); из перламутровой раковины — 4 таблетковидные (рис. 4, 9), 12 плоских прямоугольных с выемками по краям (рис. 4, 10) и неправильноокруглые (рис. 4, 11); 3 янтарные кольцевидные (рис. 4, 12); 10 коралловых (рис. 4, 13); 2 сердоликовые — таблетковидная и плоская шестигранная (рис. 4, 14). Вместе с бусами лежало украшение из сцепленных бронзовых колечек (рис. 4, 15). Здесь же находилась бронзовая застежка-зажим (рис. 4, 16), состоящая из двух трубочек. Внешняя — большего диаметра с продольной прорезью. На одном конце она раздвоена и загнута. Другой конец сужен и тоже загнут. Вторая трубочка, меньшего диаметра, с железным стержнем внутри, вжимается через прорезь в первую, чем и достигается эффект застежки. Внутренняя трубочка сужена и загнута на обоих концах. С одной стороны обе трубочки соединены одним кольцом шарнирно. На свободных концах обеих трубочек подвешено по кольцу для удобства раскрывания зажима. На обеих трубочках имеются вычеканенные выпуклости. Общая длина застежки без колец 10 см. На правом плече погребенного лежала массивная железная пряжка-сьюльгама (рис. 4, 17) диаметром 6,8 см. На грудинной кости найдено бронзовое зеркало с прямоугольным ушком для подвешивания (рис. 4, 18). На оборотной стороне зеркала — орнамент в виде шести радиальных лучей. Диаметр зеркала 5 см. Вокруг костей голени и у стоп выявлены многочисленные мелкие округлые стекланные разноцветные бусы и три бочонковидные синие, вероятно, нашпавшиеся на сапожки.

Погребение 9 представляло собой прямоугольную яму размерами 235×90×150 см. Могильная яма вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребение ограблено. В заполнении

найжены обломки человеческих костей и кусочки дерева.

Погребение (?) 10 (рис. 4, 19). Яма почти квадратной формы (80×75×83 см), вырыта небрежно, дно плоское, ориентирована углами по частям света. В западном углу лежал лепной грубый толстостенный горшок со слабо отогнутым венчиком (рис. 4, 20). Его высота 9,5, диаметр устья 8 см.

Погребение 11 (рис. 5, 1) в прямоугольной яме с заплечиками, детское. Стенки ямы до заплечиков наклонены внутрь. Размеры ямы по уровню обнаружения: 125×60, на уровне заплечиков — 150×85 см. Таким образом, нижняя часть ямы по всему обводу окружена заплечиками. Глубина верхней части ямы 120 см. Нижняя часть прямоугольная (115×42 см) с вертикальными стенками и плоским дном. Глубина ее 30 см. Общая глубина могилы 150 см. Погребение нарушено. Однако расположение находок свидетельствует о том, что оно было ориентировано на северо-восток. Возле северо-восточной стенки нижней части ямы найдено бронзовое височное кольцо с разомкнутыми концами (рис. 5, 2) и различные бусы: 5 катушковидных черных фаянсовых (рис. 5, 3) и стекланные — три шаровидные зеленые (рис. 5, 4), одна округло-прямоугольная (рис. 5, 5), одна 14-гранная синяя (рис. 5, 6).

Погребение 12. Прямоугольная яма (190×60 см) глубиной 100 см, ориентирована по направлению северо-восток — юго-запад. Углы слегка закруглены, дно плоское. Следов костяка не найдено.

Погребение 13 (рис. 5, 8) в прямоугольной яме с заплечиками. Размеры верхней части ямы 240×110 см. Ширина нижней части между заплечиками 60, глубина 30 см. Общая глубина ямы 160 см. В заполнении попадались кусочки дерева и черный тлен. Захоронение ограблено, сохранились лишь берцовые кости ног. Погребенный лежал

на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. У левой ступни стоял красноглиняный одноручный кувшинчик (рис. 5, 9). Сосуд покрыт в верхней части плохим красным лаком. Его высота 8,5, диаметр устья 6,5, дна — 3,8 см. Вокруг костей ног и под ними найдено несколько сот мелких стеклянных бус.

Погребение 14 (рис. 5, 7) в подпрямоугольной яме с заплечиками, ориентированной по направлению северо-восток — юго-запад. Длина верхней части ямы 260, ширина в изголовье 105, в ногах — 98 см. Длинные борта наклонены внутрь. Глубина могилы 135, глубина нижней части ямы 60, общая глубина 195 см.

Погребение ограблено. В заполнении попадались обломки человеческих костей. На дне ямы, возле северо-восточной стенки, найдены зубы, что может указывать на северо-восточную ориентировку костяка.

Находки: миниатюрная бронзовая пряжка (рис. 5, 10) с железным язычком и частично сохранившейся железной обоймой. Она сделана из плоского кольца диаметром 1,4 см с насечками на одной стороне; обломки железного меча со следами деревянных ножен (были сосредоточены в основном в восточной части ямы); обломок изделия из железа с бронзовой заклепкой; обломок то ли алебастрового навершия меча, то ли прислица из мела (рис. 5, 16); фрагментированный железный однолезвийный нож (рис. 5, 15) с деревянной ручкой, удерживавшейся на черенке с помощью железной заклепки. Длина ножа 6,5 см. В погребении обнаружена также фрагментированная прямоугольная (7×4 см) железная пряжка (рис. 5, 12) с прямоугольным сечением; обломок железного стержня (рис. 5, 11), прямоугольного в сечении; обломки различных изделий из железа, среди которых преобладают прямоугольные в

сечении и округлые стержни. Некоторые из них изогнуты (рис. 5, 13, 14).

Погребение 15 (рис. 5, 17) окружено ровиком прямоугольной в плане формы (9,5×6,5 м) с одним срезанным углом. Он вытянут с северо-северо-востока на юго-юго-запад, в сечении такой же, как и вышеописанные. Его ширина в сечении 40, глубина 90 см. Могила расположена несколько ацентрично. Она прямоугольна (250×120 см), глубиной 135 см. Погребение ограблено. В заполнении найдены обломки человеческих костей, железного меча с отпечатками деревянных ножен и каменный растиральник (рис. 5, 18).

Погребение 16 (рис. 5, 19) также окружено прямоугольным ровиком (рис. 6, 1) шириной 7, длиной предположительно 8 м. Его ширина 40, глубина 45 см. Заплечики шириной 20 см вырыты на глубине 95 см. Ширина ямы между заплечиками 80, глубина 50 см. Общая глубина могилы 150 см.

Погребенный находился в вытянутом положении на спине, ориентирован на северо-восток. Поверх костяка поперек ямы лежал обломок деревянного перекрытия. На тазовой кости найдена бронзовая прямоугольная пряжка (рис. 6, 2) размером 7,3×2,3 см. На рамке с наружной стороны имеются декоративные насечки. Обойма двойная (7×3 см), ее пластины крепились к ремню тремя заклепками с округлыми шляпками. Язычок подвижный с двумя рожками. Возле правой бедренной кости находилась овальная железная пряжка (рис. 6, 3). На щиколотке левой ноги обнаружена еще одна овальная бронзовая пряжка с прямоугольной железной обоймой (рис. 6, 4).

Погребение 17 (рис. 6, 5) окружено прямоугольным ровиком (7×4,5 м) с округленными углами, ориентированным по длине с северо-востока на юго-запад. Глубина ровика 50, ширина 45 см. Могильная яма немного смещена от центра пространства, огра-

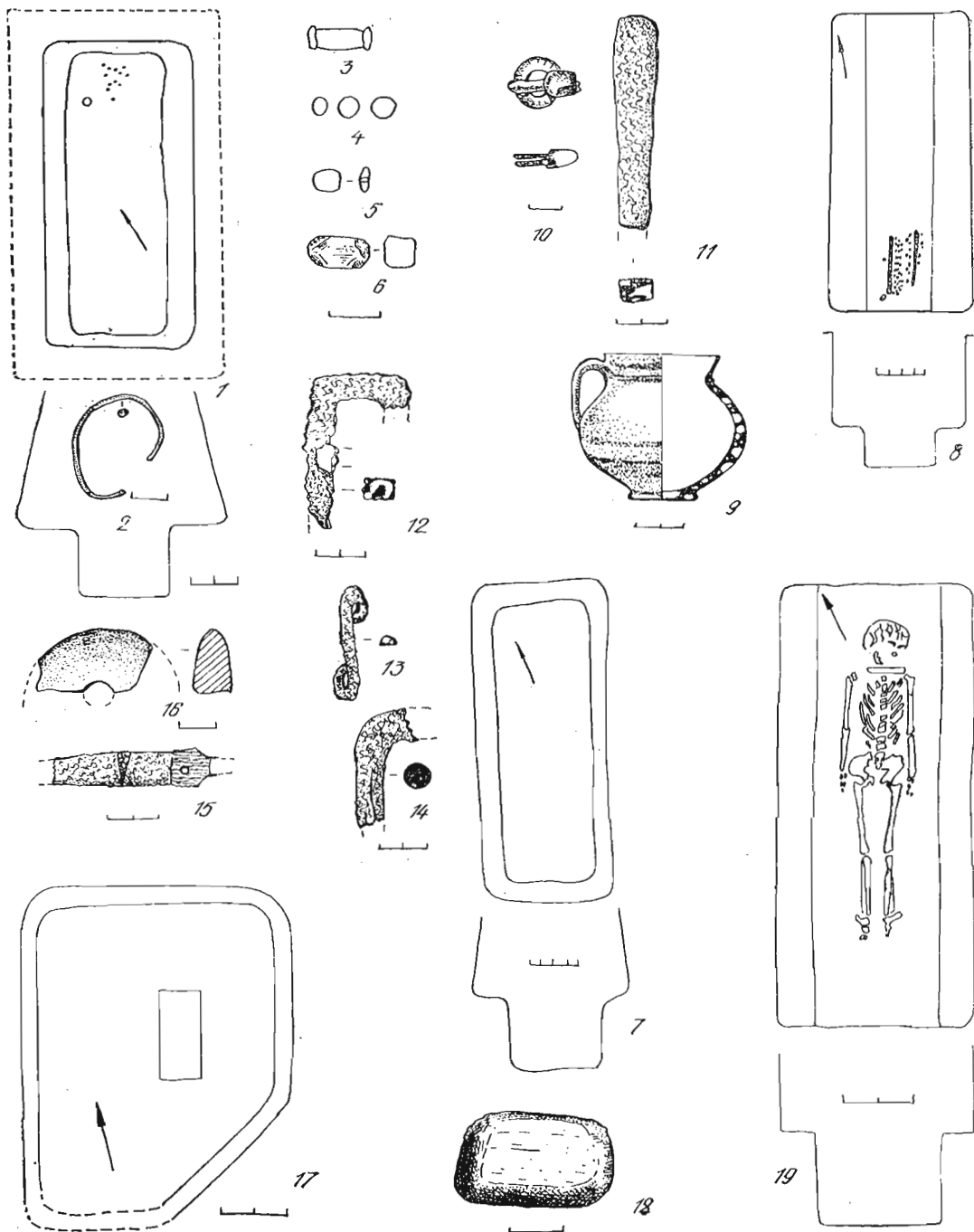

Рис. 5. Сарматский могильник у с. Холмское:

1-6 — погребение 11; 7, 10-16 — погребение 14; 8, 9 — погребение 13; 17, 18 — погребение 15; 19 — погребение 16.

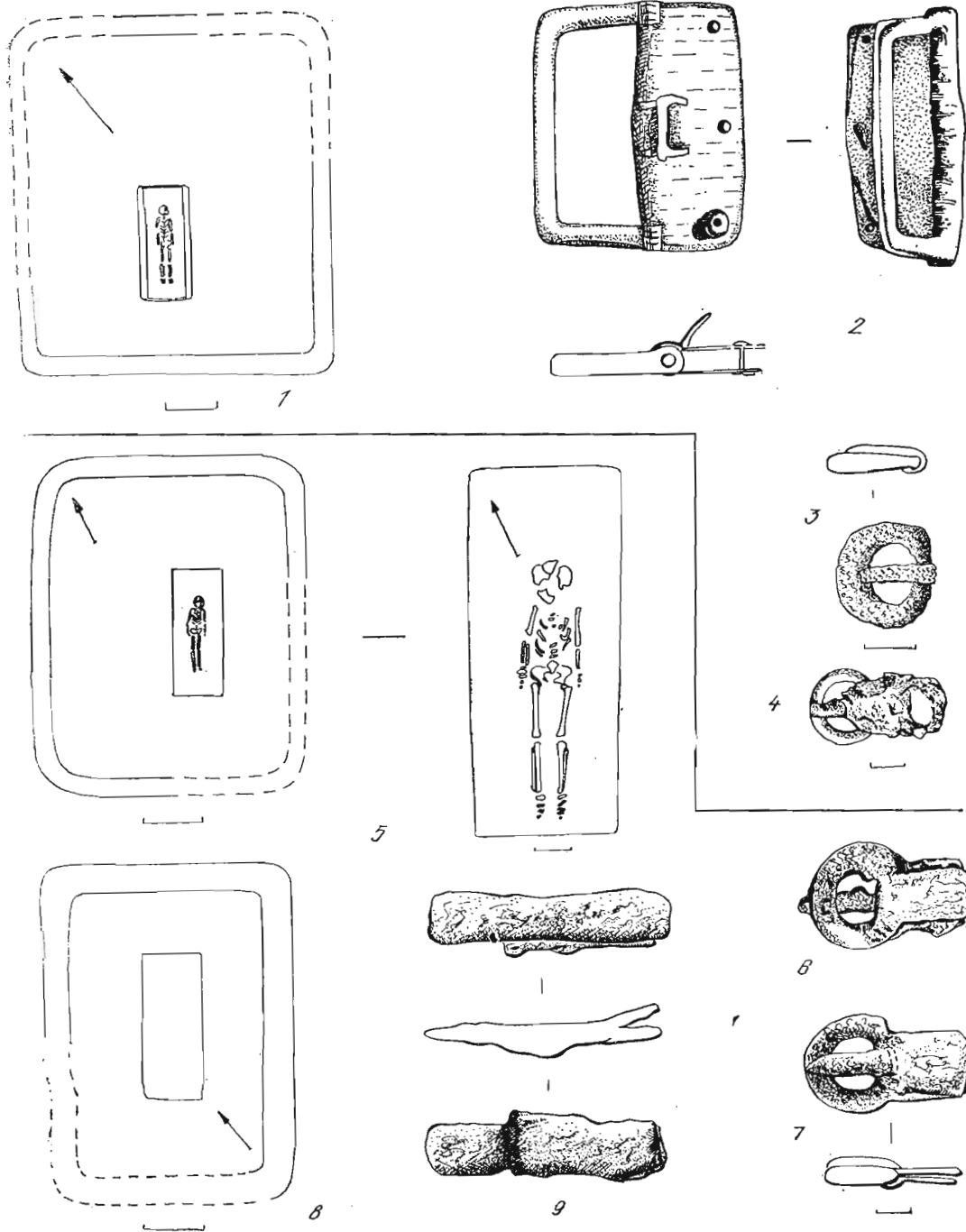

Рис. 6. Сарматский могильник у с. Холмское:
 1—4 — погребение 16; 5—7, 9 — погребение 17; 8 — погребение 18.

жденного рвом. Яма прямоугольная (210×80 см), глубиной 135 см. Дно плоское. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. На пиколотках обеих ног лежали одинаковые железные пряжки с двойной подпрямоугольной обоймой (рис. 6, 6, 7). Рядом находилась двойная прямоугольная пластина, служившая оконцовкой ремня (рис. 6, 9).

Погребение 18 (рис. 6, 8) окружено прямоугольным ровиком (5,5×4 м), вытянутым с северо-востока на юго-запад. Глубина ровика 47, ширина — 55 см. Могильная яма прямоугольная (240×100 см) и ориентирована по направлению северо-восток — юго-запад. Ее глубина 135 см. Погребение ограблено. В заполнении попадались обломки человеческих костей.

Погребение 19 (рис. 7, 1) в прямоугольной яме 250×100×155 см. На дне ямы замечен коричневатый тлен. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка подогнуты вправо. Череп повернут влево.

На левой ключице найдена бронзовая двучленная фибула с прогнутой спинкой и высоким приемником (рис. 7, 2). Она сделана из круглой в сечении проволоки (диаметр 3,5 мм). На приемнике с обеих сторон вычеканен крест. В основании спинки выковано кольцо, сквозь которое продевалась железная ось пружины. Длина фибулы 4,5 см. Вторая такая же фибула находилась на дне ямы между кистью левой руки и тазом. Возле локтя правой руки находился железный нож плохой сохранности со следами деревянной рукоятки (рис. 7, 11). Его длина 12 см. Между кистью правой руки и тазом найдена застежка-застежка (рис. 7, 4), подобная такому же изделию из погребения 8. Возле таза справа лежало пряслице (рис. 7, 5). В насыпи могилы найдена бронзовая «змеиноголовая» сережка с застежкой-крючком (рис. 7, 6).

Погребение 20 в прямоугольной яме (170×90 см), ориентированной с севера на юг с небольшим отклонением на восток. Ее глубина 100 см. Погребение полностью ограблено. В насыпи попадались обломки человеческих костей.

Погребение 21 (рис. 7, 7) в прямоугольной яме, ориентированной по направлению северо-восток — юго-запад. Все ее стенки наклонены внутрь. Размер по уровню обнаружения — 100×70, по дну — 130×100 см. Глубина ямы 100 см. Погребение ребенка ограблено. В заполнении в северо-восточном углу найден лепной сосуд (рис. 7, 8) с покатыми плечами, слабо намеченной шейкой и высоким горлом в виде раструба. Высота сосуда 10,7, диаметр венчика 7,2, дна — 5,4 см.

Погребение 22 (рис. 8, 1) окружено прямоугольным ровиком (рис. 7, 10) размерами 6,5×5,4 см, вытянутым с северо-востока на юго-запад. Ширина ровика в сечении 30, глубина 60 см. Могильная яма трапециевидная. Ее длина 185, ширина в изголовье 80, в изножье — 90, глубина 150 см. В ногах во всю ширину ямы вырыта небольшая ниша глубиной 30 и высотой 50 см.

Погребенный был положен на спину вытянуто головой на северо-восток. Правая нога немного согнута в колене. Череп повернут вправо.

По обе стороны черепа найдены большие серебряные серьги в виде разомкнутых колечек (рис. 8, 2, 3). Один конец их расплюсчен, другой приострен. Диаметр сережек около 1,5 см. Слева от черепа лежал гончарный сероглиняный одноручный кувшин (рис. 8, 4) с широким горлом, на кольцевом поддоне. Горло отделено уступом от покатых плечиков. Высота сосуда 13,3, диаметр венчика 9,2, дна — 5,8 см. Верхняя часть сосуда залощена по вертикали, нижняя — по горизонтали. Ручка в сечении ленточная с продольным желобком.

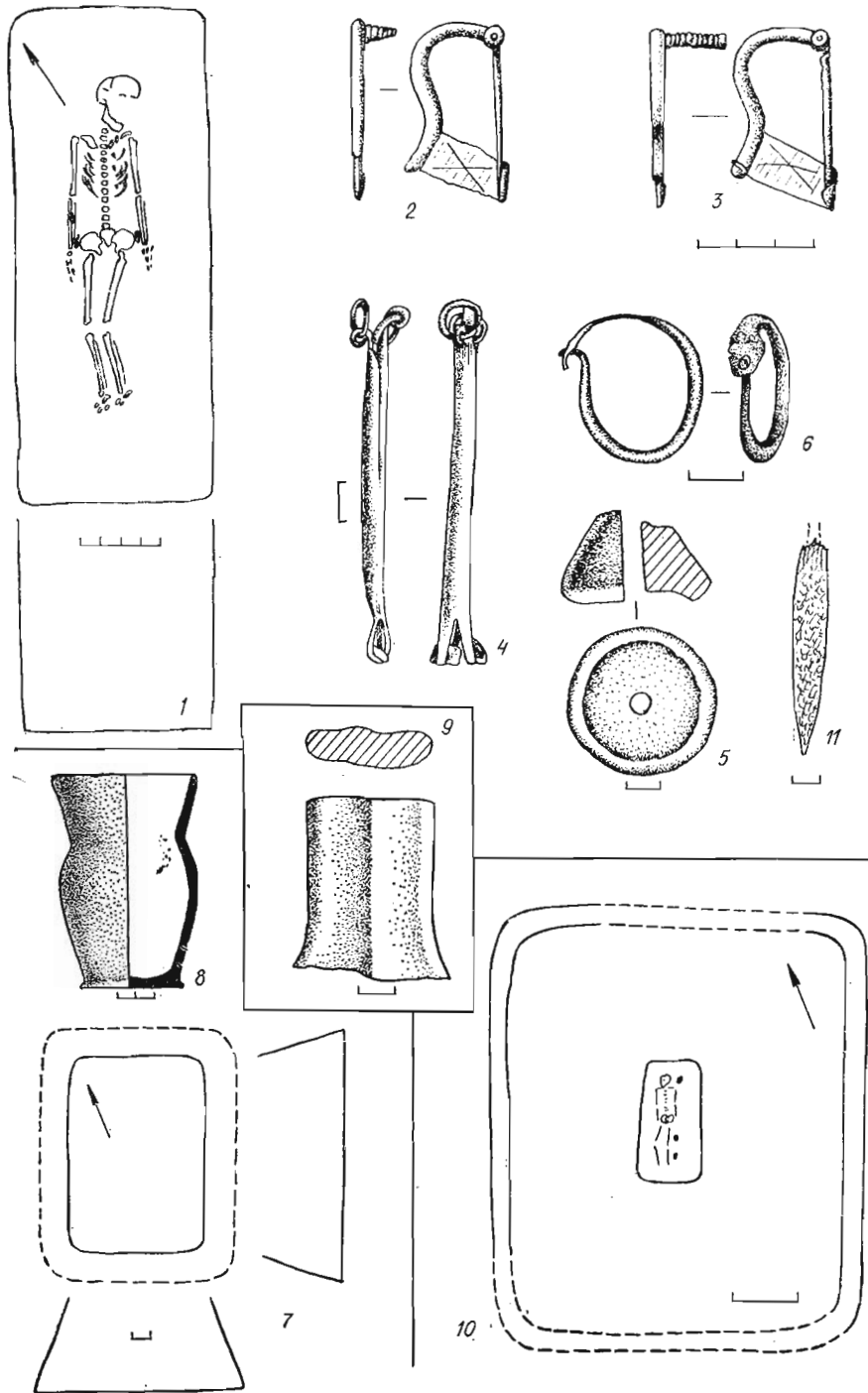

Рис. 7. Сарматский могильник у с. Холмское:

1—6, 11 — погребение 19; 7, 8 — погребение 21; 9 — ров V; 10 — погребение 22.

На шее погребенного было ожерелье из различных бус. Разнообразны по форме и цвету стеклянные: четыре многочастные (рис. 8, 5); шесть бугристых с металлической прокладкой (рис. 8, 6); кольчатые (рис. 8, 7); сегментовидные (рис. 8, 8); бочонковидные (рис. 8, 9); бисер. В ожерелье были также четыре сердоликовые бусины в форме четырехнадцатигранников (рис. 8, 10); две хрустальные такой же формы; пять янтарных неправильно округлой уплощенной формы (рис. 8, 11); шесть веточек розового коралла и три коралловые цилиндрические бусины (рис. 8, 12), три кубические — из кристаллов ширита (рис. 8, 13). У локтя правой руки обнаружена бронзовая антабка (рис. 8, 14) размерами 1,5×0,7 см. У запястий лежали нашивные золотые бляшки, округлые и каплевидные, украшенные по краю ложной зернью (рис. 8, 15, 16). Отдельные такие бляшки попадались по всей яме. Возле левого колена лежало плоское бронзовое зеркало (рис. 8, 17) диаметром 7 см, толщиной около 4 мм. Здесь же возле голени стоял гончарный краснолаковый одноручный кувшинчик (рис. 8, 18) с округлым туловом. Округлый венчик резко отогнут наружу. Высота сосуда 8, диаметр венчика 6 см. Дно не сохранилось. В ногах погребенного найдено много разноцветного бисера.

Погребение 23 (рис. 9, 1) окружено частично сохранившимся ровиком (рис. 8, 19), который по аналогии реконструирован как прямоугольный вытянутый по направлению север — юг с незначительным отклонением. Его размеры 6×7 м, глубина и ширина 60 см. В заполнении рва попадались кости животных и невыразительные обломки красноглиняного гончарного сосуда.

Могильная яма прямоугольной формы (160×70 см), вытянута с северо-востока на юго-запад, ко дну расширяется (200×110 см). Ее глубина 100 см. На дне замечен черный тлен.

Погребение ограблено. В заполнении ямы попадались обломки человеческих костей и найден ряд предметов погребального инвентаря: фрагментированная бронзовая застёжка-зажим (рис. 9, 5), подобная застёжкам из погребений 8 и 19; бронзовая шарнирная фибула (рис. 9, 11) с железной иглой, сделана из пластины, которая сужается от головки к месту завязки, где имеется перехват, спинка незначительно прогнута. Ножка от завязки расширяется. Головка раздвоена, загнутые концы держат ось. Сохранилась довольно длинная подвязка. Конструкция ножки приемника сближает эту фибулу с лучковой; обломок разбитого грабителями зеркала (со свежими сколами) с прямоугольным ушком и отверстием для подвешивания в нем (рис. 9, 7). Диаметр зеркала 4 см. На оборотной стороне сохранились слабые следы сарматской тамги; железная игла (рис. 9, 10) с отпечатком дерева на ней, вероятно, от игольника; два керамических биконических пряслица (рис. 9, 8, 9); несколько различных бусин: одна костяная прямоугольно-уплощенная (рис. 9, 3), четыре мелких округлых стеклянных, одна — таблетковидная стеклянная (рис. 9, 2), кусочек охры.

В северо-восточном углу ямы найдены два маленьких лепных горшочка. Один с покатыми плечиками (рис. 9, 6), довольно высоким горлом-раструбом и выделенным дном. Высота его 11 см. Диаметр венчика 6,5, дна — 5,6 см. Другой горшочек (рис. 9, 4) с резко отогнутым коротким венчиком, украшенным насечками. Плечики сосуда покатые, дно плоское. Высота сосуда 7, диаметр венчика 5, дна — 3,5 см.

Погребение 24 (рис. 9, 12) совершено в прямоугольной яме (230×80 см) глубиной 130 см. Ее дно плоское. На нем были видны отпечатки тростниковой подстилки. Стебли положены вдоль ямы. В заполнении и на дне попадались кусочки дерева.

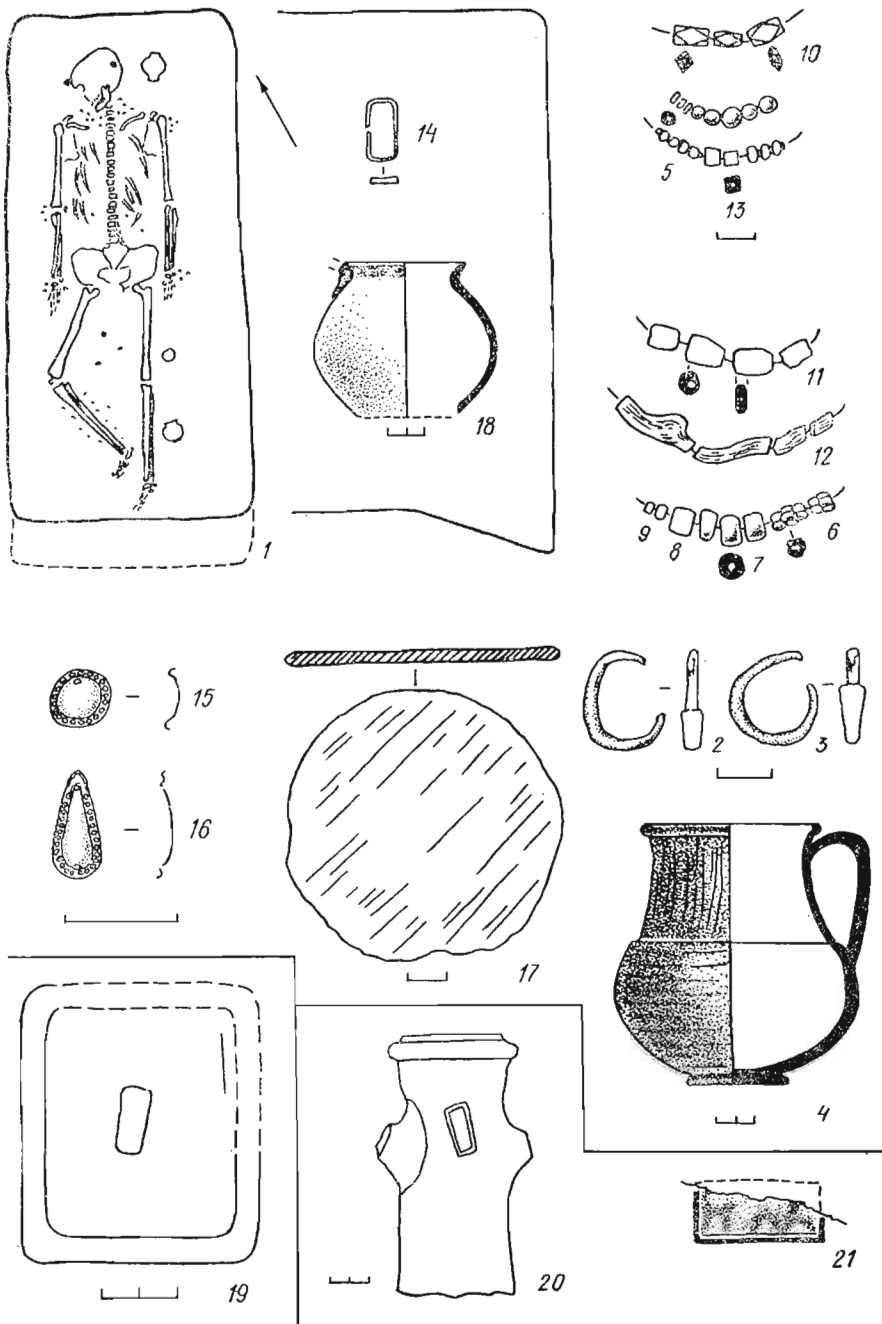

Рис. 8. Сарматский могильник у с. Холмское:
 1—18 — погребение 22; 19 — погребение 23; 20, 21 — ров II.

Погребенный положен на спину вытянуто, головой на восток-северо-восток. Костяк сильно разрушен землеройками. Многие мелкие вещи ими смещены. Возле шейных позвонков обнаружен пирамидальный бронзовый литой колокольчик с железным язычком (рис. 9, 13). Он имеет форму четырехгранной пирамидки высотой 3,5 см. Длина стороны в основании 2,3 см. По углам припаяны четыре свисающие вниз петельки. Ушко литое, округлое. Внутри бронзовая петелька, к которой подвешивался язычок. Найдено бронзовое зеркало, разбитое в древности. Оно имело прямоугольное ушко с отверстием для подвешивания, на оборотной стороне — орнамент в виде концентрических кругов, соединенных отрезками радиальных линий (рис. 9, 14). В заполнении в головках найден железный язычок от колокольчика (рис. 9, 15) длиной 2,6 см. Ушко обломано. На груди погребенного находилось 7 сердоликовых восьмигранных бусин (рис. 9, 16) и одна веточка коралла. В ногах лежал раздавленный лепной горшок (рис. 9, 17) с цилиндрическим горлом, выделенными плечами и резко сужающимся ко дну туловом. Его высота 22,5 см, диаметр венчика и дна одинаковый — 8,5 см. Вокруг берцовых костей найдено около 500 мелких разноцветных стеклянных бусин, округлых и дисковидных. Под костями местами сохранился узор из бус, нашитых на голенища сапог концентрическими кругами. Их диаметр около 1,5 см. Один из кругов был набран из дисковидных бусин с шаровидной бусиной в центре, другой — только из шаровидных. — Отдельное сарматское погребение (рис. 17, 1), не связанное с могильником, найдено на том же поле при раскопках поселения первых веков нашей эры Холмское II. В настоящее время никаких признаков кургана не сохранилось. Могильная яма узкая, овальная (165×50 см) глубиной 40 см. Дно неровное, вогнутое. Погребенный положен

на спину вытянуто, головой на север. Правая рука согнута в локте и кисть находится на костях таза. На груди найдена крупная округлая черная бусина (рис. 17, 2) из глухого стекла, служившая, очевидно, пуговицей. В ногах вокруг берцовых костей было рассыпано несколько сот разноцветных стеклянных бусин: в основном рубленные мелкие, несколько шаровидных и несколько в форме параллелепипеда со скругленными углами. Удалось проследить порядок нашивания бус, располагавшихся рядами от колен до щиколоток.

Это погребение заметно отличается по форме и глубине ямы от погребений могильника Холмское и других однотипных памятников. Есть основание полагать, что оно принадлежит к особой группе сарматских древностей. Они нами не рассматриваются, поскольку в Буджакской степи пока не обнаружены другие такие погребения.

Несмотря на сложность планировки, могильник Холмское весьма компактен. Поскольку он возник возле курганной группы, на его территории находятся погребения как более ранние (4), так и более поздние (1, 2). Еще до возникновения могильника здесь, очевидно, находился небольшой сарматский курган, к началу раскопок полностью распаханный. С ним и связано погребение 4. По погребальному обряду это захоронение значительно отличается от всего могильника, с погребениями которого его сближает только конструкция ямы с заплечиками. Погребение отличается также значительной глубиной, юго-западной ориентацией костяка, наличием меловой подсыпки и тростниковой подстилки. Южная ориентация умершего в сочетании с ямой с заплечиками, меловая подсыпка и тростниковая подстилка — характерные признаки среднесарматского периода¹.

К этому же времени относится и погребальный инвентарь. Это прежде

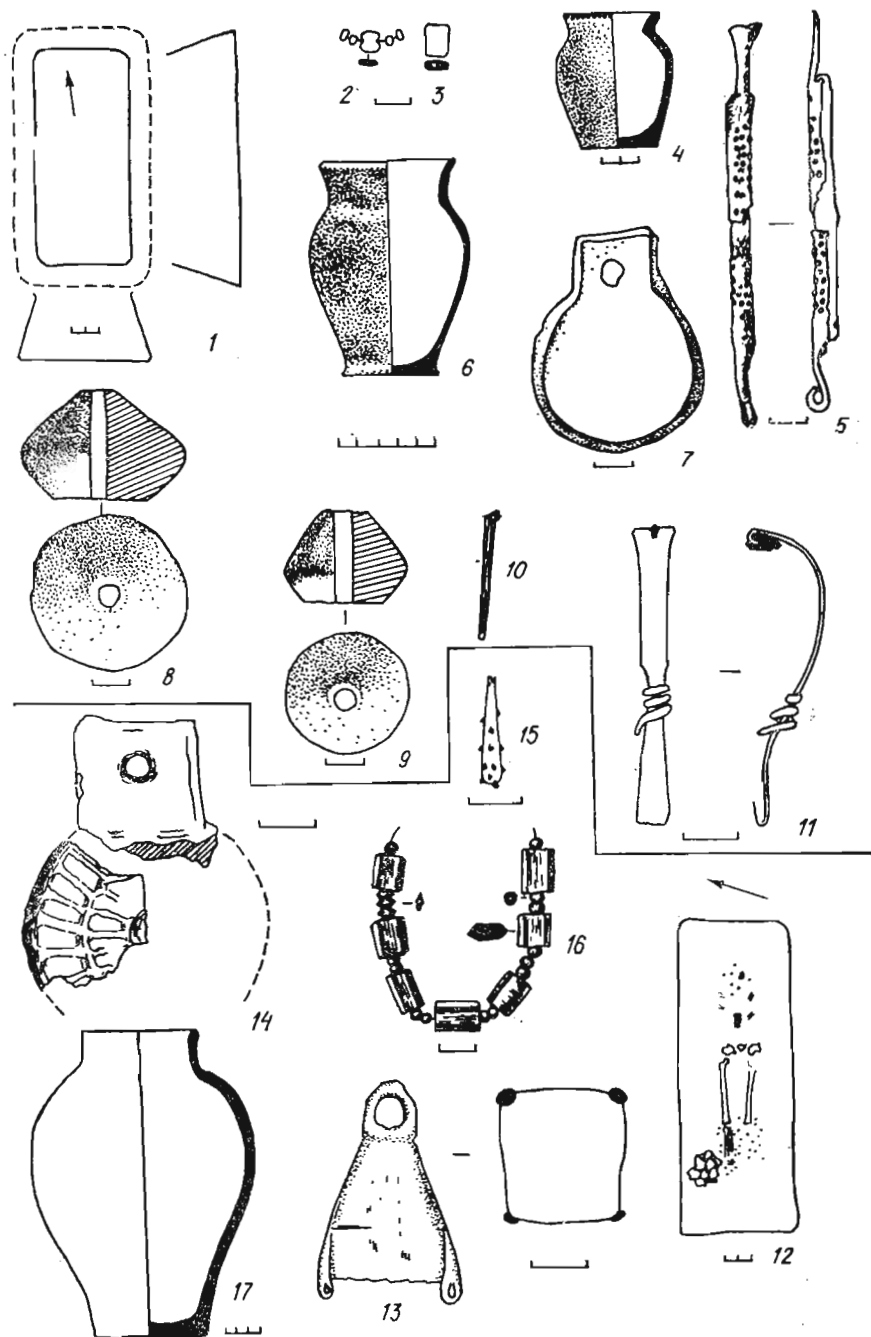

Рис. 9. Сарматский могильник у с. Холмское:
 1—11 — погребение 23; 12—17 — погребение 24.

всего касается серебряной фибулы латенской схемы. Среднелатенские проволочные фибулы Причерноморья датируются в пределах I в. до н. э.² Фибула из Холмского для этого региона уникальна: она изготовлена из прямоугольного в сечении серебряного стержня. Но, видимо, и она относится к этому же времени, поскольку гладкие (нерасчлененные) проволочные фибулы этой схемы появляются лишь с I в. до н. э. и местами — в начале I в. н. э.³

Выразителем в хронологическом отношении набор бус. Крупная асимметричная бочонковидная синяя бусина с выступающими глазками относится к типу 356 либо 357 (по Е. М. Алексеевой) и датируется II—I вв. до н. э.⁴ Две совершенно идентичные бусины найдены в мавзолее Неаполя Скифского в погребении середины — второй половины I в. до н. э.⁵ Синяя колесовидная бусина с тремя глазками, центральные диски которых обведены белым кольцом, относится к типу 33, варианту «а» (по Е. М. Алексеевой) наиболее распространенному в эллинистическое время и бытующему также в I в. н. э.⁶ Бочонковидные красные бусы из глухого стекла с тремя глазками, сделанными из наложенного отрезка сине-белого прутика, относятся к типу 27, варианту 2 (по Е. М. Алексеевой). Они особенно распространены во II в. до н. э.—I в. н. э.⁷ Крупные бочонковидные бусы из глухого черного стекла со спиралевидным орнаментом из белой нити, опоясывающей бусину целиком, широко распространены на античных памятниках. Вероятно, они являются вариантом широко распространенных бочонковидных бус из глухого стекла, украшенных по центру одним или несколькими витками.

Бочонковидные и округлые бусы из прозрачного стекла с внутренней позолотой относятся к эллинистическому времени по технологическим признакам: однородная структура стекла, гладкие

края без закраины⁸. Эти приемы свойственны и округлым, и бочонковидным бусам из прозрачного бесцветного стекла и такой же формы бусам из синего глухого стекла, что позволяет их датировать тем же временем. Найденные возле запястий погребенной мелкие бочонковидные бусы из однородного прозрачного сердолика с двусторонним сверлением характерны для эллинистического времени и являются массовой находкой в погребениях этого периода. В I в. н. э. двустороннее сверление сменяется односторонним⁹. Стекланные бусы из погребения 4 также относятся к позднеэллинистическому времени как по орнаментации, так и по технологическим приемам. У всех у них отсутствуют технологические признаки первых веков нашей эры: нет вытянутой структуры и закраин. Бусина с выступающими глазками позволяет продатировать весь комплекс более узко — серединой — второй половиной I в. до н. э.

У погребенной рукава одежды были обшиты, кроме бус, золотыми бляшками. В среднесарматское время в качестве украшения применяли золотые бляшки различной формы. Их нависывали в ожерелье или же обшивали рукава и другие части одежды¹⁰. Бляшки являются продукцией мастерских античных городов и в Причерноморье встречаются как в сарматских захоронениях, так и в городских некрополях. В частности, в мавзолее Неаполя Скифского в погребении 10 найдены такие же, как в Холмском, умбонovidные бляшки без обвода из ложной зерны¹¹. Это погребение датируется серединой — второй половиной I в. до н. э.

Три железные ведерковидные подвески (рис. 2, 16—18) относятся к числу предметов, широко распространенных в Европе в первой половине I тыс. н. э.¹² Они не являются принадлежностью какой-либо одной культуры этого времени и, вероятнее всего, связаны с магическими представлениями.

Их считают амулетами, поскольку часто находят в наборах предметов магического назначения¹³. Подвески изготавливали из разных материалов, но чаще всего они бывают бронзовые и железные. Иногда они двояны, изредка стреловидные. Ареал этих подвесок чрезвычайно широк: практически вся юго-восточная Европа. В Причерноморье их находят на памятниках разной культурной принадлежности: в некрополях античных городов, на позднескифских памятниках. М. И. Вязьмитина считает, что они появляются на рубеже эр¹⁴. Ведерковидные подвески четко засвидетельствованы в комплексах I в. н. э. (строенные подвески из Неаполя Скифского¹⁵).

Сопоставление времени существования всех датирующих изделий из погребения 4 приводит к заключению о том, что объединиться в одном комплексе они могли в середине — второй половине I в. до н. э. Следовательно, этим же периодом и должно датироваться захоронение. Вряд ли есть основание завышать дату комплекса только на основании ведерковидных подвесок. До сих пор все погребения I в. до н. э. фиксировались лишь в более восточных районах. Это первое столь раннее сарматское погребение в степях Северо-Западного Причерноморья.

Так называемое погребение 10 вероятнее всего представляет собой ритуальное захоронение сосуда. Такой обряд зафиксирован на грунтовом сарматском могильнике I—III вв. н. э. у с. Селиште в Молдавии¹⁶.

Остальные погребения могильника по всем признакам представляют единый массив и принадлежат к одной сарматской группе захоронений первых веков нашей эры. Обращение к планировке сарматского могильника типа Холмское показывает, что большие квадратные рвы без могил играли определенную организующую роль. Погребения явно концентрируются вокруг

этих рвов. Возможно, расположение четырех таких рвов в определенном порядке является не случайным.

Могильные ямы представлены несколькими типами, расположенными на могильнике относительно обособленно. Прямоугольные ямы глубиной до 1,5 м обычно имеют вертикальные стенки. Однако у погребений 21 и 23, расположенных особняком в северной части могильника, стенки наклонены внутрь. Ямы с заплечиками довольно разнообразны. В погребениях 8, 13, 14, расположенных в центре могильника, стенки вертикальные. В других случаях длинные стенки до уровня заплечиков наклонены внутрь. В погребениях 5, 6, 7, 11, расположенных на южном краю могильника, наклонены и короткие стенки. Яма с подбоем отмечена в единственном погребении 3.

Прямоугольная яма обычна для позднесарматских погребений Нижнего Подунавья (могильники у с. Приморское, Огородное, Боканы)¹⁷. Ямы с заплечиками являются развитием традиции среднесарматского периода¹⁸. Они известны в позднесарматских погребениях Северного Причерноморья, а также в захоронениях на территории к западу от Днестра: Белолесье¹⁹, Дзинилор, Криничное²⁰, Нагорное. Ямы с подбоем²¹ в низовьях Днестра и Дуная встречаются изредка (Олонешты²², Криничное²³). Единичность подбойного погребения в могильнике Холмское отражает их малую распространенность в Нижнем Подунавье. Интересно отметить, что на однотипном с Холмским могильнике Куконешты II на Среднем Пруте также лишь одно подбойное детское захоронение²⁴. Сочетание этих типов могильных ям обычно для сарматских курганных и грунтовых могильников первых веков нашей эры.

Независимо от конструкции ямы, погребенные всегда положены на спину, вытянуто, головой на север или северо-восток. Каких-либо вариантов положе-

ния костяков не наблюдается. Северная, иногда с отклонениями, ориентация обычна для позднесарматских захоронений и доминирует в степях между Днепром и Дунаем.

Для подавляющего большинства погребений могильника характерен выразительный набор предметов. В захоронениях довольно много посуды. Лепная керамика представлена семью сосудами. Шесть из них — горшки, различные по форме. Два горшка (рис. 7, 8; 9, 6) из погребений 21 и 23 имеют форму, характеризующуюся горловиной в виде раструбы, максимальным расширением в верхней трети сосуда, резким сужением корпуса ко дну, меньшему по диаметру, чем венчик. Плечи у этих сосудов покатые. Вариантом формы является горшок из погребения 7 (рис. 4, 2) со сравнительно широким дном. Особенно выразительна форма горшка из погребения 21. Аналоги этим сосудам известны на обширных пространствах от Дона до Задунавья в сарматских погребениях первых веков нашей эры. Полную аналогию находим в сосудах из Новоникольского могильника (курган 44) на Верхнем Дону²⁵, Чертовидского (курган 3, погребение 42)²⁶, Калантаевского²⁷ (погребение 30), из сарматских погребений междуречья Орели и Самары²⁸, в Усть-Каменке (курган 19)²⁹. Территориально ближайшими аналогиями являются сосуды из сарматского погребения черняховского могильника Ранжевое³⁰, из погребений в Негуренах³¹, Боканах³², Селиште³³ и Нижнего Подунавья³⁴. Различные варианты этого типа сосудов распространены в позднесарматской среде достаточно широко. Речь идет о сосудах, наличие которых в Поднепровье и прилегающем Подунавье отметил Э. А. Рикман. Они описывались автором как «небольшие горшки с изогнутыми горловинами, высокими тюльпановидными венчиками, выраженными боками и плечиками»³⁵. Такие горшки

родственны по форме сосудам из сарматских погребений у станции Дзивибор (см. выше) и у с. Огородное³⁶. Прототипы этой формы горшков, по-видимому, находятся на позднескифских городищах Нижнего Днепра³⁷. Относительно холмского могильника можно говорить не о господстве скифских форм, а о проявлении в некоторых сосудах элементов этих форм, которое иногда может быть значительным. В целом горшки сильно различаются, по-видимому, в силу отсутствия выработанной со временем нормы и борьбы двух традиций. Так, сосуд из погребения 24 (рис. 9, 17) отличается цилиндрической горловиной. Диаметр два заметно превышает диаметр венчика. Горшки с цилиндрическими горловинами и округлым туловом характерны для сарматов Поволжья и Приуралья. Однако сосуд из погребения 24 отличается от восточных сосудов вытянутыми пропорциями и резким сужением от округлого тулова ко дну. Это сближает его с горшками из погребений 21 и 23.

Лепная полусферическая чашечка из погребения 3 (рис. 3, 3) в типологическом отношении маловыразительна. Пока можно лишь отметить, что такие сосуды бывают в сарматских погребениях первых веков нашей эры (Васлуй, Валя Лупулуй, Фокшаны)³⁸.

В целом лепная посуда могильника обычна в позднесарматских погребениях на территории СССР и в Задунавье.

Красноглиняные одноручные кувшинчики (рис. 5, 9; 8, 18) из погребений 13 и 22 являются типом сосудов, широко распространенных в Северном Причерноморье в первые века нашей эры³⁹. Они известны на памятниках Боспора и Нижнего Дона, в Крыму, на западном побережье Черного моря. Изредка такие сосуды встречаются и в сарматских погребениях (Боканы, погребение 10⁴⁰; Старые Куконешты II, пятно 29, погребение 2)⁴¹. Типология этих сосудов хорошо разработана. Пред-

ставленная в нашем могильнике разнообразность принадлежит к типу 15-М (по Т. Н. Книпович) и датируется концом II — началом III в. н. э.⁴² В Олтевии такие кувшинчики датируются второй половиной II — первой половиной III в. Наиболее поздняя находка таких сосудов обнаружена в могильнике Пятра-Фрекадей в погребении с монетами конца III в. н. э.⁴³

Сероглиняный одноручный кувшин (рис. 8, 4) из погребения 22 принадлежит к числу сосудов, обычных для позднесарматских погребений Причерноморья и Подунавья. Серия подобных кувшинов найдена в Боканском могильнике. Аналогичный же экземпляр происходит здесь из погребения 7⁴⁴. Идентичные кувшины происходят также из карпских памятников Пояна-Дульчешти и Бутварешти⁴⁵, где они найдены в комплексе изделий конца II — начала III в. н. э.

Керамические пряслица: два биконических (рис. 9, 8, 9) из погребения 23 и одно коническое (рис. 7, 5) из погребения 19 обычны в сарматской среде.

Обломок верхней части горловины светлоглиняной узкогорлой амфоры с клеймом (рис. 8, 20, 21), найденный в заполнении рва II, не дает четкого представления о форме всего сосуда. Скорее всего, этот фрагмент мог принадлежать амфоре типа С или Д (по Д. Б. Шелову)⁴⁶, поскольку клеймение характерно именно для этих типов.

Среди железных изделий преобладают небольшие пряжки: круглые (рис. 6, 6, 7) из погребения 17 и овальные (рис. 3, 6; 4, 21; 6, 3) из погребений 6, 7, 17. Круглые пряжки парные. Они находились на щиколотках погребенного и, очевидно, являлись застежками для обуви. К ремню они крепились удлиненной прямоугольной двупластинчатой обоймой. Рамка в виде кольца, круглого в сечении и равномерной ширины. Язычок сужающийся.

В погребениях найдены железные оконцовки ремней, которые, судя по аналогиям, употреблялись в комплекте с такими пряжками. В сарматских памятниках пряжки с длинными обоймами найдены в аланских погребениях Северного Кавказа рубежа эр и первых веков нашей эры⁴⁷. Одна такая пряжка происходит из кургана 14 в Усть-Каменке⁴⁸. Подобные изделия известны в сарматских захоронениях в низовьях Дуная⁴⁹, в Паннонии (II — первая половина III в. н. э.)⁵⁰. Здесь они также обнаружены вместе с наконечниками ремней. Пряжка с удлиненной обоймой найдена в погребении II в. на некрополе Тиритаки⁵¹. Исходя из этого, пряжки с длинными прямоугольными обоймами датируются минимум от рубежа эр и по III в. включительно. Однако форма рамки позволяет уточнить эту дату. Пряжки с такими рамками найдены в некрополе Танаиса в погребениях III и IV вв. н. э.⁵², в некрополе Тиритаки в захоронении с монетами, самая поздняя из которых относится к 262 г. н. э.⁵³.

Таким образом, круглые пряжки с длинными прямоугольными обоймами из Холмского могильника могут датироваться в пределах III в. н. э.

Три маленькие овальные пряжки объединяются следующими деталями формы: рамка в сечении округлая или овальная, ее передняя часть утолщена, а задняя сужена. Язычок прогнутый с перехватом. Такие пряжки известны в могильнике Старые Куконешты II⁵⁴. Утолщение передней части рамки позволяет датировать эти пряжки III в. н. э.⁵⁵ Развивался этот признак в более позднее время.

Массивные железные пряжки представлены двумя формами. Прямоугольная фрагментированная пряжка (рис. 5, 12) неизвестного назначения из разграбленного погребения 14 и пряжка-сьюльгама (рис. 4, 17) из погребения 8. Прямоугольные железные пряжки у

сарматов редки. Пряжка подтрапециевидной формы происходит из сарматского могильника у с. Селиште⁵⁶. Сюльгамы хронологически неопределенны. В сарматских погребениях они встречаются изредка⁵⁷.

Два однолезвийных железных ножа (рис. 5, 15; 7, 11) с деревянными рукоятками. У одного из них у основания лезвия имеется заклепка. Железные ножи такой формы — обычная находка в сарматских погребениях (Калиновский курганный могильник⁵⁸; Усть-Каменка⁵⁹, курган у с. Долина на р. Молочной⁶⁰).

Бронзовые изделия представлены фибулами, пряжками, застежками-зажимами, зеркалами, колокольчиком и различными украшениями. Две фибулы с высоким пластинчатым приемником (рис. 7, 2, 3) из погребения 19 в Причерноморье аналогий не имеют. В какой-то мере им близка фибула из погребения 7 могильника Бельбек III в Крыму⁶¹, найденная вместе с бронзовым зеркальцем-подвеской. Бельбек III датируется II — первой половиной III в. н. э.⁶² Фибулы, аналогичные холмским, известны на территории Польши, где их появление К. Годловский относит ко второй половине II в. н. э.

Фибула из погребения 23 (рис. 9, 11) соединяет элементы двух типов: шарнирных и лучковых. Подобные фибулы нам неизвестны. Вероятно, она является продукцией провинциально-римского мастера, который руководствовался моделями этих двух типов.

Бронзовые застежки-зажимы (рис. 4, 16; 7, 4; 9, 5), найденные в погребениях 8, 19 и 23, встречаются редко. Они известны в Крыму в могильнике Бельбек III. Здесь одно такое изделие происходит из погребения 6, в котором также находилось зеркало-подвеска с ушком (II—III вв.)⁶³. Другая застежка обнаружена в погребении 11 вместе с монетой середины III в.⁶⁴ Важно от-

метить, что в той же долине р. Бельбек таких изделий нет ни в более ранних погребениях могильника Бельбек IV (конец I — начало II в.), ни в более поздних — Бельбек I. В Задунавье подобные изделия найдены в карпских трупосожжениях могильников Пэдурени⁶⁵ и Поенешти⁶⁶, а также в сарматском погребении из Фокшан⁶⁷. С. Моринц датировал его III в. н. э.⁶⁸ Уже при публикации фокшанского погребения в 1959 г. он высказал мнение о том, что погребения из Пэдурени и Поенешти должны датироваться ранее конца III в. н. э.⁶⁹ Позднее румынские исследователи уточнили датировки погребений группы Пэдурени, отнеся их к первой половине III в. н. э.⁷⁰ или к первой половине — середине III в. н. э.⁷¹ Грунтовые труположения из Поенешти определены как сарматские захоронения (середина III в. н. э.). Со второй половины III в. их вытесняют каршы, в трупосожжениях которых много сарматских изделий⁷². Итак, по имеющимся к настоящему времени данным, в Причерноморье эти предметы датируются первой половиной — серединой III в. н. э., на доходя до конца III в. н. э. В другом ареале, тяготеющем к Центральной Европе, они датируются V в. н. э., как об этом свидетельствуют находки на территории Чехословакии, Польши и других стран⁷³.

Таким образом, мы имеем дело с двумя разными датировками, каждая из которых, видимо, оправдана для своей территории, поскольку эти предметы происходят из датированных комплексов. Резкая разновременность датировок, надо полагать, отражает продвижение этой вещи с юго-востока на северо-запад.

Бронзовые пряжки представлены тремя экземплярами. Большая прямоугольная поясная пряжка с двойным язычком (рис. 6, 2) из погребения 16 для Северного Причерноморья — вещь необычная. Аналогичные изделия

обнаружены на территории Польши. Сходная, но не аналогичная пряжка найдена на пшеворском могильнике Завыки, датирующемся второй половиной II в. н. э. Другая такая же пряжка, но с индивидуальными особенностями, происходит из могильника Осова, который К. Годловский связывает с культурой западных балтов. Погребение с этой пряжкой относится к наиболее ранней части могильника, датирующейся также началом позднеримского времени. Третья пряжка такого типа происходит из Чача Косцянского повята с памятника пшеворской культуры и датируется позднеримским временем⁷⁴. Овальная незначительно сегментированная бронзовая пряжка с прямоугольной железной обечимой (рис. 6, 4) из погребения 16, очевидно, является разновидностью железных обувных пряжек. Она сделана из круглой в сечении проволоки, дополнительно прокованной.

Бронзовый пирамидальный колокольчик (рис. 9, 13) из погребения 24 принадлежит к числу предметов, встречающихся в сарматских погребениях первых веков нашей эры. Сходный колокольчик с петельками по углам найден на территории Румынии в сарматском могильнике Лучиу⁷⁵.

Три бронзовых зеркала (рис. 4, 18; 9, 7, 14) из погребений 8, 23 и 24 принадлежат к одному типу маленьких зеркал с ушком для подвешивания. Они различны по размерам и орнаменту на оборотной стороне, но датируются в целом одним временем — II—III вв. н. э.⁷⁶ Зеркало с орнаментом в виде семи радиально расходящихся лучей найдено в карпском некрополе Бутнарешти конца II—III вв. н. э.⁷⁷ Два зеркала с восемью радиальными лучами известны в Крыму в Неаполе Скифском⁷⁸ и в Чернореченском могильнике⁷⁹. К этой же серии зеркал относится и обломок зеркала из могильника Старые Куконешты II (пятно 22, погребение 1)⁸⁰, найденное вместе с железной

шарнирной фибулой с гребешком III в. Можно думать, что зеркало с шестью лучами из Холмского относится к тому же типу и датируется концом II—III вв. н. э. Зеркало из погребения 24 с орнаментом в виде концентрических кругов, соединенных отрезками радиальных линий, полностью не восстанавливается. Оно в некоторой мере близко зеркалам из могильника Боканы⁸¹, однако орнамент на зеркале из Холмского сложнее. В Боканах три одинаковых зеркала найдены в погребениях 5, 7 и 13. В погребениях 5 и 13 обнаружены также сильно профилированные причерноморские фибулы, в целом датируемые II—III вв.⁸² Однако дата уточняется за счет присутствия в погребении 13 краснолакового кувшинчика II в. н. э., а в погребении 7 — сероглиняного кувшинчика конца II в., аналогичного сосудам из Пояна-Дульчешть и Бутнарешть. В соответствии со всем этим зеркала-подвески с орнаментом описываемого типа вполне могут быть отнесены к концу II в. н. э. Изображения в виде радиальных линий, концентрических кругов и их комбинаций считаются поздней модификацией сарматских солярных символов в Северном Причерноморье⁸³. Третье зеркало-подвеска из погребения 23, по-видимому, имело на тыльной стороне плохо сохранившуюся сарматскую тамгу простых очертаний в виде ломаной линии с отрезками. Подобные фигуры среди сарматских знаков Причерноморья известны.

Четвертое зеркало (погребение 22) другого типа — массивное дисковидное без ручки (рис. 8, 17). Дисковидная форма зеркала применялась на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. (Неаполь Скифский⁸⁴, могильники у сел Заветное⁸⁵ и Семеновка⁸⁶, Усть-Альминский некрополь⁸⁷, основное погребение кургана 20 в Усть-Каменке⁸⁸, в могильнике Стефанешти⁸⁹, у сарматов Паннонии⁹⁰, в могильнике Калла-

тиса⁹¹. Эти зеркала безусловно различаются по ряду признаков, которые в публикациях обычно фиксируются неудовлетворительно.

Бронзовое украшение из погребения 8, состоящее из сцепленных колечек (рис. 4, 15), по-видимому, аналогично кольчатому украшению из Пояншти⁹², где оно найдено в карпском погребении середины III в.

В могильнике обнаружены несколько серебряных изделий: височные кольца — два из погребения 8 и одно из погребения 11, серьги из погребений 22 и 19. Серьги представлены двумя разновидностями. Первая (погребение 22) — в виде разомкнутого кольца из плоской пластинки с распушением на одном конце (рис. 8, 2, 3). Сходные в определенной мере сережки найдены в сарматском погребении у с. Скаяны⁹³ (в публикации они названы перстнями). Серьга из погребения 19, застегивающаяся крючком и петелькой, весьма своеобразна. Особой деталью ее является конец с петелькой, расплющенный и оформленный в виде змеиной головки с глазками. Вероятно, она относится к типу серег из витой проволоки с расплющенным кончиком, известных в сарматских погребениях в Нижнем Подунавье (Пробота⁹⁴, Кесчеоареле⁹⁵) и в черняховских (могильник Каборга IV⁹⁶, погребение 19 начала III в. н. э.).

Миниатюрные золотые бляшки округлой и листовидной формы (рис. 8, 15, 16) из погребения 22 являются античными изделиями. Потому аналогичны им часты в некрополях античных городов (например, Неаполе Скифском⁹⁷, Танаисе⁹⁸, Херсонесе⁹⁹) и могильниках оседлого населения (Молога II¹⁰⁰). Иногда они встречаются в позднесарматских захоронениях¹⁰¹.

Излюбленным украшением сарматов были бусы, поэтому они являются массовой находкой в погребениях. Их носили как ожерелья (погребения 8, 11, 22, 24), ими обшивали край рукавов

(погребение 22). Они в виде обильных россыпей бывают в ногах погребенных (захоронения 3, 8, 13, 22, 24). Ими сплошь расшивали голенища сапог или обшивали низ шаровар. Преобладают мелкие разноцветные бусы из глухого стекла, округлой формы; рубленого бисера мало. Таблетковидные бусы из прозрачного или полупрозрачного голубого и синего стекла широко представлены в сарматских захоронениях. Е. М. Алексеева считает, что они появляются на рубеже эр и существуют до III в. включительно¹⁰². Видимо, таблетковидные стеклянные бусы имитируют бусы такой же формы из ляпис-лазури. Г. Бикир полагает, что бусы из ляпис-лазури датируются I—II вв. н. э. и позже начала III в. не встречались¹⁰³. Видимо, эту датировку можно распространить и на их имитацию. Бугристые бусы с металлической прокладкой (рис. 8, 6) из погребения 22 характерны для II—III вв. н. э.¹⁰⁴ Черные катушковидные (рис. 5, 3) из белого внутри фаянса (погребение 11), вероятно, как и стеклянные бусы этого вида, должны датироваться I—II вв. н. э.¹⁰⁵

Сердоликовые бусы найдены в трех погребениях (8, 22, 24). Всего их обнаружено 13 штук. Из них граненых 12, бочонковидная одна. По наблюдениям Е. М. Алексеевой, граненые сердоликовые бусы в III в. вытесняют округлые¹⁰⁶, следовательно, в основном они датируются III в.

Пиритовые не очень правильной кубической формы бусы из погребения 22 — находка редкая. Они спорадически встречаются в сарматских погребениях от Волге до Дуная. В Поволжье такие бусы найдены в курганах II—III вв.¹⁰⁷

Две бусины в виде четырнадцатигранников (погребение 22) из полупрозрачного белого минерала (хрусталь?), по-видимому, сопоставимы с бусами такой же формы из матового стекла Фокшанского погребения III в. н. э.¹⁰⁸ Очевидно, и по форме, и по времени эти

бусы близки четырнадцатигранным из сердолика.

Янтарные бусы представлены шестью экземплярами. Кольцевидная бусина из погребения 8 принадлежит к типу, наиболее распространенному во II—III вв. (хотя он часто встречается и в IV в)¹⁰⁹. Остальные довольно крупные неправильно-прямоугольной формы с округло-треугольным сечением бусы из янтара (погребение 22) датируются I—III вв. н. э.¹¹⁰

Аналогией перламутровым пронизям (рис. 4, 10) из погребения 8 могут быть изделия такой же формы, но без отверстия для подвешивания, найденные в Танаисе в слое II—III вв. н. э.¹¹¹ Д. Б. Шелов полагает, что эти фигурки служили инкрустацией в деревянных изделиях¹¹². Однако их обнаружение в составе ожерелья указывает на употребление их как пронизей, а фигурки из Танаиса могут быть заготовками. Бусы из перламутра округло-неправильной формы широко распространены в сарматской среде.

Изделие из мела (рис. 5, 16) из погребения 14 из-за хрупкости вряд ли могло иметь обиходное назначение. Вещи из мела — характерный элемент сарматского погребального обряда. Положение в погребении кусков мела, посыпка мелом известны еще на прохоровской стадии¹¹³. Ритуальные изделия из мела более редки¹¹⁴ и, вероятно, соответствуют по смыслу кускам мела.

(Рассмотрение погребального обряда и инвентаря позволяет определить культурно-хронологическое место Холмского могильника. Обряд полностью сопоставим с позднесарматским по прямоугольным ямам с заплечиками и без них, наличию погребения в подбое и по северной ориентации погребенных, захороненных в вытянутом положении на спине. Налицо такие типичные элементы обряда, как преднамеренно разбитое при захоронении бронзовое зеркало, изделие из мела или алебаstra. Тради-

ционным остается широкое применение бус в costume, и в частности обшивание ими рукавов и обуви. Типичен для позднесарматских погребений набор и характер погребального инвентаря: лепная керамика, гончарный сероглиняный кувшин, краснолаковые кувшинчики, бронзовые зеркала, железные мечи, бусы, грибовидные пряслица.

Особое значение для культурной интерпретации могильника имеет лепная керамика. Формы лепных сосудов из Холмского являются типичными и устойчивыми в сарматских древностях различных областей в первые века нашей эры. На материалах Холмского могильника прослеживается продвижение на запад некоторых гончарных форм, зародившихся еще в восточной части сарматского мира. Прежде всего это касается сосудов с цилиндрической шейкой при диаметре венчика меньше, чем диаметр дна. Прототипами таких сосудов являются приземистые кувшины с цилиндрическим горлом разной высоты, характерные для сарматов Поволжья и Приуралья в среднесарматский период. В Подонье появляется новая модификация: с цилиндрическим горлом и корпусом более вытянутых пропорций. Отдельные находки известны и к западу, но в поздних погребениях форма в первоначальном виде в основном изживается. Сосуд из погребения 24 по форме весьма отдален от восточных прототипов и представляет их позднюю западную модификацию. В ней явно выражено объединение сарматской и причерноморской керамических традиций.

То же можно сказать и о горшках вытянутых пропорций с отогнутыми венчиками. Они появляются в сарматской среде под влиянием скифских образцов. Влияние это в некоторых экземплярах весьма значительно. Однако в целом речь может идти лишь о различной степени усвоения местной керамической традиции, о чем свидетель-

ствуется разнообразие форм сосудов. Поскольку коллекция сосудов из холмского могильника невелика, особенный интерес представляет обращение к лепной керамике могильников Старые Куконешты I и II. Здесь преобладают горшки округлой формы с плавным отогнутыми венчиками, то есть близкие к традиционному сарматским¹¹⁵. Картину дополняют сосуды из сарматского могильника у с. Огородное, в которых также заметно смешение двух традиций: собственно сарматской, выразившееся в округлости тулова, и скифской — в высоких, прямо отогнутых венчиках.

К собственно причерноморским элементам позднесарматского вещевого комплекса принадлежат зеркала-подвески с орнаментом на оборотной стороне, возникшим в Причерноморье на базе сарматской знаковой системы. К изделиям, происходящим из Причерноморских центров, относятся краснолаковые кувшинчики, сероглиняный кувшин и бусы из перламутра. находка заготовок для этих бус в Танаисе указывает, что они производились в городах. Застежки-зажимы, бытовавшие в первых веках нашей эры в Крыму и на Нижнем Дунае, видимо, попадали к сарматам также из причерноморских городов. Закономерным в сложении позднесарматского вещевого комплекса в Северном Причерноморье является проникновение в него изделий провинциально-римского облика. Такова, с одной стороны, фибула из погребения 23, которая, очевидно всего, могла происходить из римских провинций Подунавья. В Северном Причерноморье она аналогична себе не находит. С другой стороны, в инвентаре могильника Холмское имеются предметы, связанные с Центральной Европой. Это прямоугольная пряжка с двойным язычком из погребения 16 и фибулы с высоким приемником из погребения 19.

В целом по всем основным признакам могильник является сарматским. Бедность погребального инвентаря, не-

значительная глубина могильных ям — особенно по сравнению с отдельными подкурганскими захоронениями — все это указывает на то, что могильник принадлежал рядовому сарматскому населению. В этом отношении он полностью аналогичен могильникам у Старых Куконешт и на р. Алияга (см. ниже).

Характерной особенностью могильника оказываются большие четырехугольные рвы и ровики, ограждающие погребения. Поскольку такие сооружения публикуются нами и в связи с другими памятниками в низовьях Дуная, их анализ дается ниже.

Некоторые материалы позволяют предложить более узкую датировку могильника. Красноглиняные кувшинчики из погребений 13 и 22 датируются в пределах Северного Причерноморья концом II — первой половиной III в. н. э. Эта дата согласуется с наблюдениями, сделанными в Олтении. Этот тип сосудов и там датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э. находка такого кувшинчика с монетами конца III в. н. э. в Пятра-Фрекацей свидетельствует о возможности бытования таких сосудов и позже первой половины III в. Ясно, что первая половина II в. исключается, а вторая половина III в. оказывается для этих сосудов скорее исключением, чем правилом. Обломок горла узкогорлой светлоглиняной амфоры, принадлежавшей сосуду типов С или Д (по Д. Б. Шелову), датируется в пределах времени существования обоих типов — II — первой половиной III в. Бронзовые фибулы с высоким пластинчатым приемником известны в Крыму в комплексах II в. — первой половины III в., а К. Годловский датирует их уже второй половиной II в. Даже если допустить их более позднее переживание на не основной территории распространения, то и тогда вряд ли они выйдут за пределы первой половины III в. В комплексе

с этими фибулами (погребение 19) найдена застежка-зажим, которую мы считаем возможным датировать на причерноморских памятниках концом II — серединой III в. н. э. Таким образом, в датировке фибул и зажимов наблюдается соответствие. Вторая застежка-зажим найдена в комплексе с гранеными сердоликовыми бусами. Эта форма абсолютно преобладает среди сердоликовых бус в Холмском (12 штук из 13), что вполне совпадает с наблюдениями Е. М. Алексеевой: она отмечала, что граненый сердолик полностью вытесняет круглый в III в. Даже если граненые бусы появляются и несколько ранее, то их тяготение к III в. все равно очевидно. Со всеми этими предметами согласуется по времени бронзовая крупная четырехугольная пряжка с двойным язычком. Она относится по материалам Польши к позднеримскому времени (200—375 г. н. э.). Экземпляры, наиболее близкие к находке из Холмского, К. Годловский датирует второй половиной II в. н. э. Все овальные железные пряжки имеют такую важную особенность, как утолщение передней части рамки, что позволяет отнести их уже к III в. н. э.

На основе всего изложенного нам представляется возможным датировать сарматский могильник Холмское второй половиной либо концом II — первой половиной III в. н. э. В пределах этого периода датируются погребальные комплексы.

Неоднократно отмечавшиеся сходства предметов и погребальных сооружений в могильниках Холмское и Старые Куконешты I и II дают возможность сделать вывод об их одновременности и не согласиться с В. И. Гросу, относящим могильники Старые Куконешты ко II в. н. э.¹¹⁶

На могильнике не обнаружено курганных насыпей. Принято, что грунтовые могильники — обычное явление в позднесарматской культуре в различных

частях ее ареала. Они обнаружены в Прикубанье (у станицы Усть-Лабинской¹¹⁷). Считается, что грунтовые захоронения особенно распространены на Западе сарматского ареала¹¹⁸.

Однако определение Холмского могильника как грунтового или курганного представляется непростым. Скорей всего, этот вопрос не может решаться чисто формально за счет отсутствия курганных насыпей. Наличие ровиков, окружающих погребение, безусловно является атрибутом курганного обряда. В то же время не случайно отсутствие следов курганных насыпей (как и в Старых Куконештах), что сближает эти могильники с грунтовыми.

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК АЛИЯГА

Могильник Алияга обнаружен на обрывистом левом берегу степной р. Алияга в 3 км к северу от с. Главаны Арцизского района Одесской области. В 500 м к югу от могильника раскапывалось черняховское поселение Главаны I. Частично на территории могильника и за его пределами с севера находится поселение первых веков нашей эры Главаны III. Задолго до раскопок местное население находило в обрывах в районе могильника человеческие кости, бусы и другие предметы. Значительная часть могильника погибла в результате береговой эрозии. Раскопки проводились узкой полосой вдоль берега для обследования непосредственно разрушающейся зоны. Территория могильника еще не выявлена полностью. На раскопанном участке обнаружены шесть погребений и квадратный ров (рис. 10, I).

Ров (рис. 10, I) расположен в центральной части могильника. Его южная часть разрушена оврагом, но контуры все же удается проследить. Он квадратный в плане (13×13 м), ориентирован сторонами почти точно по сторонам

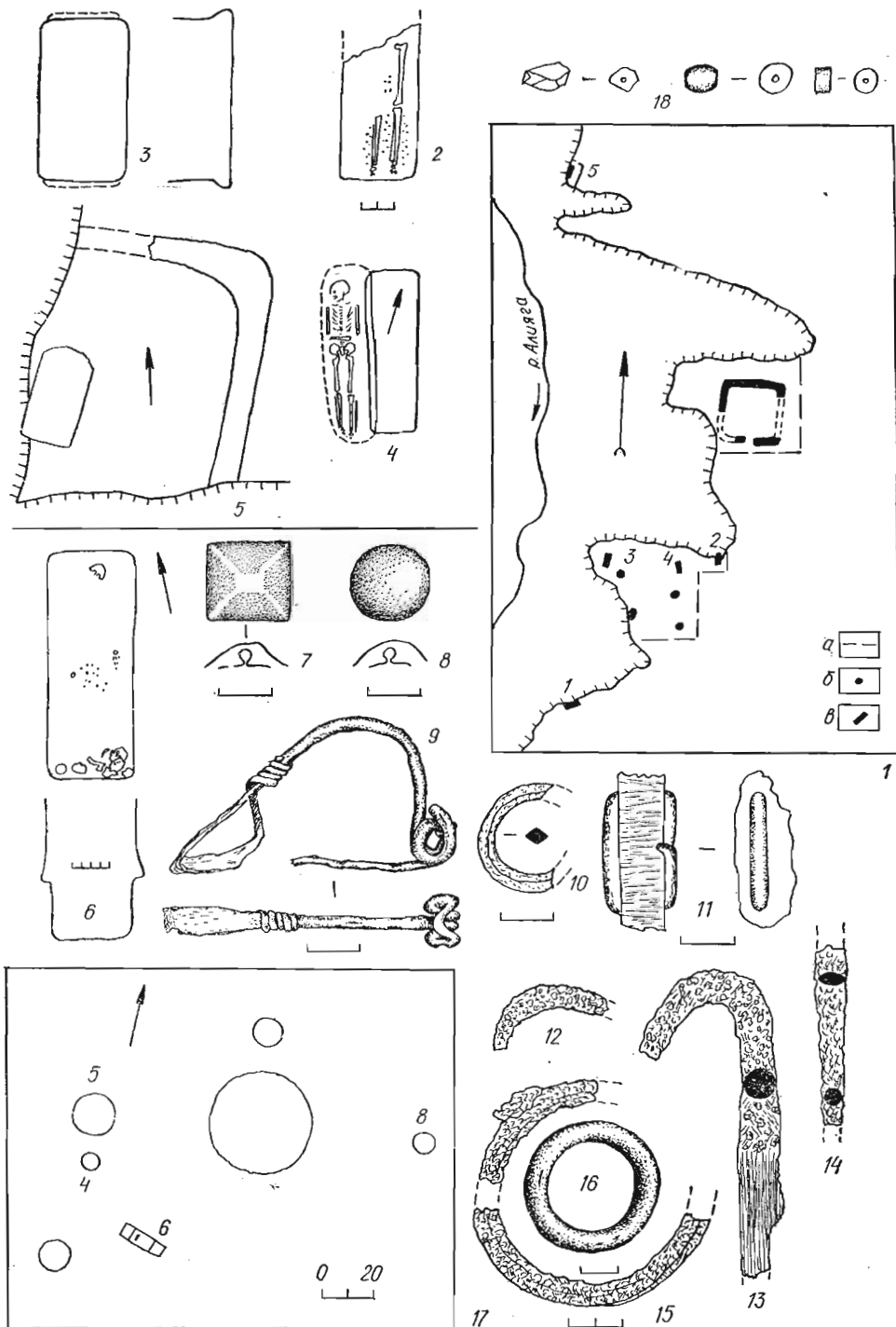

Рис. 10. Сарматский могильник Аляга и сарматские курганы у станции Дзинилор:
 1—5, 18 — могильник Аляга: 1 — план могильника: а — граница раскопа; б — хозяйственная яма; в — погребение; 2, 18 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 4; 5 — погребение 5; 6—17 — курганы у станции Дзинилор; 6—16 — погребение в кургане 5; 17 — план курганный группы.

света. С юга имеется проход. В разрезе ров клиновидный. Ширина в сечении на глубине 50 см составляет 110—120 см. Глубина 120 см. Заполнение черноземное, плотное.

Погребение I обнаружено в обрыве. Угол могильной ямы обрушился, но ее заполнение сохранилось полностью. Яма прямоугольная (225×85 см), ориентирована по длине на восток-северо-восток — запад-юго-запад. Глубина 100 см. Дно плоское. Погребение ограблено. В заполнении попадались обломки человеческих костей. Найден также железный сильно окислившийся наконечник стрелы.

Погребение 2 (рис. 10, 2) выявлено в обрыве. Сохранилась южная часть могильной ямы, ориентированной по длине в направлении север — юг. Верхняя часть ямы смыта. Ширина придонной части 45 см. Глубина могилы 120 см. Найденны кости таза и ног детского костяка. Ребенок был положен вытянуто, на спину, головой на север. Вокруг берцовых костей обнаружено несколько сот стеклянных разноцветных мелких бус (рис. 10, 18). Они представляют собой рубленный бисер. Есть несколько более крупных округлоуплощенных бусин.

Погребение 3 (рис. 10, 3). Яма прямоугольная (100×185 см), ориентирована на северо-восток — юго-запад. Глубина 110 см. Короткие стенки с глубины 85 см образуют небольшие ниши. Погребение разграблено. В заполнении попадались обломки человеческих костей, фрагменты лепного сосуда, обломок лепного пряслица. Кости черепа найдены в северо-восточной части ямы. Следовательно, погребенный был положен головой на северо-восток.

Погребение 4 (рис. 10, 4). Яма прямоугольная (175×50 см), с подбоем, ориентирована по длине на северо-запад — юго-восток. К юго-востоку, т. е. к ногам, она немного сужается. Глубина 100 см. В юго-западной стенке вырыт

подбой (195×50 см), углубленный на 25 см ниже дна входной ямы.

Костяк лежал в подбое на спине вытянуто, головой на северо-запад. Череп повернут вправо. Правая рука согнута в локте и уложена кистью на живот.

Погребение 5 (рис. 10, 5). Прямоугольная яма (195×95 см) ориентирована по длине на северо-восток — юго-запад. Глубина 145 см. Погребение ограблено. Найденны обломки человеческих костей, несколько фрагментов железного меча с отпечатками деревянных ножен. Захоронение окружено прямоугольным ровиком. Сохранился его восточный угол.

На раскопанной площади, кроме погребений, найдены три хозяйственные ямы, относящиеся к поселению Главны III, территория которого распахана. Здесь на поверхности встречаются обломки светлоглиняных узкогорлых амфор римского времени и лепных сосудов с примесью шамота в тесте. Очень редки обломки сероглиняных гончарных сосудов. По керамическому комплексу поселение отнесено к первым векам нашей эры.

Уничтожение части могильника оврагами и небольшая площадь раскопок пока не позволяют определить планировку могильника. Территория его, видимо, была значительна, поскольку уже и сейчас видно, что расстояние между крайними погребениями 120 м. Конструкция могильных ям, их прямоугольная форма, ориентация погребений на север с обычными отклонениями, наличие в одном погребении подбоя — все эти признаки указывают на принадлежность могильника сарматам. Так же обычна для сармат находка в ногах погребенного большого количества бус. То же следует отметить о находке обломков меча в деревянных ножнах, железного черешкового наконечника стрелы, лепного пряслица. Хотя среди инвентаря нет четко датирующегося

материала, характер погребальных сооружений, и в особенности полное сходство квадратного рва с такими же рвами могильников у с. Холмское, Старые Куконешты I и II и наличие ровика вокруг погребения, позволяет датировать могильник Алияга в основном тем же временем. Таким образом, перед нами скорей всего однотипные могильники, оставленные одним и тем же населением, обитавшим в степях между речья Днестра и Дуная во II—III вв. н. э.

Небольшие по объему раскопки могильника Алияга вносят, тем не менее, существенные дополнения в исследование могильников с прямоугольными рвами. Повторение здесь отмеченного ранее в Холмском обычая окружать погребения ровиками указывает на его распространенность. Это позволяет думать, что ровики, ограждающие погребения, могли быть и на могильниках Старые Куконешты I и II, но оказались уничтоженными при пахоте. Овраги, разрушающие территорию могильника Алияга, вряд ли позволили вести здесь интенсивную распашку. Однако никаких следов курганных насыпей не обнаружено. Это дает возможность более определенно утверждать, что если здесь и были курганные насыпи, то совершенно незначительные.

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ДЗИНИЛОР

Небольшой сарматский могильник (рис. 10, 17) обнаружен в Килийском районе на юго-западной окраине станции Дзинилор. Он расположен на распахиваемом плато недалеко от оз. Кытай. Могильник возник вокруг небольшой группы курганов более раннего времени.

Курган 4 полностью распахан. Обнаружено погребение ребенка. Яма прямоугольная (1,42×0,76 м) с запле-чиками (рис. 11, 11), находящимися на

глубине 1,1 м, ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. Размеры ямы ниже запле-чиков 0,5×1,3, глубина 1,5 м. Нижняя часть могилы несколько смещена по длинной оси к северо-востоку, за счет чего в изголовье образовалась маленькая ниша глубиной 5 см. Погребение нарушено. На дне обнаружены обломки костей. Кости черепа лежали возле северо-восточной стенки. Найдены мелкие обломки лепного сосуда.

Курган 5 распахан и сохранился на высоту 0,3 м. Кроме основного сарматского погребения, в нем было впускное позднекочевническое. Могильная яма сарматского погребения (рис. 10, 6) прямоугольная (240×100 см) с запле-чиками. Ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. Глубина могилы 255 см. Книзу до уровня запле-чиков она несколько расширяется. Заплекники находятся на глубине 190 см. На стенках видны следы роющего инструмента. На запле-чках сохранились остатки перекрытия, а в заполнении встречались обломки дерева и куски цинковки. На дне ямы отмечена прослойка мела, а на ней остатки растительной подстилки.

Погребение ограблено. Большинство костей скелета найдено в заполнении ямы, на месте сохранились только кости левой руки. Обломки черепа находились возле северо-восточной стенки. Он имеет ярко выраженные признаки искусственной деформации. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Погребальный инвентарь разбросан по всему заполнению ямы. Здесь найдены бронзовые лучковая одночленная фибула (рис. 10, 9) и литое кольцо диаметром 3,5 см. Диаметр в сечении 0,6 см (рис. 10, 16); обломок железного меча со следами деревянных ножен. Вероятно, поверх дерева ножны были обтянуты кожей; фрагментированное железное кольцо, четырехугольное в

сечении диаметром 2 см (рис. 10, 10); обломки железного круглого в сечении кольца диаметром 9 см (рис. 10, 15); железная скоба, вогнутая в изделие из дерева. Концы скобы загнуты (рис. 10, 11); обломок изделия из железа в виде крючка, на основании которого остались следы дерева (рис. 10, 13); обломки прямых (рис. 10, 14) и изогнутых (рис. 10, 12) стержней.

В ногах погребенного обнаружены обломки трех сосудов: лепная корчага с высоким отогнутым в виде раструба горлом (рис. 11, 5) с наибольшим расширением в средней части корпуса. Ко дну сосуд резко сужается. По венчику и плечам идут косые насечки. Высота корчаги 33 см. Диаметр по венчику 25, дна — 12 см. Поверхность сосуда покрыта расчесами; лепная коническая крышка с центральной ручкой (рис. 11, 2). В центре ручки полусферическое углубление. Диаметр крышки 28 см. Вероятно, этой крышкой покрывалась корчага; краснолаковая чашка с коротким отогнутым венчиком (рис. 11, 1), покрытая снаружи лаком только в верхней части. Высота сосуда 6,4, диаметр венчика 13 см. Обломок горла с ручкой сероглиняного одноручного кувшина (рис. 11, 6); диаметр по венчику 12 см. Обломок венчика гончарного красноглиняного сосуда (рис. 11, 4); диаметр венчика 10,3 см.

В заполнении и на дне ямы ниже таза погребенного найдены серебряные пирамидальные (рис. 10, 7) и полусферические бляшки (рис. 10, 8), которые крепились к одежде припаянными с внутренней стороны изделия бронзовыми петельками.

Курган 8 был почти полностью распахан. Здесь обнаружено сарматское и впускное позднекочевническое погребения.

Сарматская могила (рис. 11, 8) прямоугольная (220×100 см) с заплечиками и с некоторым расширением в плане к юго-западу. Углы ямы закруглены.

Заплечики находятся на глубине 160 см. Ширина ямы между ними 60 см. На заплечиках зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Погребение ограблено. От костяка на месте сохранились кости кистей рук и стоп. Обломки черепа найдены у северо-восточной стенки ямы. Погребенный был положен на спину вытянуто, головой на северо-восток.

В заполнении могилы найдены: лепной округлобокий горшок (рис. 11, 10) с невысокой отогнутой горловиной и покатыми плечиками. Наибольшее расширение в верхней части корпуса. Ниже начинается резкое сужение ко дну. Сосуд украшен насечками по венчику и четырьмя вертикальными налечами на плечиках. Высота сосуда 13, диаметр венчика 7,5, диаметр дна 6 см; железная шарнирная фибула (рис. 11, 9). Спинка прямоугольная в сечении. Приемник пластинчатый. Над приемником — выкованный «гребешок». Длина фибулы 6,5 см.

В заполнении могилы были также кусочки дерева, покрытые красной краской.

Объект 6 представляет сооружение в виде прямоугольного ровика (17,4×4,7 см), разделенного внутри как бы на три камеры (рис. 11, 7). Размеры средней, самой большой камеры — 8×4,7 м. Боковые камеры одинаковы: 4,7×4,7 м. В западной части центральной камеры находилось погребение ребенка (рис. 11, 3). Яма прямоугольная (100×50 см) с заплечиками, ориентирована по длине на север — юг с небольшим отклонением на северо-восток — юго-запад. Заплечики на глубине 115 см. Ширина ямы между ними 40 см. Глубина могилы 135 см. Погребение нарушено. На месте сохранилась плечевая кость правой руки. Скорей всего, погребенный был положен на спину, головой на север.

Два погребения на могильнике явно подкурганые (курганы 5 и 8).

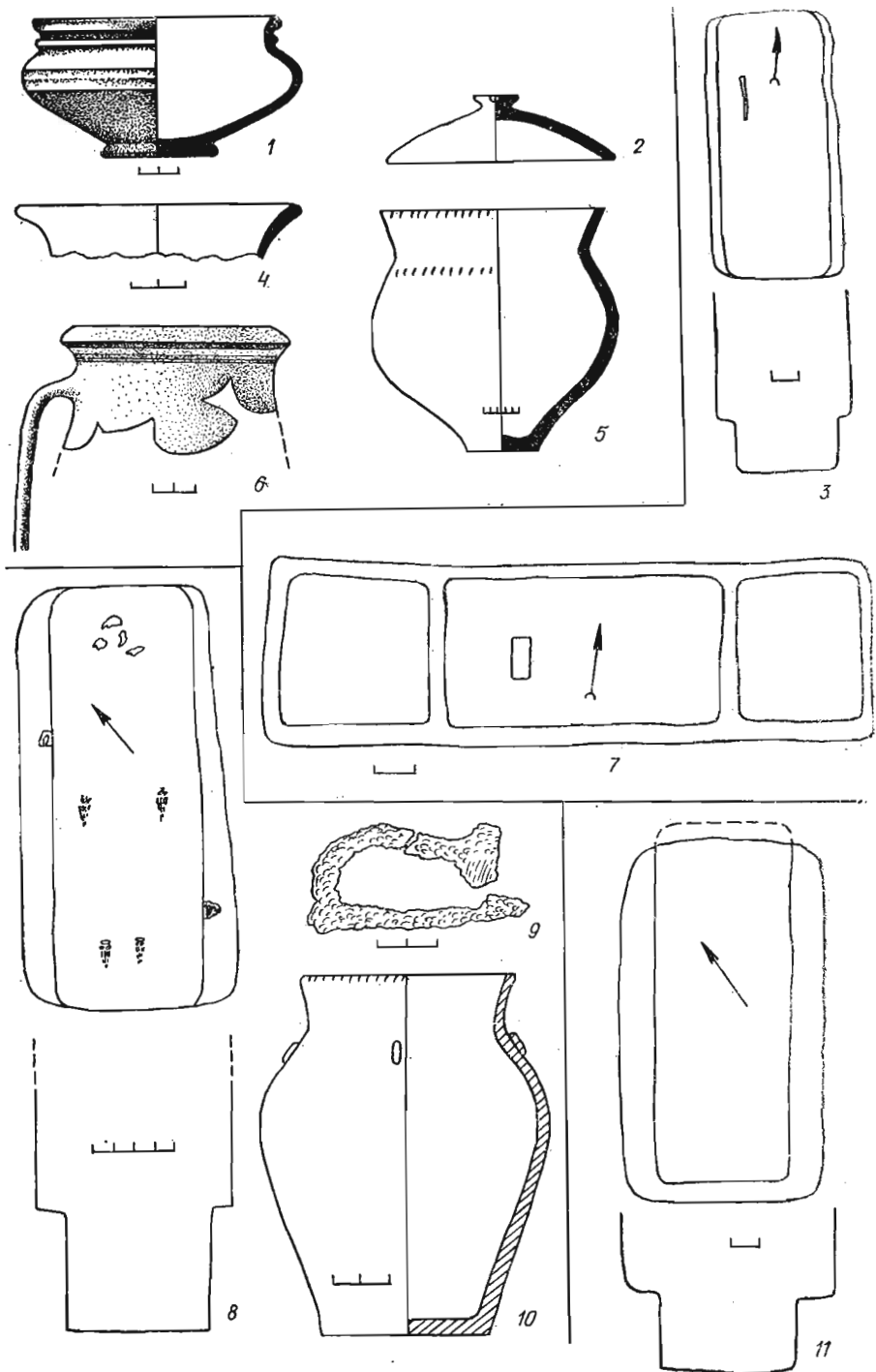

Рис. 11. Сарматские курганы у станции Дзинилор:

1, 2, 4-6 — погребение в кургане 5; 3, 7 — объект 7; 8-10 — погребение в кургане 8; 11 — погребение в кургане 4.

Были ли курганы над детскими захоронениями, остается неизвестным. Системы в планировке могильника не наблюдаются. Для всех погребений характерна одна форма могильных ям с заплечиками. Одинакова и их ориентация. Детали устройства могил повторяются: значительная глубина ям, узкие заплечики, широкое пространство между ними, округление углов могильных ям, одинаковая глубина нижней части ямы. Детские могильные ямы сохраняют пропорции, характерные для погребений взрослых. Общность элементов устройства погребений может указывать на то, что могильник принадлежал одной группе населения.

Несмотря на ограбление всех могил, сохранившийся инвентарь позволяет определить культурно-хронологическую принадлежность могильника возле ст. Дзинилор. Лепная корчага из погребения в кургане 5 находит аналогии в сарматских кочевнических погребениях Украины и Молдавии. Почти полные аналогии корчаге из кургана 5 известны в сарматских погребениях на р. Молочной¹. Наблюдается сходство с некоторыми сосудами из раскопок могильников Балцаты и Будешты, которые Э. А. Рикман выделил в особый вид Д-6². Эти горшки также заглажены «расчесами». Встречаются подобные сосуды и в сарматских погребениях на Нижнем Дунае³. М. И. Вязьмитина, считая появление сосудов этой формы в сарматских курганах на р. Молочной результатом влияния местных керамических традиций, отмечает, что таких сосудов нет в восточной части Левобережной Украины, где преобладают формы, близкие к поволжским⁴. Действительно, сосуды, аналогичные корчаге из кургана 5, являясь обычной формой в позднескифских памятниках Нижнего Днепра⁵. Горшок из погребения кургана 8, хотя и отличается в элементах формы (более вытянутые пропорции, короче горловина и немного шире дно)

от описанной корчаги, в целом представляет вариант того же типа сосудов. Сосуды из сарматского могильника у с. Холмское (особенно из погребения 21) и из могильника Дзинилор представляют распространенный в Северном Причерноморье тип, встречающийся также в античных городах и поселениях в результате проникновения степного населения. Массовые находки таких горшков зафиксированы от середины II в. до н. э. до середины III в. на Козьирском городище⁶. В Танаисе в жилищах первой половины II — III в. найдены совершенно сходные с дзинилорскими сосуды⁷.

Лепные конические крышки с центральной ручкой иногда встречаются в сарматских погребениях первых веков нашей эры. Например, они найдены в погребениях у с. Огородное⁸, в могильнике Олтения⁹, во впускном погребении у с. Семеновка¹⁰.

Краснолаковая чаша по некоторым сходным находкам может датироваться второй половиной II — началом III в.¹¹

Бронзовая лучковая одночленная фибула из погребения в кургане 5 по классификации А. К. Амброза относится к варианту 4 таких фибул и датируется II в. н. э. с возможным заходом в III в.¹² Очень сходная по изгибу спинки фибула с многоветковой завязкой из погребения № 259 некрополя Танаиса датируется первой половиной III в. н. э.¹³ Такую же фибулу из сарматского погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону М. Г. Моткова относит к варианту 5 (по А. К. Амброзу) и датирует соответственно III в. н. э.¹⁴ По крутому изгибу спинки дзинилорская фибула близка к варианту 5 и, судя по аналогичным по степени изгиба фибулам, может датироваться III в. н. э.

Железная шарнирная фибула из кургана 8, вероятно, принадлежит к одному типу с фибулой из погребения 10 могильника Боканы¹⁵. Г. Б. Федоров

датирует такие фибулы II — началом III в. н. э.¹⁶ К. Скорпан относит их по II в. н. э.¹⁷ Фибула, более близкая дзинилорской, происходит из погребения в Тыргшоре¹⁸. Другая фибула, аналогичная описываемой, найдена в могильнике Старые Куконешты II в одном комплексе с бронзовым зеркалом-подвеской, имеющим орнамент в виде радиально расходящихся лучей¹⁹ и датирующимся концом II—III в. н. э. (см. выше). Таким образом, дата, предложенная Г. Б. Федоровым, представляется более правильной.

Бронзовое кольцо из погребения кургана 5, очевиднее всего, является принадлежностью уздечного набора. Такое же кольцо происходит из позднесарматского погребения в курганной группе «Четыре брата» на Нижнем Дону²⁰ и из Агаповского кургана²¹. М. Г. Мошкова считает, основываясь на особенно выразительной находке из Агаповского кургана, где вместе с кольцом были найдены и остатки кожаных ремней, что эти кольца были дополнительным элементом узды, связанным с железными кольчатыми удилами²². Элементами уздечного набора могут быть также и обломки изделий из железа. К конскому уздечному набору относятся также серебряные пирамидальные и полусферические бляшки, крепившиеся к ремням петельками. Такие же полусферические бляшки, пришивавшиеся к ремням, происходят из того же погребения в группе «Четыре брата», откуда и бронзовое кольцо²³. Полусферическая бронзовая бляшка с петелькой, покрытая золотой фольгой, найдена в подкурганном сарматском погребении Семеновского могильника на западном берегу Днестровского лимана²⁴. В этом же погребении обнаружены обломки изделий из железа, которые также могли быть элементами уздечного набора, в том числе железная скоба, которая охватывала, судя по следам дерева на ней, деревянный предмет²⁵.

Она аналогична такому же изделию из кургана 5 у станции Дзинилор.

По всему облику погребального обряда (ямы с заплечиками, северная ориентация, меловая подсыпка, искусственная деформация черепа, характер лепной посуды) могильник возле станции Дзинилор следует отнести к сарматам-кочевникам. Погребения могильника датируются концом II—III вв. н. э., т. е. так же, как и могильников Холмское, Алияга и Старые Куконешты. Все эти памятники к тому же объединяет применение прямоугольных рвов как части погребального обряда. По многим признакам (подкурганные захоронения в глубоких ямах, наличие в погребениях одинаковых предметов) дзинилорские погребения смыкаются с подкурганными захоронениями из Семеновского могильника, которые также датируются III в. н. э.²⁶ Кроме того, могильник Дзинилор повторяет в целом картину, наблюдаемую в погребениях у с. Нагорное (см. ниже), где сарматские курганы сочетаются с расположенными возле них прямоугольными рвами.

САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ У с. НАГОРНОЕ

Три сарматских кургана обнаружены на восточном берегу озера Кагул к югу от с. Нагорное. Курганы 1 и 2 расположены рядом. Возле них обнаружен прямоугольный в плане ров (рис. 12, 7). Курган 9 с находившимся рядом с ним рвом располагался в 800 м к северу от курганов 1 и 2.

Курган 1 сильно распахан, его высота 1, диаметр до 30 м. На поверхности встречались фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор. Под насыпью находилась круговая каменная крепида (рис. 12, 1). Она сделана из необработанных каменных плит, средние размеры которых $0,8 \times 0,6 \times 0,2$ м. Плиты были поставлены вплотную одна к другой и вкопаны вертикально па

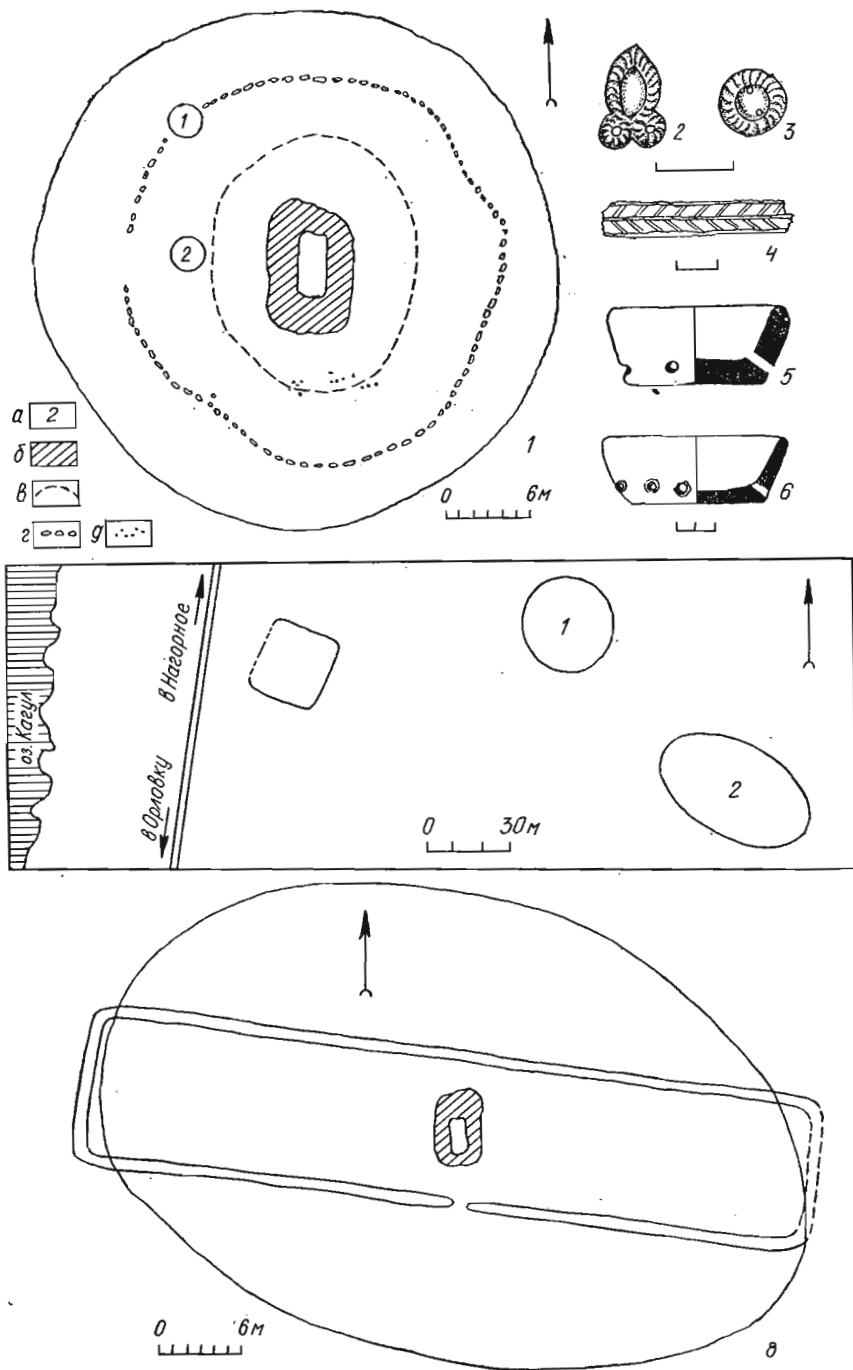

Рис. 12. Сарматские курганы у с. Нагорное:

1—6 — курган 1; а — яма; б — выброс; в — контуры первичной насыпи; г — кирпич; д — обломки амфор; 7 — план курганной группы; 8 — курган 2.

глубину до 0,3 м от древней дневной поверхности. На западе в крепиде имеется разрыв шириной 4 м. В южной поле кургана на уровне древней дневной поверхности обнаружено большое количество амфорного боя, залегавшего несколькими скоплениями. Очевидно, это или остатки тризны, или амфоры, которыми пользовались строители кургана. Обломки принадлежат светлоглиняным сосудам с узкой ножкой, от которой начинается резкое расширение корпуса. Этот признак вероятнее всего указывает на то, что амфоры могут быть отнесены ко II—III вв. н. э.¹

Насыпь кургана сооружалась в два приема. Первоначально погребение было перекрыто небольшой насыпью в 12 см толщиной, после чего была совершена тризна. Ее следами могут быть обломки амфор на поверхности возле южно-южной насыпи внутри крепиды. Через небольшой промежуток времени (первичная насыпь еще не успела задерживаться) сооружена основная насыпь, обнесенная крепидой. С течением времени насыпь расплзлась и перекрыла камни крепиды.

Позднее в насыпь кургана были впушены две округлые ямы с плоскими обожженными днищами. В одной из них находок не оказалось, в другой найдены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор и калиптеров. Ямы относятся, вероятно, к одному из поселений восточного берега оз. Кагул.

Погребение находилось в центре кургана. Могильная яма имеет по устью прямоугельно-овальную форму, у дна — правильную прямоугельную с округленными углами. Она вытянута по направлению север — юг. Длина 3,35 м, ширина северной стенки 1,25, южной — 1,4, глубина 2,8 м. Яма имела деревянное перекрытие из небольших бревен 5—6 см в диаметре. На ее стенках видны следы орудия в виде вертикальных и наклонных полос шириной 3—4 см.

Погребение ограблено. Кости человека и остатки инвентаря найдены в запоянении. Обломки черепа находились возле северной стенки ямы. В яме найдены каменный растиральник (рис. 13, 5); несколько округлых стеклянных бусин (рис. 13, 12) разного цвета: отрезные цилиндрические (рис. 13, 13); несколько прямоугельно-округлых (рис. 13, 14), одна синяя таблетковидная (рис. 13, 11); обломки бусин из янтаря; крестики-подвески из перламутра; мелкие обломки стеклянных сосудов; обломок изогнутого железного стержня (рис. 13, 8), обернутого бронзовой проволокой. На его конце надет бронзовый шарик. Возможно, это часть браслета или пряжки-скольгамы.

В юго-восточном углу ямы обнаружены кусочки деревянного предмета и рядом с ним обрывки золотой фольги. Самый большой ее фрагмент представляет собой туловище стоящего животного. Его длина 5, высота 4,5 см. Другой фрагмент изображал голову животного, третий — согнутую ногу. Все три фрагмента принадлежат разным фигурам, но они, скорее всего, были одинаковы. Фигурки из фольги употреблялись в качестве аппликаций. Для их крепления сделаны отверстия (рис. 13, 3). Четвертый кусочек фольги представлял собой часть полосы длиной 4,5, шириной 0,8 см, украшенный елочным орнаментом (рис. 12, 4).

Здесь же найдены нашивные золотые бляшки (рис. 12, 2, 3): одна — круглая выпуклая в центре и рубчатая по краю (ее диаметр 0,7 см), вторая — тоже рубчатая, овальная с волютами на одном конце; золотые трубчатые пронизи, свернутые из прямоугельных кусочков фольги длиной до 1,5 см; две лепные курильницы в виде чашечки (рис. 12, 5, 6) с прямо отогнутыми наружу стенками. В нижней части стенок у дна находится ряд отверстий. Диаметр одной по венчику 7,5, высота 3,5 см; другой соответственно 8,5 и

3 см; лепное биконическое пряслице (рис. 13, 7); обломок лепной конической крышки с центральной ручкой, уплощенной сверху (рис. 13, 6). В центре плоскости сделано углубление. Диаметр крышки 22, высота 13 см. Крышка покрыта снаружи расчесами; обломок лепного округлого сосуда с сильной примесью крупного шамота в тесте.

Форма могильной ямы с деревянным перекрытием, ориентация погребенного позволяют говорить о принадлежности его сарматам. Об этом же свидетельствуют и незначительные обломки керамики. Лепная крышка по форме аналогична находкам в сарматских погребениях, в частности в кургане 5 у станции Дзинилор, в поселениях Буджака первых веков н. э. Лепная курильница по форме сходна с сосудом из сарматского погребения у с. Буряковка, датирующимся III в. н. э.²

Аналогий изделие из железа с навитой бронзовой проволокой и шариком на конце среди материалов Причерноморья нет. Браслет, свитый из тонкой бронзовой проволоки с шариками на концах без железной основы найден в могиле 16 некрополя Тиритаки³, которую В. Ф. Гайдукевич датирует II в. н. э.⁴ Браслет из витой бронзовой проволоки с оконцовками, сквозь которые проходит петля и крючок для застегивания, найден в подбойной могиле № 7 Инкерманского могильника с монетами начала IV в.⁵ Этот тип браслетов широко распространен в более позднее время.

Золотая круглая бляшка сходна с найденными у с. Холмское. Бляшка с волютами подобна обнаруженной в Херсонесе⁶. Гладкие золотые пронизи примитивны по изготовлению и известны в погребениях разного времени⁷. Так же безлика в хронологическом отношении и нашивная пластина с растительным орнаментом.

Из стеклянных бус наиболее показательна в отношении хронологии таб-

летковидная бусина синего цвета I—III вв.⁸ (см. подробнее выше).

Перламутровые крестики, аналогичные нагорянским, найдены в Фокшанском погребении III в. н. э. и в погребении 6 могильника у с. Кричиное, датирующегося также III в.⁹ В могильнике Старые Куконешты II такие крестики найдены в комплексе с гранеными сердоликовыми и синими таблетковидными стеклянными бусами¹⁰.

Курган 2 (рис. 12, 8) находился в 45 м к юго-востоку от кургана 1. Форма насыпи овальная, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Высота насыпи 1 м. Под курганом находился прямоугольный ров со скругленными в плане углами, размерами 54×10,5 м. Он был вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Курган перекрывал ров частично в центральной части. Глубина рва 0,55, ширина 0,3—0,4 м. Форма в разрезе прямоугольная, дно плоское. В южной стороне имелся проход шириной 0,6 м. В насыпи кургана встречались обломки лепной посуды, светлоглиняных узкогорлых и больших красноглиняных амфор с желобчатыми венцами. Последние датируются II—III вв. н. э.¹¹ Во рву по бокам прохода найдено по одной кости животного.

Могильная яма находилась в центре кургана. Она прямоугольная (1,1×2,4 м). Глубина 3,2 м. На краях ямы и в заполнении сохранились остатки деревянных плах, которыми она была перекрыта. Их ширина 15, толщина 5 см. На стенках ямы видны следы орудия в виде вертикальных полос шириной 4—6 см.

Погребение ограблено. Кости и остатки инвентаря разбросаны по заполнению ямы. Здесь найдены фрагментированный тонкостенный кубок из прозрачного стекла формы, близкой к полусферической с утолщенным венчиком и кольцевым поддоном. В центре дна — умбон. Его высота 5,8 см, диаметр венчика 9, дна 4,8 см (рис. 13, 9);

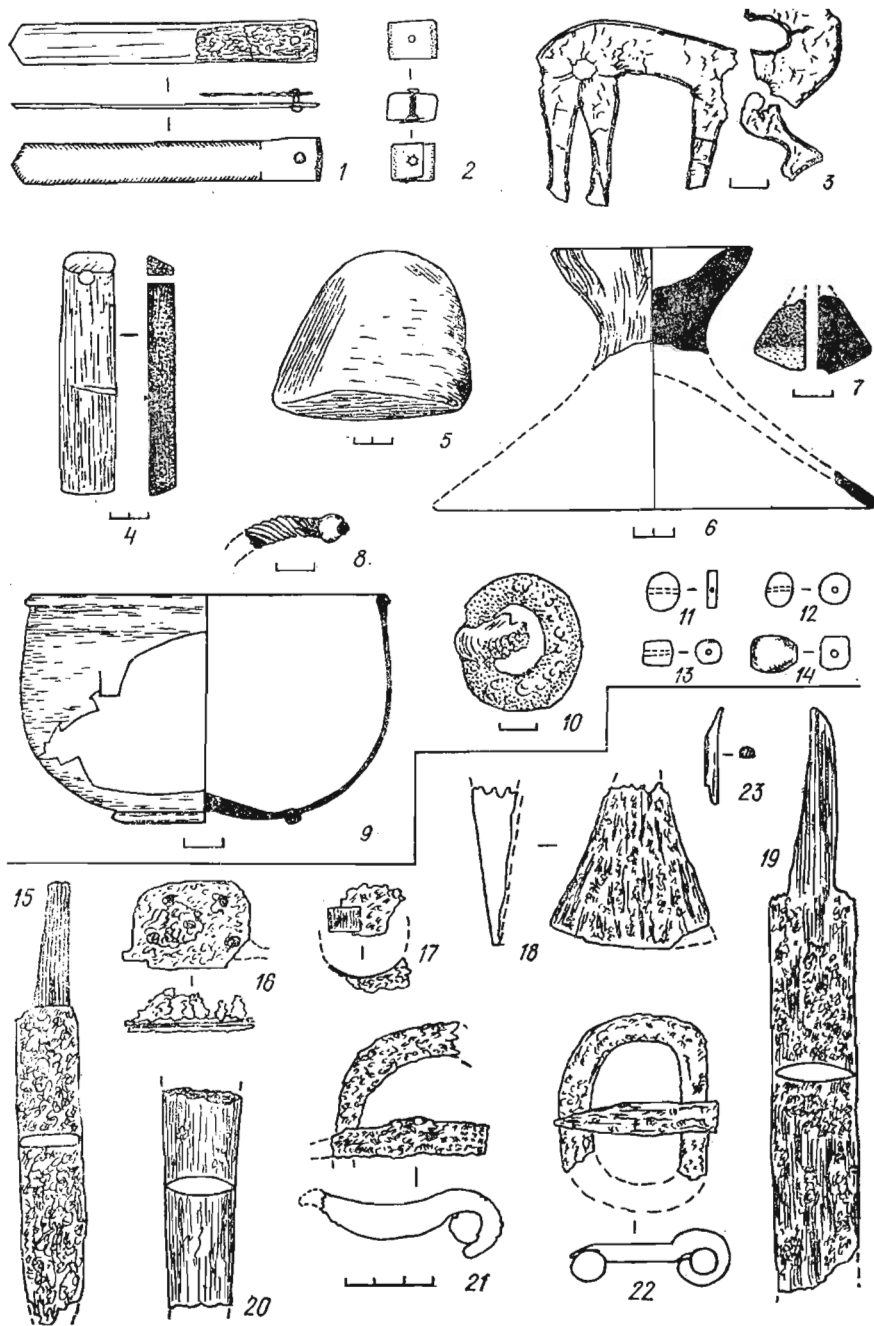

Рис. 13. Сарматские курганы у с. Нагорное:

1, 2, 9, 10 — курган 2; 3—8, 11—14 — курган 1; 15—23 — курган 9.

длинная и узкая серебряная оконцовка ремня (рис. 13, 1) размерами 7,5×1 см. Края с наружной стороны сточены. К основанию пластины с помощью заклепки прикреплена бронзовая пластина с обоймой (рис. 13, 2); округлая железная пряжка диаметром 3 см (рис. 13, 10), в сечении округлая по всему кольцу; обломки меча со следами деревянных ножен.

В погребении обнаружены столь характерные для сарматского обряда кусочки мела и обломки двустворчатых раковин. Раковины в сарматских ямах — явление обычное в Поволжье¹² и Подонье¹³.

В 80 м к юго-западу от кургана 1 обнаружен квадратный (25×26 м) ров. Здесь повсеместно на пахоте встречались обломки светлоглиняных узкогорлых амфор. Среди них имеется ножка амфоры с резко расходящимися кверху стенками — такая же, как и найденная под насыпью кургана 1. Глубина рва 70—80, ширина 35—50 см. Дно местами плоское, местами закругленное. Внутри пространства, огражденного рвом, погребений не обнаружено.

В 90 м южнее кургана 1 зафиксировано скопление обломков амфор и лепной керамики римского времени.

Кубок из прозрачного стекла подобен кубку из погребения 14 могильника Бельбек II, где он найден с амфорой танаисского типа III в. н. э.¹⁴ К этому типу сосудов относится крупный кубок из Инкерманского могильника, найденный в комплексе III—IV вв. н. э.¹⁵ Кубки этого типа известны в могильниках черняховской культуры¹⁶. Этими же веками такие кубки датируются и в Центральной Европе¹⁷.

Длинная узкая оконцовка ремня по принципу и назначению соответствует оконцовкам из железа, найденным в могильнике у с. Холмское. Это изделие аналогично таким же оконцовкам из кургана 9 Нагорьянского могильника (см. ниже), также датирующегося

III в. н. э. Точно такая же оконцовка ремня найдена в могильнике Старые Куконешты II¹⁸. К III в. относится также и круглая железная пряжка (см. выше могильник Холмское).

По совокупности погребального инвентаря погребение датируется III в. н. э.

Редкие обломки светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных с желобчатыми венцами амфор из насыпи относятся к тому же времени, но использование их в качестве датирующего материала чревато ошибкой, поскольку в насыпь кургана могли попасть материалы с поселений первых веков нашей эры (в том числе и стойбищ кочевников этого же периода), существовавших здесь ранее, до времени сооружения кургана.

Курган 9 был в значительной степени разрушен и к началу раскопок представлял собой всхолмление неправильной формы. По сохранившейся части насыпи можно предполагать, что его высота была около 1 м. Вокруг могилы на уровне древней дневной поверхности сохранилась тонкая прослойка материкового выброса, указывавшая на то, что могила относится к основному (и единственному) погребению.

Яма прямоугольная с заплечиками (рис. 14, 3), ориентированная по длине на север — юг с небольшим отклонением на северо-запад. Длина 300 см, ширина 130 и глубина 290 см. На глубине 185 см вдоль длинных стенок сделаны заплечики шириной 15—20 см. На них сохранились остатки перекрытия. Плахи диаметром 8—10 см были положены вдоль, но редко. Расстояние между ними 30 см и более. Поверх них волокнами вдоль ямы настелена кора, от которой сохранился коричневый тлен, а сверху — растительная цинковка, поверх которой зафиксирована тонкая, но плотная прослойка черного тлена. Дно ямы немного прогнуто от коротких стенок к центру. На дне лежал слой древесных углей толщиной 10—12 см.

Погребение ограблено. В заполнении найдены остатки перекрытия, обломки различных изделий и кости человека, в том числе и череп с ярко выраженной искусственной деформацией. На месте сохранилась нижняя часть костяка. Погребенный положен на слой древесных углей на спину вытянуто головой на север. По-видимому, при захоронении угли, устилавшие дно, еще не остыли полностью. Об этом свидетельствуют следы горения на плечевой кости, обуглившейся в эпифизах снизу. Зафиксированы следы горения и на восточной стенке ниже уровня заплечиков.

Слева от головы погребенного обнаружены сероглиняный гончарный тюльпановидный кубок на конической ножке с вертикальным лощением снаружи (рис. 14, 16). Высота сосуда 10,8, диаметр устья 8,3, ножки 5 см; сероглиняный гончарный одноручный кувшинчик с расширяющейся раструбом высокой горловиной (рис. 14, 19). Корпус вытянутый с расширением в нижней части. Поддон плитчатый. Высота сосуда 11,8 см. Диаметр устья 6,7 см. Диаметр поддона 3,5 см; красноглиняный бурлаковый двуручный кубок (рис. 14, 20). Корпус его округлый с расширением в нижней части. Короткий венчик профилирован. Поддон кольцевой. Лак плохого качества почти не сохранился. Он покрывал только верхнюю часть сосуда снаружи и венчик изнутри. Высота сосуда 11,5 см. Диаметр устья 8,8, поддона — 4,5 см.

Вместе с гончарными сосудами стоял прозрачный стеклянный тонкостенный кубок, от которого сохранились мелкие обломки. О его форме можно судить по отпечаткам в заполнении. Он сходен с кубком, найденным в кургане 2. Под правой рукой погребенного лежал фрагментированный железный кинжал (рис. 13, 19). На его черешке и клинке сохранились отпечатки дерева от обкла-

док рукояти и ножен. Ширина лезвия 3 см.

На пиколотке правой ноги найдены остатки кожаной обуви в виде куска кожи, на которой лежала серебряная литая овальная (2,4×1,3 см) пряжка (рис. 14, 7) с двухщитковой обоймой. Внешний щиток овальный с вырезами по бокам возле рамки. С наружной стороны края щитка косо срезаны. Нижний щиток подпрямоугольный. Щитки скреплены двумя гвоздиками. В комплекте с пряжкой на остатках обуви находилась серебряная длинная прямоугольная оконцовка ремня с квадратной обоймой (рис. 14, 8). Ее длина 5, ширина 1,6 см, свободный конец клиновидный, края снаружи косо срезаны. Оконцовка крепилась к обойме шарнирно. Овальная пряжка и оконцовка лежали на остатках обуви обоймами друг к другу. Очевидно, что они вместе представляют собой обувную застежку.

В яме найдены второй комплект аналогичной обувной застежки; а также длинная узкая (9×0,9 см) серебряная оконцовка ремня с прямоугольной обоймой (рис. 14, 18). Край планки снаружи косо срезаны. По-видимому, в комплекте с такими оконцовками были маленькие серебряные литые овальные пряжки с двухщитковыми прямоугольными обоймами (рис. 14, 13) такой же ширины, как и оконцовки. Обоймы крепились одной заклепкой. Длина пряжки 1,5, ширина 1,3 см.

Две узкие прямоугольные серебряные наременные накладки (9×0,9 см) с проложенными под ними бронзовыми пластинками (рис. 14, 9). Край накладок так же, как и края упоминавшихся ременных оконцовок, косо срезаны с наружной стороны. Накладки крепились к ремню с помощью другой бронзовой пластины с тыльной стороны ремня, соединявшейся с накладкой тремя заклепками.

Две бронзовые литые овальные

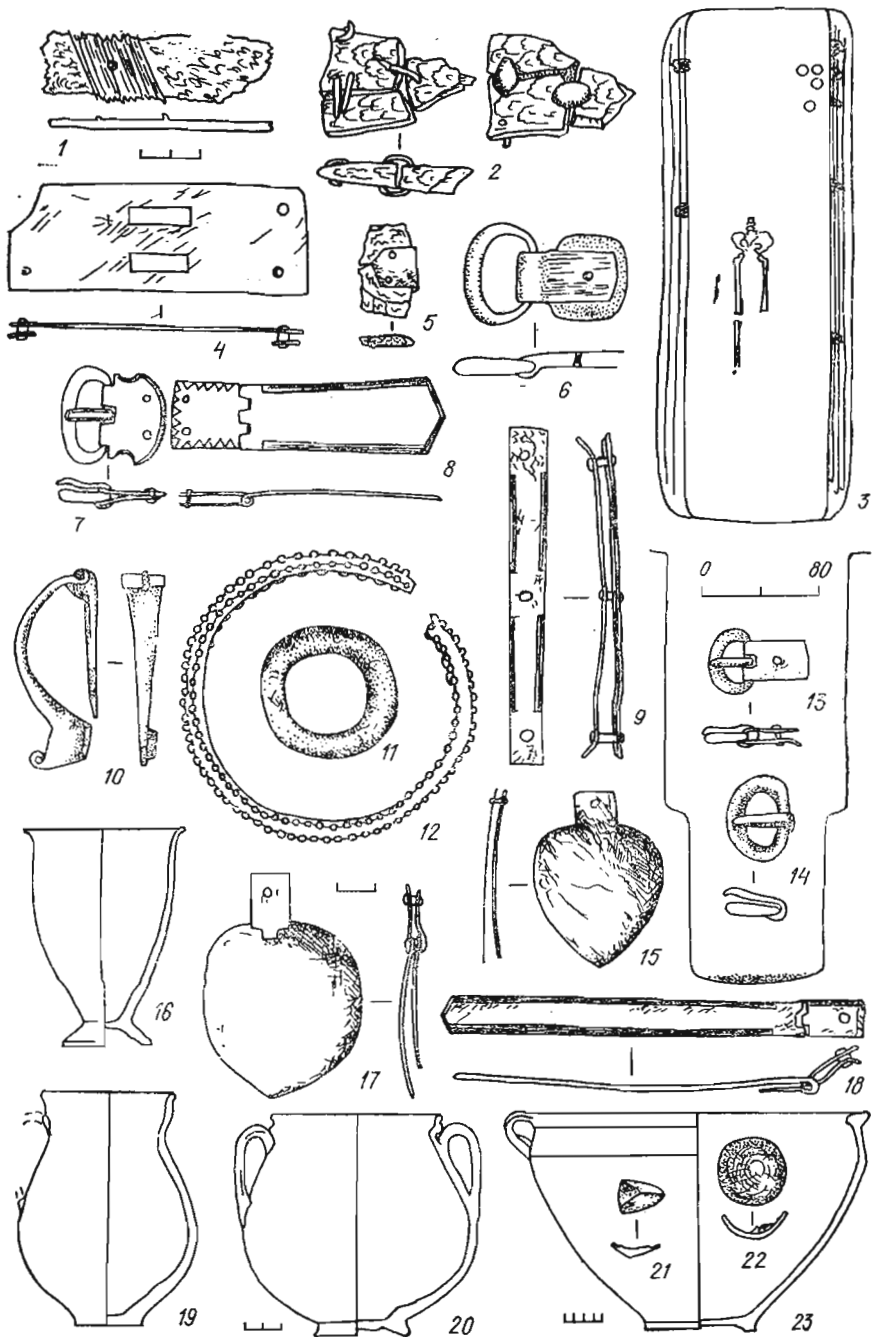

Рис. 14. Сарматские курганы у с. Нагорное:
1—23 — курган 9.

пряжки без обойм (2,2×1,4 см) с утолщенной передней частью (рис. 14, 14).

Бронзовая литая овальная (2,5×2 см) пряжка с утолщенной передней частью и округлой обоймой (рис. 14, 6), крепившейся к ремню одним шпеньком.

Бронзовый язычок пряжки (рис. 13, 23).

Бронзовое литое кольцо-амулет с тремя рядами выступов (рис. 14, 12). Диаметр 7 см.

Бронзовое литое кольцо (рис. 14, 11), округлое в сечении. Диаметр в сечении 0,5 см.

Две серебряные полусферические бляшки (рис. 14, 22). Диаметр 1,5 см. На них с внутренней стороны сохранился припай для крепления петельки.

Две миниатюрные серебряные пирамидальные бляшки (рис. 14, 21), так же крепившиеся припаянными петельками.

Четыре серебряные прямоугольные наременные накладки одного размера (7,5×2,5 см). Они прикреплялись четырьмя гвоздиками, расположенными по углам. Одна из накладок имеет две прямоугольные прорези (рис. 14, 4). Скорей всего эти накладки — части поясного набора или украшения конской сбруи, как и две листовидные подвески, описываемые ниже, поскольку при них сохранились остатки ремней.

Серебряная листовидная слабо выпуклая подвеска (рис. 14, 15) (3,5×3,1 см), состоящая из двух пластин: серебряной снаружи и бронзовой с тыльной стороны. Пластинки скреплены заклепкой. Подвеска имела прямоугольное ушко.

Серебряная листовидная слабо выпуклая подвеска (4,4×4 см) с прямоугольной обоймой и узкой пластинкой с задней стороны (рис. 14, 17).

Обломки деревянного предмета (рис. 14, 2), состоявшего из кусков дерева, соединенных накладными скобками.

Обломок другого деревянного изделия толщиной 0,2 см с бронзовой обоймой (рис. 14, 5).

Фибула бронзовая шарнирная с завитком на конце пластинчатого приемника (рис. 14, 10). Прямоугольная в сечении спинка плавно выгнута. Основание раздвоено и загнуто для шарнирного крепления. Игла имела у основания кованое кольцо с отверстием для оси. Длина фибулы 5,2 см.

Красноглиняный трехручный сосуд (рис. 14, 23). Венчик горизонтально уплощен. В верхней части корпуса резкий перегиб, от которого начинается конусовидное сужение сосуда ко дну. Поддон кольцевой. Высота сосуда 22, диаметр венчика 35, дна 12,5 см.

Железный предмет, формой похожий на нож (рис. 13, 15). Он имел черешковую ручку со следами дерева и клинок длиной около 12 см. Но клинок в сечении уплощенно-прямоугольный, без заметного сужения в сторону предполагаемых лезвий. Назначение предмета не определено.

Обломок сужающего клинка от второго (?) кинжала (рис. 13, 20) со следами деревянных ножен. Фрагментированная железная овальная пряжка (рис. 13, 22) размерами 6,5×5 см. Обломки другой такой же пряжки (рис. 13, 21). Обломок втока копыя (?). Фрагментированная железная пластина (7,5×2,2 см) толщиной 0,5 см (рис. 14, 1). С ее обеих сторон крепились наискось бронзовой заклепкой деревянные планки. Обломок изделия из железа, сохранившаяся часть которого (рис. 13, 18) напоминает лезвие топорика. Длина лезвия 5 см.

Фрагментированное изделие из железа (рис. 13, 16) в виде двух пластин овально-прямоугольной формы с двумя выступами с разных сторон. Пластины скреплены пятью стерженьками, выступающими с одной стороны на высоту до 1 см. Описанное изделие можно определить как двупластинчатую обой-

му, скрепленную с ремнем пятью заклепками.

Две прямоугольные бронзовые пластинки-шляпки (рис. 13, 17), находившиеся, вероятно, на расклепанных концах железного стержня-стопора, продетого сквозь железную втулку для крепления в ней древка.

Обломки изделий из железа, форма которых не восстанавливается.

В 100 м к западу от кургана обнаружена часть прямоугольного рва, почти уничтоженного при земляных работах. Сохранилась его юго-западная сторона на протяжении 28 м и юго-западный угол. В сечении он имеет вертикальные стенки и округлое дно. Его глубина 70, ширина 40—50 см.

Обнаружение прямоугольного ровика в районе кургана 9 позволяет говорить о повторении здесь той же ситуации, что и у курганов 1 и 2. Все элементы погребального обряда в кургане 9 — прямоугольная яма с заплечиками, ориентированная меридионально, положение костяка вытянуто на спине, головой на север, ярко выраженный огненный обряд, деформация черепа — позволяют определить погребение как сарматское.

Большой красноглиняный трехручный сосуд из кургана 9 не находит аналогий в сарматских погребениях, хотя красноглиняная гончарная керамика в них обычна. Форма этого сосуда полностью совпадает с сероглиняными трехручными вазами черняховской культуры. Небольшой одноручный сероглиняный кувшинчик с распыряющимся раструбом горлом сходен по форме с сосудом темно-бурого цвета из могилы 12 могильника у деревни Кыз-Аул¹⁹, погребения которого датируются I—II вв. н. э.²⁰ Сходный по форме сосудик из погребения 219 некрополя Танаиса²¹ датируется концом I — началом II в.²² Однако он отличается краснолаковым покрытием и кольцевым поддоном. Еще один такой кувшинчик найден в Танаи-

се в подвале помещения II раскопа IV, разрушенном в 40-х гг. III в. н. э. Такое хронологическое различие привело Т. М. Арсеньеву к выводу о длительном существовании этой керамической формы²³.

Двуручный буролаковый кубок сходен с кубками из Танаиса²⁴. Здесь такие сосуды датируются весьма широко — I—III вв. Такой же сосуд найден в некрополе Илурата в погребении II — первой половины III в. н. э.²⁵

Сероглиняный тюльпановидный лощеный кубок, аналогичный кубку из Нагорного, происходит из сарматского погребения возле Фокшан²⁶, датированного С. Моринцем III в. н. э.

Бронзовая шарнирная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника принадлежит к группе 13 (по А. К. Амброзу) с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, датируемой весьма широко²⁷. Фибула, аналогичная нагорнянской, найдена в погребении 10 могильника Криничное²⁸, датируемого концом II — первой половиной III в.²⁹ Сходные шарнирные фибулы найдены в сарматских погребениях на Нижнем Дунае в Кесчеоареле и Едурени и датируются также III в.³⁰

Крупное литое кольцо с тройными шпичками совершенно аналогично кольцу из карпатского могильника Габэра³¹, датируемого второй половиной III в. н. э.

Бронзовое гладкое литое кольцо — принадлежность уздечного набора — аналогично кольцу из кургана 5 могильника у станции Дзинилор.

Бронзовые и серебряные пряжки различаются по форме обойм, прямоугольных или овальных, но у всех у них передняя часть рамки утолщена. Этот признак появляется с III в. и продолжает существовать позднее³².

Серебряные листовидные подвески являются украшением упряжи.

В целом они сходны по форме с большинством предметов этого назначе-

ния и в то же время отличны от них в деталях. М. Г. Мошкова отмечала, что из 11 известных позднесарматских уздечных наборов каждый является индивидуальным³³. И действительно, нагорнянские подвески также выпуклы наружу, также имеют внутренние подстилающие пластины, как, например, подвески погребения из группы «Четырех братьев»³⁴, и существенно не отличаются от них по форме.

Серебряные полусферические и пирамидальные бляшки также принадлежат конской сбруе. Полусферические бляшки аналогичны найденным в кургане 5 у станции Дзинилор.

Серебряные оконцовки ремней принципиально не отличаются от бронзовых и железных в могильниках Старые Куконешты и Холмское. Прямоугольные обоймы оконцовок из кургана 9 у Нагорного не являются чем-то исключительным. Оконцовки с такими обоймами известны в сарматских погребениях³⁵.

Обломки деревянных изделий с прикрепленными к ним бронзовыми пластинками определяются обычно как остатки чаш, скрепленных таким способом³⁶. В погребении из кургана 9 очевидно употребление бронзовых скреп, специально для этой цели изготовленных. Их концы загнуты с обратной стороны предмета. Обоймица, охватывающая более тонкий деревянный предмет, возможно, тоже употреблялась для скрепления. Такая же скрепа и для столь же тонкого изделия из дерева уплощенно-округлой формы найдена среди других изделий в одном из погребений Кирсановского могильника³⁷. Подобные обломки изделий из дерева определяются Б. А. Раевым как остатки деревянного ящичка с бронзовыми накладными украшениями³⁸.

Обломок изделия из железа, похожий на рабочую часть топорика, возможно, принадлежит кельту-теслу. На это, в частности, может указывать совпадение ширины рабочего края находки

из Нагорного с шириной рабочего края у орудия из курганной группы возле с. Харьковки Саратовской области³⁹. Кельты-тесла — редкая находка в сарматских могилах и отмечены до сих пор в Поволжье и в основном в Нижнем Подонье в I—III вв. н. э. М. Г. Мошкова считает, что они использовались для рытья могил⁴⁰.

Не исключено, что предмет, названный обломком втока копья, относится к теслу-кельту. К этому же оружию могут относиться и бронзовые пластинки, крепившиеся на концах стержня, служившего для закрепления в щели кельта деревянной ручки.

Погребение большинством находок (кубки, пряжки) уверенно датируется в пределах III в. н. э. По-видимому, эту дату не может сузить кольцо с шпечками типа известных во второй половине III в. н. э. (Габэра), поскольку хронологический диапазон подобных колец весьма широк.

Все элементы погребального обряда Нагорнянского могильника (ориентация могильных ям с заплечиками и без заплечиков, положение костяков, огненный ритуал, кусочки мела, деформация черепа) позволяют определить его как сарматский. Наличие возле курганов прямоугольных ровиков свидетельствует о принадлежности погребенных одной группе сарматов, для которой было обычным размещать возле курганов такого рода сооружения, связанные, безусловно, с заупокойным культом. При наличии перечисленных фактов каменная крепидка в кургане 1 стоит особняком в погребальном ритуале Северо-Западного Причерноморья. Предметы из могил позволяют датировать погребения III в. н. э., а находка в кургане 2 изделий (оконцовка ремня), аналогичных в кургане 9, указывает на относительную одновременность погребений. Основные элементы погребального обряда — подкурганые захоронения, прямоугольные ровики вблизи курганов, а

также наличие одинаковых предметов (сферические бляшки, литое бронзовое уздечное кольцо) связывают Нагорнянский могильник с погребениями у станции Дзинилор. Для обоих могильников характерно наличие в ритуале моментов восточного происхождения: огненный ритуал, деформация черепов, меловая подсыпка, уздечный набор, раковины, кельт-гесло. Оба могильника по типу погребальных сооружений под курганными насыпями и по элементам ритуала сходны с погребениями Семеновского могильника на правом берегу Днестровского лимана.

КУРГАН НА р. ДРАКУЛЯ

В низовьях маленькой степной р. Дракуля, впадающей в дельтовые плавни Дуная, у с. Мирное Килийского района на плато ее правого берега раскопан сарматский курган. В 400 м к юго-востоку от него в верхней части склона того же берега находится раскапывавшееся поселение черняховского типа Дракуля. Возле кургана на низком и пологом противоположном берегу обнаружено более раннее поселение первых веков нашей эры.

Курган высотой 2,1 м имел эллипсоидную в плане форму (рис. 15, 1). Его насыпь вытянута с северо-востока на юго-запад (50×62 м). Такая форма не случайна. Как показали раскопки, до возведения насыпи кургана на его месте был выкопан трапециевидный в плане ров. Размеры этой трапециевидной фигуры значительны: высота 67, длина оснований 36 и 22 м. Общая глубина рва от древней дневной поверхности 1,5—2 м. В верхней части его ширина доходила до 3 м, но с глубины около 1 м он резко сужался. От этого уровня и до дна ров представлял собой траншею прямоугольной в разрезе формы шириной около 1 м (рис. 15, I—IV). С северо-восточной и юго-западной сторон при его сооружении были оставле-

ны перемычки шириной 80 см. Выброс грунта из рва производился внутрь окруженной им площади. В древности выброс оплыл и при этом частично заполнил ров. В разрезах видно, что очертания выброса и верхняя прослойка оплыва во рву образуют одно целое (рис. 15, 3). Следовательно, до сооружения насыпи кургана ров долгое время стоял открытым. В заполнении рва попадались кости крупных животных. Это свидетельствует о сложном и длительном по времени погребальном обряде, детали которого пока неизвестны.

Погребение сильно смещено от центра и находилось в северо-западном углу площади, окруженной рвом. Могильная яма с подбоем. Входная яма прямоугольная размерами 4×3,2 м. В северо-западной стенке сделан подбой прямоугольной в плане формы (3,44×1,28 м), углубленный по отношению ко дну ямы на 30 см (рис. 15, 2).

Ацентричное размещение могилы можно объяснить стремлением предотвратить ограбление. И действительно, грабителям не сразу удалось попасть на могильную яму. В 5 м от нее находился грабительский лаз в виде округло-прямоугольного в плане колодца, углубившегося в материк до 2 м. В его придонной части видна попытка грабителей прокопать ход в сторону могилы. Другая попытка оказалась более точной — в северо-восточную стенку могилы врезан вертикальный колодец, прокопанный в материке на глубину до 4,5 м.

Погребение ограблено. В заполнении могильной ямы попадались обломки человеческих костей и кости крупного животного, корпус сероглиняного лощеного кувшина (рис. 15, 8) и венчик еще одного сосуда, округло-уплощенная бусина (рис. 15, 5), обломки двухлезвийного железного меча с шириной клинка 5 см, обломки изделий из

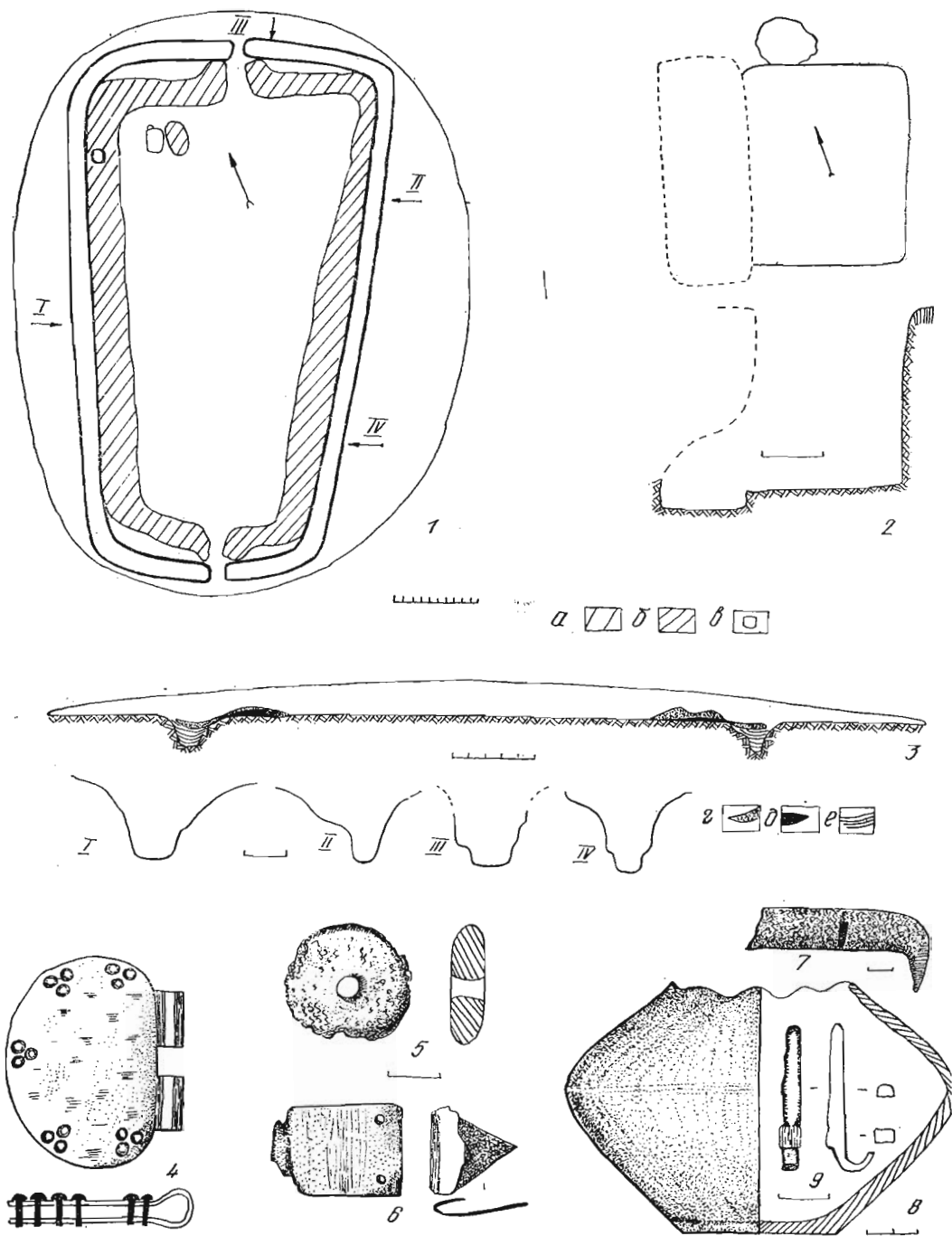

Рис. 15. Сарматский курган на р. Драгули:

I—IV — разрезы рва; а — ров; б — выброс; в — грабительский лаз; г — глина; д — чернозем; е — заполнение рва.

железа, в частности пластина с острым загнутым концом, очевидно, втыкавшимся в дерево (рис. 15, 7). От серебряной поясной пряжки сохранилась двухщитковая овальная обойма и бронзовый язычок (рис. 15, 4, 9). Между щитками обоймы — бронзовые прокладки. Щитки скреплялись пятью группами заклепок по три в каждой. Язычок прямой, без прогиба, полукруглый в сечении. У его основания — плоская площадка со ступенчатым срезом к петле. Такое оформление язычка складывается в III в. и получает дальнейшее развитие в IV в.¹ Найдены также обломки изделий из тонких серебряных пластин с отверстиями для заклепок (рис. 15, 6). Это скорее всего детали поясного набора. В составе инвентаря был также лепной сосуд, но от него сохранился только невыразительный фрагмент. В тесте сосуда много шамота.

Возможность датировки погребения по инвентарю ограничена его скудностью. Однако наличие подкурганного рва дает возможность сопоставить этот памятник с курганами у Дзинилора, Нагорного и Каланчака (конца II—III вв. н. э.) и курганом Корпач (II в. н. э.) в Единецком районе Молдавии на среднем Пруте².

Таким образом, курган на р. Дракуля пополняет серию сарматских подкурганых захоронений, сопровождающихся прямоугольными рвами. Отличительная особенность погребения на Дракуле — мощный ров и могильная яма с подбоем.

КУРГАН У с. КАЛАНЧАК

Сарматский курган с прямоугольным рвом возле него входил в состав группы разновременных курганов (рис. 16, 13), находившейся возле с. Каланчак Измаильского района. Курган почти полностью распахан и сохранился в виде всхолмления высотой в 0,15 м.

В него были впущены два позднекочевнических погребения.

Яма сарматского погребения прямоугольная (1,35×3 м) с заплечиками (рис. 16, 11). Ее глубина 2,5 м. Погребение ограблено, но костяк сохранился почти полностью. Погребенный положен головой на север на подстилку из досок или коры. Остатки инвентаря обнаружены в заполнении. Его состав: фрагментированная буролаковая чашка (рис. 16, 9) с вертикальным бортиком. Высота сосуда 4,9, диаметр устья 10,2 см; бронзовое, овальное в сечении кольцо (рис. 16, 8) диаметром 3,5 см; две полусферические серебряные бляшки (рис. 16, 12) диаметром 1,3 см с припаянными на нижней стороне петельками для крепления; обломок бронзовой прямоугольной в сечении (1,5×2,5 см) обоймы с заклепками, сделанной из тонкой пластины (рис. 16, 7). На заклепках сохранились остатки кожи; три железные скобки (рис. 16, 6), скреплявшие части деревянного изделия.

Погребение окружено подпрямоугольным рвом. Сохранилась его северо-восточная часть (рис. 16, 10). Одна из сторон прослежена в длину на 13, а другая на 16 м. Ширина рва 0,7, глубина 0,65 см. В заполнении попадались обломки светлоглиняных узкогорлых амфор.

В 100 м к востоку от кургана обнаружен прямоугольный ров, частично уничтоженный при земляных работах (рис. 16, 13). Сохранился его северный угол. Одна сторона прослежена в длину на 5, другая на 7 м. Его глубина и ширина 0,7 м, в заполнении попадались обломки узкогорлых светлоглиняных амфор.

Датировочные возможности остатков инвентаря ограничены. Серебряные бляшки с ушками и бронзовое кольцо аналогичны изделиям из подкурганых захоронений у станции Дзинилор и с. Нагорное. Видимо, погребение можно

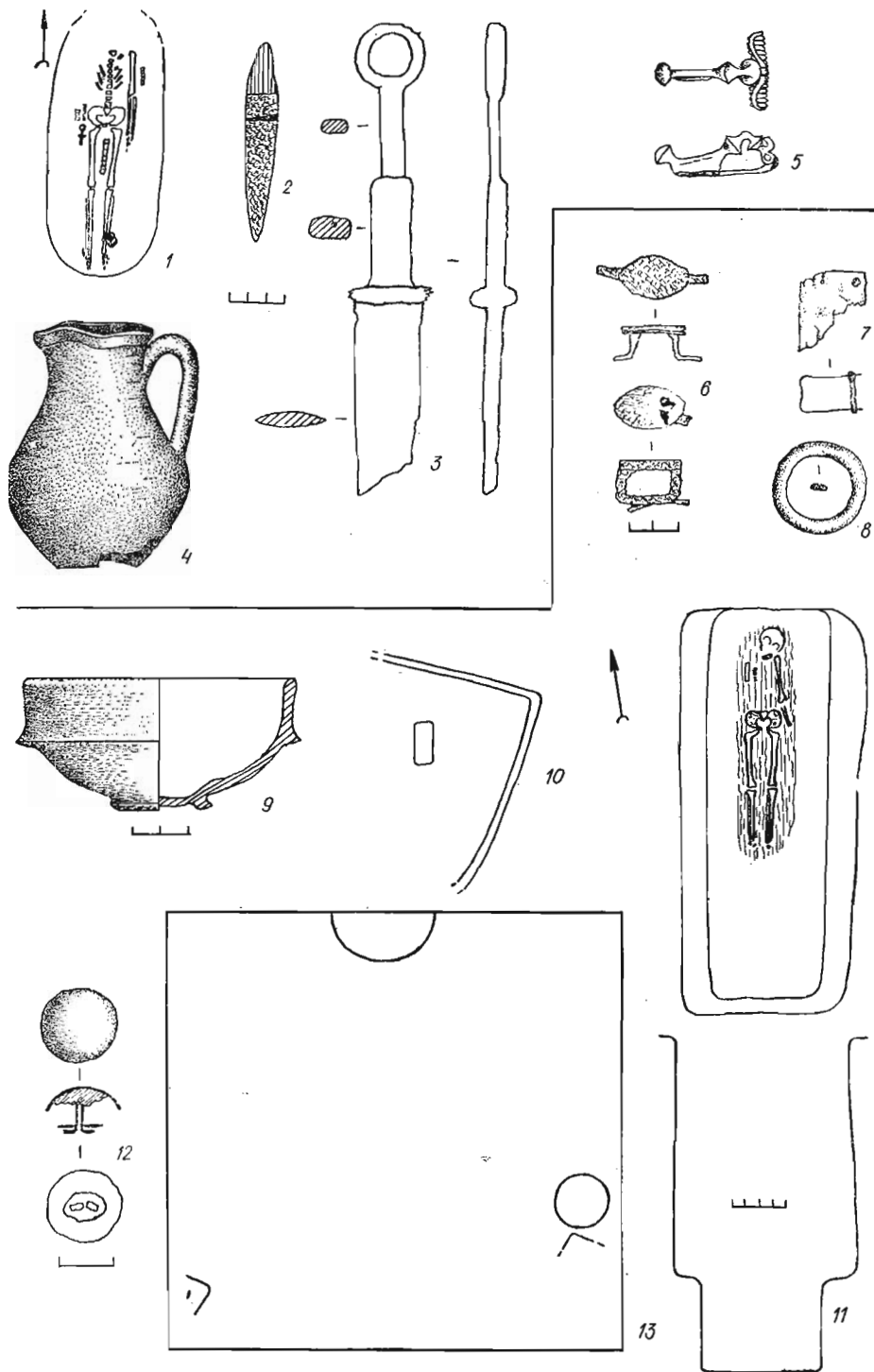

Рис. 16. Впускное сарматское погребение 1 в кургане 23 у с. Плавни и сарматский курган у с. Каланчак:
 1—5 — погребение 1 в кургане 23 у с. Плавни; 6—13 — курган у с. Каланчак.

отнести к тому же времени. Об этом свидетельствуют форма и размеры могильной ямы и такая характерная особенность погребального обряда, как прямоугольный ров под курганом и возле него.

Все рассмотренные сарматские погребения датируются концом II—III вв. н. э. и делятся на две группы. С одной стороны, это могильники со сравнительно большим количеством компактно расположенных погребений. Судя по бедности погребального инвентаря, сравнительно неглубоким могильным ямам и небольшим (сейчас полностью распаханным) курганным насыпям, они принадлежали рядовому населению. С другой — погребения в глубоких могилах под значительными (высотой до 1 м и более) курганными насыпями, разбросанными в степи. В их инвентаре присутствуют серебряные, а иногда и золотые вещи. Погребальный обряд во многих случаях при общем сходстве имеет индивидуальные черты и бывает весьма сложным. Совершенно очевидно, что это погребения знати. Однако и рядовые могильники, и захоронения знати, помимо одновременности, объединены такой важной и специфической чертой погребального обряда, как ограждение погребений рвами и наличие ровов рядом с захоронениями.

ВПУСКНЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Обычной формой позднесарматских погребальных памятников в степях Северо-Западного Причерноморья являются впускные погребения. Иногда несколько таких захоронений образуют небольшой могильник, как, например, у с. Приморское¹, но чаще они одиночны и разбросаны по степи в курганах более раннего времени.

Впускное погребение 17 в кургане 1 у с. Холмское (рис. 17, 19). Могильная яма не прослежена. Костяк

вытянут на спине, головой на северо-восток. На левой руке овальная бронзовая пряжка с остатками железной обоймы (рис. 17, 13). Она сделана из круглой в сечении (диаметр 2,5 мм) проволоки, концы которой загнуты один за другой на оборотной стороне. Форма обоймы не восстанавливается. Пряжка по приемам изготовления примитивна. Возможно, у нее не было язычка. В ногах погребенного находился лепной горшок (рис. 17, 14) с цилиндрической горловиной и корпусом, раздутым в средней части и плавно сужающимся к дну. Высота сосуда 16,5, диаметр венчика 7, дна 5,5 см. Форма этого сосуда является модификацией сарматской керамики Поволжья более раннего времени². Горшки такого типа в позднее время распространяются к западу. Они обнаружены на северо-востоке Украины в Сумской области (курганы у с. Кириковка)³. В Буджаке подобные сосуды найдены во впускном сарматском погребении 4 кургана 4 у с. Кислица Измаильского района Одесской области⁴ и в погребениях 5 и 9 Боканского могильника⁵.

Впускное погребение 4 (рис. 17, 18) в кургане 1 у с. Помазаны Килийского района. Яма не прослежена. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на северо-восток. Правая рука согнута в локте и лежала на животе, левая вытянута вдоль туловища. Возле черепа слева стоял лепной горшок (рис. 17, 17) с округлым корпусом и цилиндрическим горлом. Его высота 18, диаметр венчика 7, дна 8 см. Форма сосуда типично сарматская, широко распространенная в Заволжье уже в прохоровское время⁶. Такие сосуды известны на Нижнем Днепре в Усть-Каменке⁷, Новофилипповке⁸. На более близкой территории они найдены в погребениях Боканского могильника⁹ и Олтенице-Улмени¹⁰. Северная ориентация погребенного, его поза и инвентарь позволяют отнести захороне-

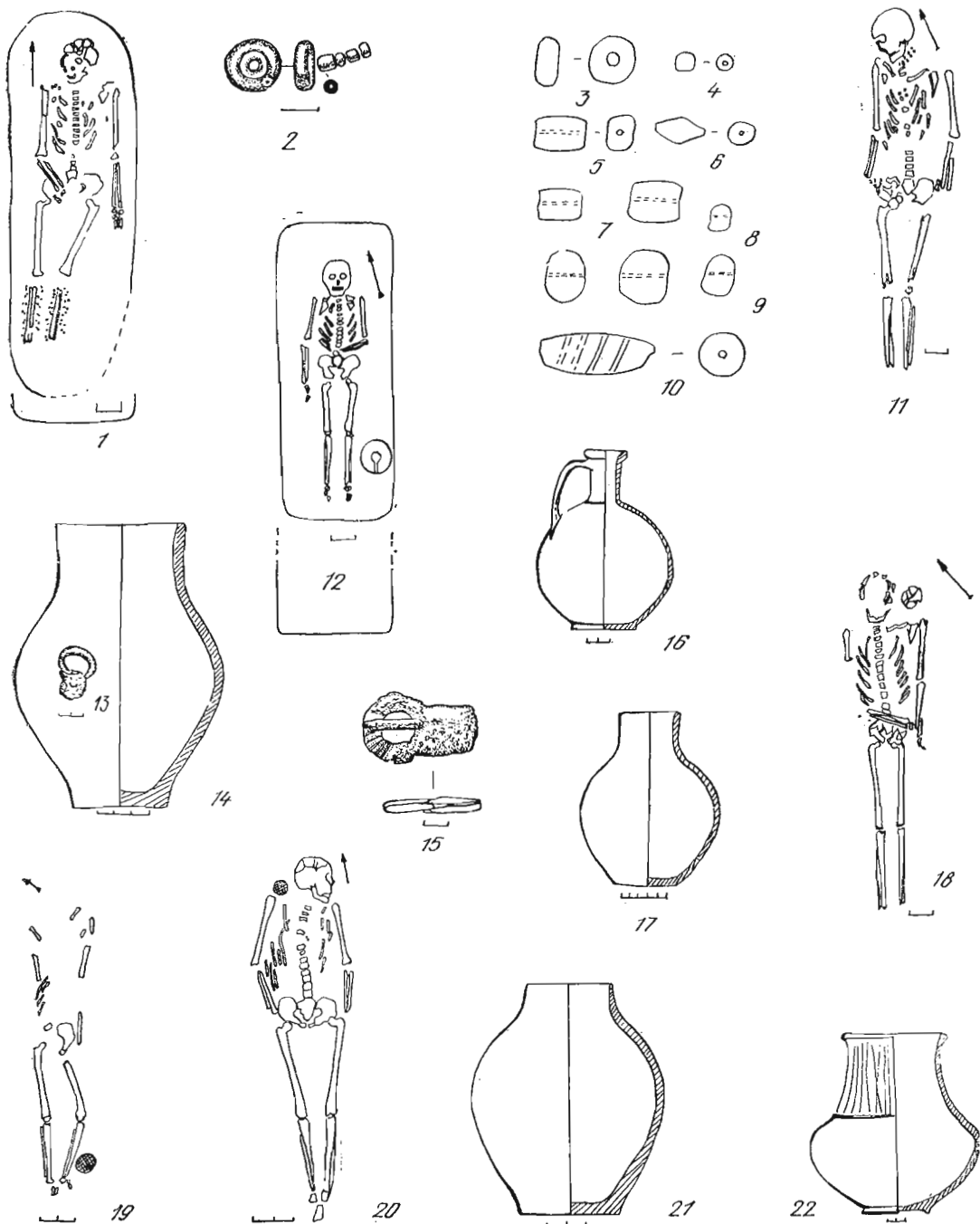

Рис. 17. Впускные сарматские погребения и отдельное погребение у с. Холмское: 1—2 — отдельное погребение у с. Холмское; 3—11 — курган 2 у с. Плавни; 12, 15, 16 — курган 11 на курганным поле Чауш; 13, 14, 19 — курган 1 у с. Холмское; 17, 18 — курган 1 у с. Помазаны; 20—22 — курган 11 у с. Плавни.

ние возле Помазан к числу позднесарматских.

Впускное погребение 12 в кургане 1 у с. Струмок Татарбунарского района. Могильная яма прямоугольная (130×50 см). Погребение нарушено. От костяка сохранилась часть черепа и кость левой ноги. Очевидно, он лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. В изголовье находилась нижняя часть гончарного сероглиняного сосуда (кувшинчика?) на кольцевом поддоне. Диаметр поддона 5,5 см. Этих сведений достаточно, чтобы определить захоронение как поздне-сарматское.

Впускное погребение 2 (рис. 17, 11) в кургане 2 возле с. Плавни Ренийского района. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на северо-северо-восток. Возле шеи и на грудной клетке лежали каменные бусы, составившие ожерелье. Здесь найдены одна коралловая бусина неправильной формы; две янтарные зонные (колесовидные) (рис. 17, 3); 19 неправильно-округлых поперечно сплюснутых сердоликовых, сверленных с одной стороны (рис. 17, 8, 9) с трещинками и выбоинами на поверхности; одна крупная (длина 2,3 см), удлинненно-овальная в продольном сечении из сердолика с природными поперечными белыми прослойками (рис. 17, 10), сверленная с двух сторон; одна биконическая сердоликовая (рис. 17, 6), сверленная тоже с двух сторон; восемь зонных (бочонковидных) продольно-сплюснутых из дымчатого халцедона (рис. 17 5, 7). Возле кистей рук погребенного найдены мелкие разноцветные стеклянные бусы (рис. 17, 4), которыми были обшиты рукава одежды.

Янтарные колесовидные бусы относятся к типу 5 (по Е. М. Алексеевой) и датируются преимущественно I—III вв. н. э.¹¹

Округлые поперечно-уплощенные

сердоликовые бусы найдены в погребениях Калантаевского могильника²¹ (I в. н. э.), в могильнике у с. Новоотрадное в погребениях преимущественно I в. н. э.¹³ Как уже упоминалось, сердоликовые округлые бусы с односторонним сверлением бытовали в основном в I—II вв. н. э. Удлиненно-овальные крупные сердоликовые бусы довольно редки. В Поволжье в сусловское время меньшая по размеру бусина найдена в кургане II—I вв. до н. э. у с. Политотдельское¹⁴. Подобная бусина происходит из сарматского погребения II—III вв. на р. Молочной (курган 17) вместе с зеркалом-подвеской и лучковой фибулой¹⁵. Крупные удлинненно-овальные сердоликовые бусы обнаружены в мавзолее Неаполя Скифского¹⁶. Двустороннее сверление в описываемом экземпляре указывает на сравнительно раннее время. Биконическая сердоликовая и халцедоновые бусы — находка редкая и хронологически точно не определяется. В целом весь набор бус из погребения позволяет датировать его I—II вв. н. э.

Впускное погребение 6 (рис. 17, 20) в кургане 11 у с. Плавни. Могильная яма не прослежена. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север. Возле правого плеча найден лепной горшочек (рис. 17, 21) с цилиндрической горловиной, подобный сосуду из погребения 17 в кургане 1 у с. Холмское. Высота его 13, диаметр венчика 5, дна 6 см.

Погребение (?) в кургане 11 у с. Плавни. Здесь в насыпи кургана обнаружен гончарный сероглиняный кувшин (рис. 17, 22) типа, обычного для сарматских погребений. Следов захоронения не обнаружено. Возможно, оно уничтожено при распашке кургана. Ручка сосуда не сохранилась. Высота кувшина 14,5, диаметр венчика 9,5, дна 5, 5 см. Поддон кольцевой. На горловине проложены вертикальные отдельные линии, снизу замкнутые одной горизон-

тальной. Кувшинчик принадлежит к числу весьма однотипных сосудов, чрезвычайно распространенных в сарматских погребениях первых веков нашей эры к западу от Днепра.

Впускное погребение 2 (рис. 17, 12) кургана 11 на курганном поле Чауш возле с. Плавни. Могильная яма прямоугольная (240×95 см). Ее глубина 150 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север. На груди найдено бронзовое изделие в виде кольца, свернутого из пластины (с двумя продольными бороздками), сужающейся к одному концу. На щиколотках ног находились железные пряжки с прямоугольными обоями (рис. 17, 15). Рамки пряжек круглые (диаметр 3 см), уплощенные в сечении, накованы бронзовой проволокой. В ногах погребенного стоял одноручный красноглиняный кувшин (рис. 17, 16), покрытый светлым ангобом. Цилиндрическое горло резко без расширения переходит в яйцевидный корпус и чашевидно расширенный венчик. На переходе горла в плечи имеется рельефный валик. Поддон кольцевой, невысокий. Ручка ленточная, с двумя продольными желобками, прикреплена ниже венчика и на плечике. Высота сосуда 22,5, диаметр венчика 5,4, дна 8 см. Несколько сходных по форме сосудов известны в Крыму на могильнике Бельбек IV. Здесь кувшины, одинаковые по форме и пропорциям, отличаются лишь деталями оформления венчика. У некоторых сосудов две ручки. Основная масса погребений этого могильника датируется I — началом II в. н. э.¹⁷ Близкой формы, но двуручный кувшин, покрытый светло-коричневым плохого качества лаком, найден во впускном сарматском погребении возле с. Нетеребки Черкасской области¹⁸. Аналогичный сосуд происходит из впускного сарматского погребения 1 кургана 2 у с. Ханкауцы¹⁹, датирующегося I в. н. э.²⁰ Та-

ким образом, по сосуду погребение из Чауша следует отнести к I в. н. э.

Впускное погребение 1 (рис. 16, 1) в кургане 23 у с. Плавни совершено в овальной яме (0,9×2 м). Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на север, на деревянном настиле. Возле черепа найдена сильно профилированная бронзовая фибула причерноморского типа (рис. 16, 5). Возле правой руки была положена верхняя часть меча с кольцевым навершием и прямым перекрестием (рис. 16, 3). Рукоять меча неравномерной ширины: возле перекрестия она шире, чем возле навершия. В ногах обнаружена светлоглиняная ойнохоя (рис. 16, 4). Ее высота 13,3 см. Возле щиколотки правой ноги находился железный нож с деревянной ручкой длиной 8 см (рис. 16, 2).

На близлежащей территории такие фибулы известны во впускных сарматских погребениях у сел Зырнешты²¹, Семеновка²² и могильнике Молога II²³.

Фибула, найденная в погребении, относится к группе сильно профилированных причерноморских фибул, которые А. К. Амброз датирует второй половиной I — первой половиной II в. н. э.²⁴ Эти фибулы явно тяготеют к юго-западной части ареала позднесарматских памятников. Однако они присущи не только сарматам. В Нижнем Подунавье они встречаются часто, особенно на памятниках с ярко выраженным провинциально-римским влиянием²⁵. Там их бытование, естественно, начинается несколько раньше.

Все впускные сарматские захоронения довольно единообразны. Они характеризуются северной и северо-восточной ориентацией погребенного, лежащего вытянуто на спине с руками вдоль туловища. Для отдельных случаев отмечено положение руки на живот. Впечатление единообразия усиливается еще и бедностью инвентаря. Такие по-

гребения широко распространены в низовьях Дуная и особенно в междуречье Днестра и Прута, где они заметно преобладают. Сравнение этой категории погребений в хронологическом отношении с публикуемыми дает интересные результаты.

Вопросы датирования сарматских погребений на этой территории специально рассматривал В. И. Гросу²⁶. Обратившись к исследованным им впускным погребениям, мы получили в целом единообразную картину, совпадающую с публикуемыми впускными погребениями Буджака: Зырнешты, погребение 5 — вторая половина I — начало II в. н. э.; Негулены — конец I в.; Рисипены — вторая половина I—II в.; Старые Куконешты, курган 4, погребение 1 — конец I в.; Глубокое, курган 2, погребение 3 — I в.; два впускных погребения у с. Ханкауцы — I в.; Семёновка курган 11, погребение 1 — вторая половина I — начало II в.; Новые Костешты, курган 1, погребение 2 — первая половина I в. (материал не исключает датировку I в. в целом); Костешты, курган 7, погребение 1 — вторая половина I в.; Первомайск — II в. (судя по стеклянным сосудам, скорее, его первая половина); Оланешты — третья четверть II в. К этому же перечню следует добавить погребения у с. Приморское в Килийском районе. Здесь из погребения 15-а кургана 1 происходят округло-уплощенные сердоликовые бусы²⁷, аналогичные таковым из погребения 2 кургана 2 у с. Плавни. Столь же ранними являются бусы из погребения 52²⁸ сарматского могильника у с. Приморское. Стекланный бальзамарий, найденный там же в погребении 53²⁹, относится к I в. н. э.

Таким образом, все впускные погребения на рассматриваемой территории, кроме Оланешт, явно составляют одну хронологическую группу, более раннюю, чем основные подкурганские захоронения и групповые могильники со

врами, и датируются II в. н. э., не выходя в III в.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ с. ХОЛМСКОЕ

Могильник черняховской культуры возле с. Холмское расположен в 400 м к югу от описанного выше сарматского могильника Холмское (рис. 1, а). Примерно в 200 м южнее черняховского могильника в верхней части склона озерного берега находилось черняховское поселение Холмское III, тянувшееся на 0,5 км. На нем могло быть 10—15 усадеб. Вскрытая на могильнике площадь составляет 1300 м². Он раскопан целиком и состоит из 58 погребений (рис. 18), из которых 2 не относятся к черняховским (11 и 40). На поверхности поля не было видно никаких признаков захоронений. Они обнаружены в виде темных пятен на материковом суглинке лишь после снятия слоя чернозема. Погребения с кремацией отсутствовали.

Погребение 1. Яма прямоугольная (175×65 см) с закругленными углами. Ее глубина 60 см. Дно вогнутое, неровное. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением на юг. Верхняя часть туловища несколько занесена вправо. Руки слегка согнуты в локтях и раскинуты в стороны.

Погребение 2 совершенно в прямоугольной яме (200×85 см) с заплечиками. Ее глубина 85 см. Заплечики на глубине 60 см. Ширина между заплечиками 45 см. В изголовье яма незначительно сужается. Короткая стена в ногах выгнута наружу. Дно ямы плоское. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на восток — юго-восток. Череп обращен влево. Левая рука кистью положена на таз. Возле плечевой кости правой руки найдены четыре стеклянные цилиндрические бусины

Рис. 18. Черняховский могильник у с. Холмское:

план могильника: а — погребения, не относящиеся к черняховскому могильнику.

синего цвета (рис. 20, 14). Их длина 7, диаметр 4 мм.

Погребение 3. Яма подпрямоугольная (100×60 см), вытянута с севера на юг. Углы и короткие стенки закруглены. Ее глубина 90 см. Дно плоское. Захоронения не обнаружено.

Погребение 4. Яма прямоугольная (60×40 см), с закругленными короткими стенками. Ее глубина 90 см. Захоронения не обнаружено.

Погребение 5. Яма прямоугольная, с закругленными короткими стенками. Длина 100, ширина 30, глубина 100 см. Костяк ребенка полностью разрушен грызунами.

Погребение 6. Яма прямоугольная, с закругленными короткими стенками. Размеры по уровню обнаружения: длина 115, ширина в изголовье 60, в ногах 50 см. Ко дну яма сужает-

ся. Ее глубина 120 см. Дно плоское. Костяк ребенка вытянут на спине, головой на запад — юго-запад. Череп обращен теменем вверх. Слева возле черепа найдена стеклянная многочастная бусина синего цвета, вторая такая же бусина (рис. 20, 15) лежала под черепом.

Погребение 7. Яма прямоугольная (145×88 см), с заплечиками. Ее глубина 190 см. Заплечики на глубине 140 см. Ниже их уровня яма прямоугольная, со скругленными углами. Ее размеры: 80×30×50 см. Дно ямы плоское, нижняя часть, вероятно, имела перекрытие: на заплечиках обнаружен черный глени.

Погребение ребенка нарушено грызунами. На месте сохранились кости левой руки и обломки черепа. Умерший был положен головой на запад. Возле черепа найдены стеклянные бу-

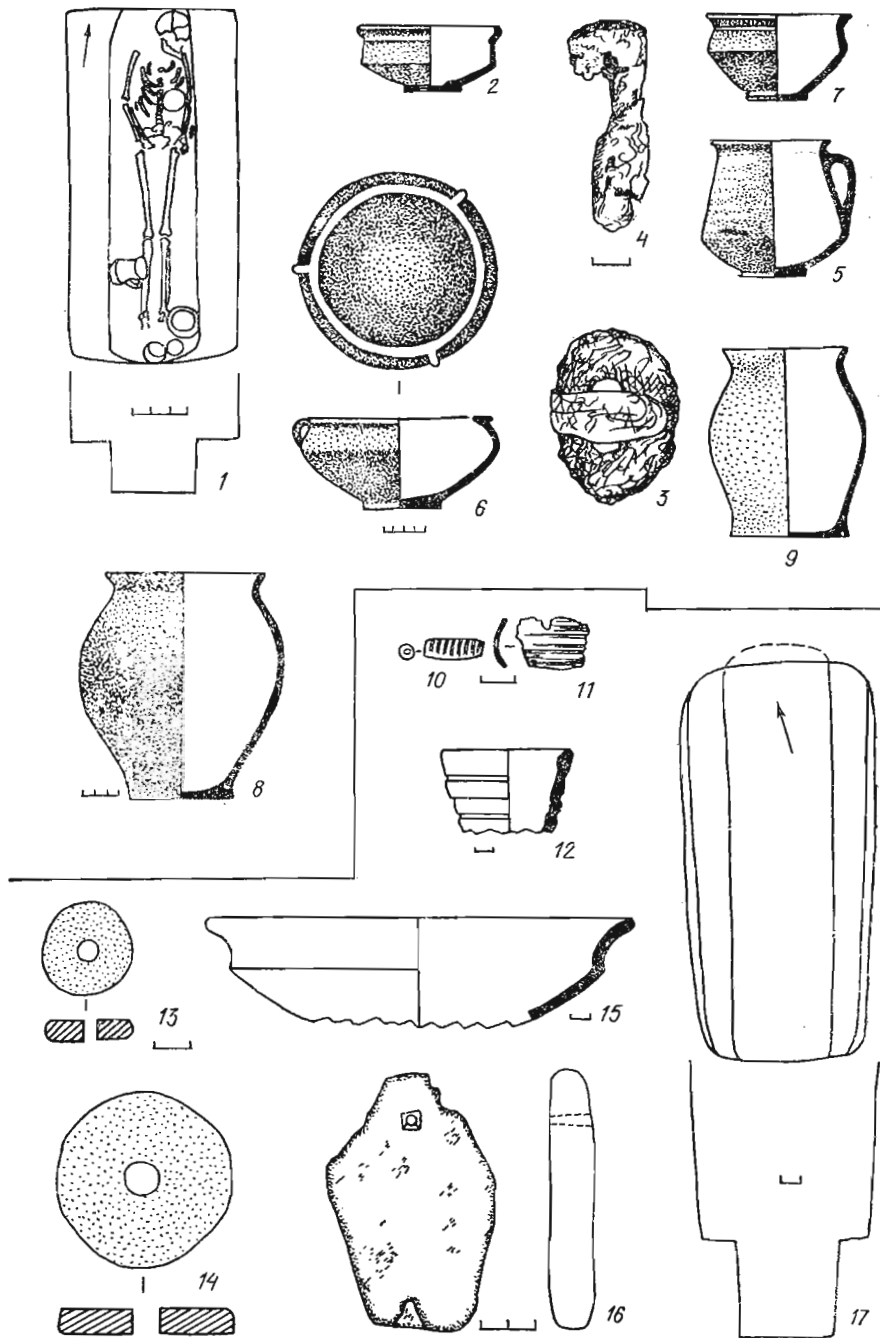

Рис. 19. Черняховский могильник у с. Холмское:
 1—9 — погребение 8; 10—17 — погребение 42.

сы: 30 штук синих чечевицевидных; одна круглая желтая позолоченная (рис. 20, 16). Все бусы сделаны из стеклянной трубочки, разломанной в местах перехватов. Желтая, вероятно, с металлической прокладкой.

Погребение 8 (рис. 19, 1). Яма прямоугольная (190×90 см), с заплечиками. Южная стенка в плане выгнута наружу. Глубина могилы 145 см. Заплечики находятся на глубине 117 см. Ниже ее уровня ширина ямы в средней части 45 см. В изголовье она сужается. Короткая стенка в ногах выгнута наружу. Дно ямы плоское.

Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Левая рука кистью положена на таз. На груди слева найдена сероглиняная лощеная цилиндро-коническая реберчатая миска открытого типа на кольцевом поддоне (рис. 19, 7). Высота сосуда 8,5, диаметр венчика 14,5, дна 6,5 см. Возле левой руки круглый железный стержень с отпечатками дерева на нем, обломанный с обоих концов. Его длина 4, диаметр 0,4 см. Судя по аналогиям, это черенок шильца. Здесь же лежал еще один сильно окислившийся железный стержень с загнутым концом (рис. 19, 4). Возле таза находилась овальная железная пряжка (рис. 19, 3). Ее размеры: 4,5×2,8 см. У голени правой ноги стояла сероглиняная одноручная кружка (рис. 19, 5) биконической формы. Высота сосуда 13, 3, диаметр венчика 12, поддона 7 см. Кружка покрыта лощением в двух направлениях: по вертикали — сверху до ребра, по горизонтали — ниже ребра, но не до дна. В ногах четыре сосуда: две гончарные вложенные одна в другую миски и два лепных горшка.

В погребении обнаружены также гончарная трехручная биконическая ваза (рис. 19, 6) высотой 8,5 см. Диаметр венчика — 9,3, поддона 8 см; цилиндро-коническая открытая миска (рис. 19, 2). Размеры сосуда: высота 7,5, диа-

метр венчика 15,8, поддона 6 см. Сосуд с изъяном: в дне сквозное отверстие, возникшее при изготовлении; горшок лепной (рис. 19, 8), тонкостенный, яйцевидной формы. Горловина короткая, расходящаяся кверху. Венчик горизонтально плоско срезан. Высота сосуда 17,5, диаметр венчика 12, дна 8 см. Тесто грубое, с крупнозернистыми примесями. После лепки горшок обтерт травой или мочалой; горшок лепной (рис. 19, 9) с низкой расходящейся кверху шейкой. Слабо отогнутый венчик горизонтально срезан. Плечи покатые. Наибольшее расширение корпуса немного выше середины высоты сосуда. Дно выделено. Размеры горшка: высота 14, диаметр венчика 9,5, дна 6,5 см. В глиняной массе вкрапления крупнозернистого шамота.

Погребение 9. Яма прямоугольная (100×68 см), с заплечиками. Углы закруглены. Южная стенка наклонена наружу. Глубина ямы 120 см. Заплечики находятся на глубине 140 см. Ниже их уровня яма прямоугольная (70×33 см). Захоронения не обнаружено.

Погребение 10. Яма прямоугольная (120×40 см), с закругленными углами. Ее глубина 55 см. К югу яма сужается. Дно неровное, вогнутое. Костяк ребенка вытянут на спине, головой на север.

Погребение 11. Яма овальная (200×50 см), глубиной 50 см. Дно неровное, вогнутое. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на северо-восток. Кисть левой руки на груди. У черепа слева и у правого плеча найдены обломки костей животных. Судя по форме ямы, погребение к могильнику черняховской культуры не относится.

Погребение 12. Яма овальная (130×65 см). Дно плоское. Глубина 95 см. Костяк ребенка вытянут на спине, ориентирован на северо-восток.

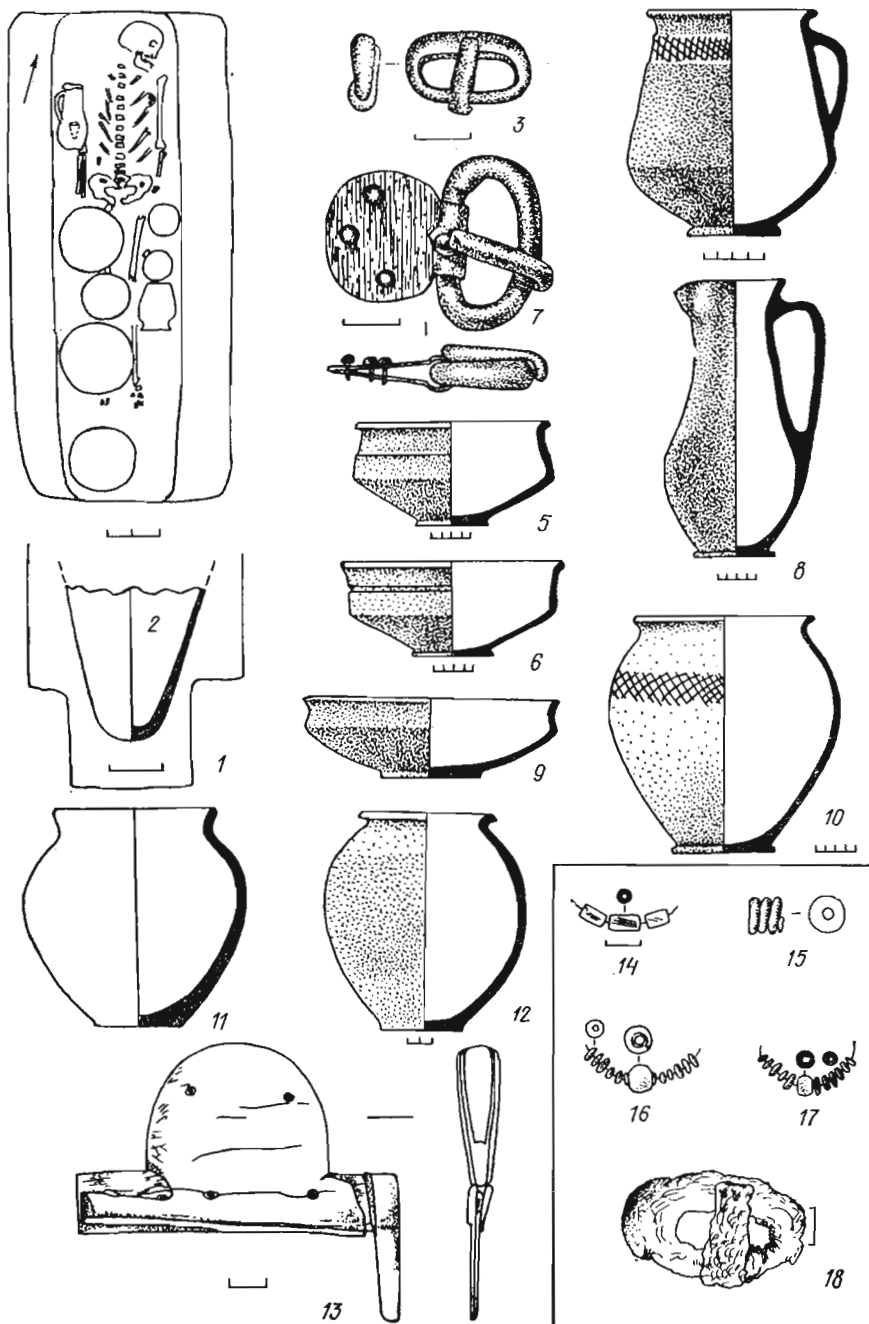

Рис. 20. Черняховский могильник у с. Холмское:
 1—13 — погребение 14; 14 — погребение 2; 15 — погребение 6; 16 — погребение 7;
 17 — погребение 34; 18 — погребение 25.

Погребение 13 (рис. 23, 11). Яма прямоугольная (120×70 см), с заплечиками. Углы закруглены. Глубина могилы 100 см. Заплечики находятся на глубине 65 см. По их уровню яма тоже прямоугольная (90×31 см). Длинные стенки выгнуты наружу. Глубина 35 см. Дно плоское. В западной стенке подбой (30×17 см) с закругленными углами. Погребенный (ребенок) находился на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп лежал теменем вверх. Возле правой руки и между бедренными костями найдены кости животного.

В ногах погребенного лежал лепной горшок (рис. 23, 7) яйцевидной формы. Горизонтально срезанный венчик переходит непосредственно в плечи, на уровне которых корпус максимально расширен. Узкое дно выделено. Высота сосуда 14,5, диаметр венчика 10,2, дна 6,5 см.

Погребение 14 (рис. 20, 1). Яма прямоугольна (180×80 см), с заплечиками. Глубина могилы 185 см. Заплечики находятся на глубине 60 см. Размеры ямы между ними 180×48 см, с сужением у головы и в большей мере в ногах. Дно плоское.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп повернут влево. На правой руке находился сероглиняный гончарный одноручный кувшин со сливом (рис. 20, 8), покрытый сплошным вертикальным лощением. Его высота 28, диаметр дна 8 см. Внутри кувшина находился тонкостенный стеклянный кубок (рис. 20, 2) конической формы, коричневого цвета. В основном он рассыпался, сохранилась только его придонная часть. Толщина стенок до 1,5 мм.

Возле плечевой кости правой руки найден фрагментированный трехчастный костяной гребень с полукруглой спинкой и с железными заклепками на ней (рис. 20, 13). Длина гребня 8,3 см.

Здесь же обнаружены обломки железного ножа с деревянной рукояткой.

На тазовых костях лежали бронзовая овальная пряжка (рис. 20, 3) размерами 2,3×1,5 см, овальная серебряная пряжка (рис. 20, 7) с округло-овальной двухпластинчатой поясной обоймой. Язычок загнут книзу и охватывает передний край рамки. Обойма крепилась к ремню тремя заклепками. Размеры рамки 3,1×1,9 см.

На тазовой кости и на костях правой руки найдены два астрагала и три зуба овцы.

На ногах погребенного лежали семь гончарных сероглиняных сосудов. Миска (рис. 20, 9) сероглиняная, лощеная, реберчатая. Высота сосуда 7, диаметр венчика 26, дна 9 см; миска (рис. 20, 6) реберчатая, лощеная. Высота ее 9,6, диаметр венчика 18,5, дна 8 см; миска (рис. 20, 5) лощеная цилиндро-коническая. Высота сосуда 10,4 см, диаметр венчика — 19,6, дна 6,8 см; столовый лощеный горшок (рис. 20, 10) яйцевидной формы. На плечах пролощенный по матовому фону орнамент в виде косой сетки. Высота его 4,2, диаметр венчика 17,5, дна 9,3 см; биконическая лощеная кружка (рис. 20, 4). Высота 15,7, диаметр венчика 11,7, дна 6,5 см. В верхней части сосуда по матовому фону пролощена косая сетка; горшок шероховатый кухонный (рис. 20, 11). Высота его 15,3, диаметр венчика 12,3, дна 5,8 см; горшок шероховатый кухонный (рис. 20, 12). Его размеры: высота 14,5, диаметр венчика 10,3, дна 6,5 см.

Погребение 15. Яма прямоугольна (190×70 см) глубиной 110 см. В ее северной части дно наклонено к центру, а в южной горизонтальное. Костяк находился у западной стенки могилы в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Погребение 16 (рис. 24, 6). Яма прямоугольная (210×89 см), с плоским дном глубиной 110 см. По-

гребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Руки согнуты в локтях и подведены к плечам. Большая часть костей разбросана.

Погребение 17 (рис. 22, 11). Яма прямоугольная (140×60 см), с заплечиками. Углы и короткие стенки закруглены. Глубина могилы 140 см. Дно плоское. Заплечики находятся на глубине 100 см. Размеры ямы по их уровню 135×40 см. Костяк ребенка в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Возле черепа найдены бусы, фибула и три миниатюрных лепных сосудика: горшочек с почти цилиндрическим низким горлом, слабо расширенным корпусом и суженной придонной частью (рис. 22, 2). Высота сосуда 6, диаметр венчика 4,8, дна 3,6 см; горшочек такой же формы (рис. 22, 3). Высота сосуда 6,7, диаметр венчика 5,4, дна 4 см; миниатюрная полусферическая мисочка (рис. 22, 10) округло-конусовидной формы со слабо выпуклым дном. Высота ее 3, диаметр венчика 4,5 см; стеклянные бусы (рис. 22, 4): 2 синие цилиндрические, одна цилиндрическая прозрачная, одна синяя многогранная; 40 чечевицевидных синих; бронзовая двучленная прогнутая подвижная фибула (рис. 22, 5); спинка в сечении полукруглая, выгнутая несимметрично. На ней над привязкой выкован плоский щиток с двумя параллельными поперечными насечками. У основания спинки выковано кольцо с отверстием для удержания оси пружины. Длина фибулы 4,1 см.

В ногах погребенного находились четыре сосуда: гончарная сероглиняная реберчатая открытая миска (рис. 22, 6). Высота 5, диаметр венчика 16,3, диаметр дна 6 см; гончарная сероглиняная открытая миска (рис. 22, 12) реберчатой цилиндро-конической формы. Высота сосуда 5,5 см, диаметр венчика 12,5, дна 5,5 см; краснолаковый ойнохоевидный кувшин (рис. 22, 14). Ручка

ленточная с двумя желобками. Корпус округлый. Под венчиком рельефный валик, а на плечах два концентрических желобка. Дно на кольцевом поддоне. Высота сосуда 17,5, диаметр дна 6 см. Лак очень плохого качества, тусклый, осыпался; лепной горшок (рис. 2, 13) яйцевидной формы с короткой расходящейся кверху горловиной, покатыми плечиками и максимальным расширением корпуса немного выше половины высоты. Высота сосуда 16,5, диаметр венчика 10,5, дна 7 см. Стенки толстые, тесто грубое, комковатое, с примесью шмота и соломы.

В заполнении могильной ямы найден фрагмент лепного горшочка со слабо выделенной шейкой (рис. 22, 15), незначительно отогнутым округлым венчиком и обломки челюсти взрослого человека.

Погребение 18. Яма прямоугольная (220×110 см), с заплечиками. Углы закруглены. Глубина могилы 180 см. Заплечики на глубине 130 см. Ширина ямы между ними в изголовье 50, в ногах 40 см. Погребенный лежал в вытянутой позе, на спине, головой на запад. Ноги слегка занесены вправо.

Погребение 19 (рис. 21, 8). Яма прямоугольная (140×80 см), с заплечиками, со скругленными углами. Глубина могилы 125 см. Заплечики на глубине 95 см. Размеры ямы между ними 140×45 см. Яма вытянута с северо-запада на юго-восток. Большинство костей смещены и разбросаны по яме. Перевернутый череп находился возле южной стенки, по сторонам от него лежали бедренные кости.

Среди костей найдены две одинаковые бронзовые двучленные фибулы (рис. 21, 3, 4) с прямоугольной в сечении, слабо прогнутой невысокой спинкой, сужающейся к длинной ножке. На переднем конце дужки выковано вертикальное кольцо для удержания оси пружины. Длина фибулы 5,5 см.

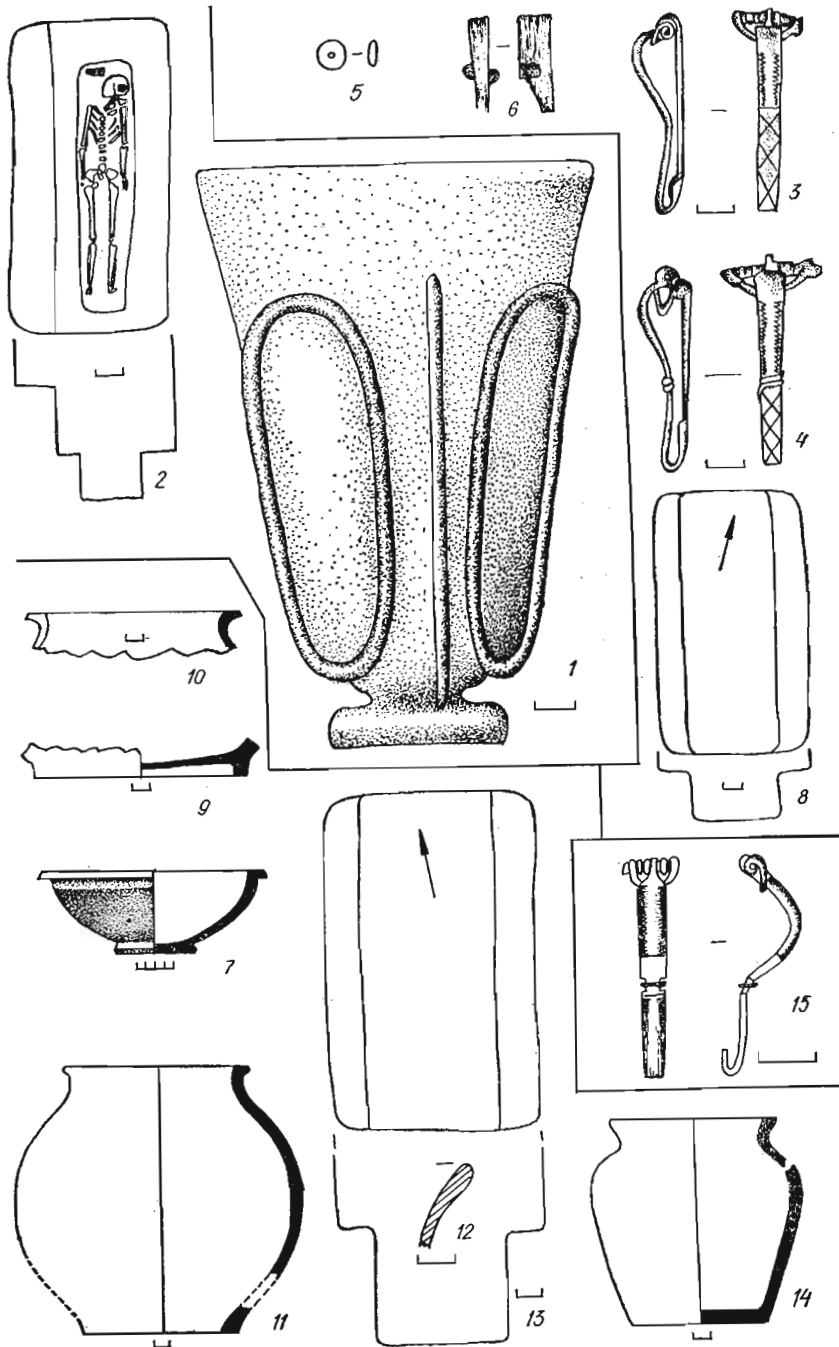

Рис. 21. Черняховский могильник у с. Холмское:

1, 2 — погребение 51; 3—6, 8 — погребение 19; 7, 9—14 — погребение 23; 15 — погребение 30.

На спинке по краям вычеканен орнамент в виде ломаной линии, а на ножке — в виде трех косых крестов. Здесь же находился зубец костяного гребня (рис. 21, 6) и синяя дисковидная стеклянная бусина (рис. 21, 5).

Погребение 20. Яма прямоугольная (190×110 см), с заплечиками. Глубина могилы 190 см. Заплечики на глубине 150 см. Размер ямы по их уровню 190×42 см, к ногам она слегка сужается. На дне отмечен коричневатый тлен. Углы закруглены. Короткие стенки в плане слегка выгнуты наружу. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад — юго-запад. Кисть правой руки положена на таз.

Погребение 21. Яма почти овальная (100×60 см), с заплечиками, идущими по периметру. Глубина могилы 130 см. К дну она слегка сужается. Заплечики на глубине 110 см. Погребенный ребенок находился в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кости ног лежали ромбом.

Погребение 22. Яма прямоугольная, с заплечиками. Ее длина 215, ширина в изголовье 100, в ногах 85 см. Глубина могилы 125 см. Заплечики находятся на глубине 110 см. Размеры ямы между заплечиками 190×42 см. Короткие стенки в плане выгнуты наружу. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Череп повернут влево.

Погребение 23 (рис. 21, 13). Яма прямоугольная (250×155 см), с заплечиками, расположенными на глубине 220 см, ориентирована на северо-восток — юго-запад. Глубина могилы в целом 310 см. Ее ширина между заплечиками 100 см. На заплечиках обнаружены остатки перекрытия (кора?), положенного волокнами поперек ямы.

Погребение ограблено. В заполнении попадались переломанные человеческие кости, фрагменты железного меча в деревянных ножнах, остатки ин-

вентаря: сероглиняная полусферическая миска (рис. 21, 7). Высота сосуда 7,5, диаметр венчика 22,6, дна 8,5 см. Глиняная масса с редкими крупнозернистыми включениями. Снаружи миска тщательно заглажена; обломки верхней части и дна сероглиняного сосуда (рис. 21, 9, 10). Диаметр венчика 7,7 см; обломок венчика красноглиняного сосуда (рис. 21, 12); шероховатый горшок (рис. 20, 11), восстанавливающийся из обломков. Корпус почти шаровидный. Высота 20,5, диаметр венчика 14, дна 12 см. Тесто грубое, рыхлое, с большой примесью песка. На венчике полуса нагара — сосуд употреблялся для приготовления пищи; фрагментированный лепной горшок (рис. 21, 14) с короткой расходящейся кверху горловиной. Венчик горизонтально срезан. Максимальное расширение корпуса на уровне плечиков, от которых сосуд конусом сужается к дну. Высота 16, диаметр венчика 12,5, дна 10 см. Тесто грубое, рыхлое; обломок изделия из кости.

Погребение 24. Яма прямоугольная (120×50 см), со скругленными углами. Глубина 85 см. Короткие стенки выгнуты наружу. Погребенный ребенок положен вытянуто на спине, головой на север.

Погребение 25. Яма прямоугольная (220×90 см), с заплечиками. Глубина могилы 140 см. Заплечики находятся на глубине 105 см. Размеры ямы между ними 180×40 см. Короткие стенки в плане немного выгнуты наружу. Костяк взрослого находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Возле таза найдена овальная железная пряжка (рис. 20, 18). Ее размеры 4,5×2,8 см.

Погребение 26. Яма прямоугольная (125×220 см), с заплечиками. Глубина до заплечиков 140 см. Общая глубина могильной ямы 175 см. Длина ямы ниже заплечиков 200, ширина 50 см, к голове и в большей мере

к ногам погребенного она уменьшается. Углы скруглены. Погребенный положен вытянуто на спине, головой на запад. Ноги занесены вправо.

Погребение 27. Яма прямоугольная (190×80 см), с заплечиками. Углы закруглены. Глубина могилы 155 см. Заплечики находятся на глубине 115 см. Размер ямы между ними 185×50 см. Углы скруглены. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Ноги занесены вправо. Большая берцовая кость правой ноги оказалась смещенной.

Погребение 28. Яма овальная (65×30 см), вытянута с запада на восток. Ее глубина 90 см, края неровные. В заполнении найдено несколько мелких обломков лепного сосуда. Костей не обнаружено.

Погребение 29. Яма подпрямоугольная (73×32 см), с закругленными короткими стенками. Дно неровное, выгнутое. Глубина 90 см. Следов захоронения не обнаружено.

Погребение 30. Яма прямоугольная (200×70 см), с закругленными углами и выгнутыми в плане короткими стенками. Ее глубина 120 см. Она ориентирована с севера на юг. В заполнении найдены обломки человеческих костей и бронзовая двучленная подвязная фибула (рис. 21, 15) с круто и несимметрично выгнутой спинкой, полукруглой в сечении. На спинке над привязкой имеется прямоугольный щиток. Фибула аналогична такой же находке из погребения 17, но отличается отсутствием насечек на щитке и очень короткой пружиной. Длина фибулы 3,9 см. Здесь же обнаружены фрагменты костяного гребня.

Погребение 31. Яма прямоугольная (210×120 см), с заплечиками. Глубина могилы 225 см. Заплечики сделаны на глубине 180 см. Размер ямы между заплечиками в изголовье 50, в ногах 40 см. Длина 200 см. Погребен-

ный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен направо.

Погребение 32. Яма прямоугольная (190×85 см), с сильно скругленными углами. Глубина могилы 175 см. Заплечики на глубине 145 см. Яма ниже уровня заплечиков имеет сильно скругленные углы, а короткая стенка в ногах выгнута в плане наружу. Размеры 110×35 см. На дне отмечен коричневатый тлен.

Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на запад. Ноги немного занесены вправо. Возле таза найдены обломки двух (?) железных изделий в виде пластинок с отпечатками дерева на них. Их длина 1,5 и 1,7, ширина — 0,7 см. Сечение четырехгранное. Пластинки слабо изогнуты. Видимо, это черешки небольших шильев.

Погребение 33. Яма трапециевидная с заплечиками. Длина 265, ширина в изголовье 130, в ногах 105 см. Углы в изголовье закруглены. Книзу до заплечиков яма сужается. Глубина могилы 200 см. Заплечики расположены на уровне 160 см. Размеры ямы между ними 165×45 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью повернут вправо. Ноги сдвинуты к южному борту. У левого колена найдены обломки двух (?) железных изделий, каждый из которых представляет собой тонкое четырехгранное дуговидно изогнутое острие. Их длина 2 и 1,8 см. Изделия покрыты следами дерева. Как и в предыдущем случае, их можно считать черешками шильев.

Погребение 34. Яма неправильно-прямоугольной формы (175×70 см) с закругленными углами. Глубина могилы 105 см. Заплечики сделаны на уровне 85 см. Размер ямы ниже заплечиков: 165×50 см. Углы, кроме юго-западного, закруглены. Нижняя часть ямы вырыта небрежно, дно вогну-

тое. В заполнении попадаются древесные угли. Костяк вытянут на спине, головой на запад. Возле черепа слева обнаружены стеклянные бусы (рис. 20, 17): одна прозрачная сегментовидная с позолотой и 11 чечевицеvidных синих.

Погребение 35. Яма трапециевидная с подбоем и незначительно закругленными углами. Ориентирована по направлению запад-восток с небольшим отклонением. Длина 140, ширина у северо-западной стенки 100, у юго-восточной 80 см. Глубина могильной ямы 115 см. Плохо сохранившийся подбой сделан в северной стенке. В нем найдены обломки костей ребенка.

Погребение 36 (рис. 23, 4). Яма трапециевидная. Ее размеры: длина 210, ширина в изголовье 100, в ногах 80 см. Глубина могилы 220 см. Заплевичики в головах находились на глубине 180, в ногах 195 см. На заплевичиках сохранились остатки четырех поперечных плах перекрытия. Ниже уровня заплевичиков яма подпрямоугольная, с округлыми в плане короткими стенками и значительно длиннее (235×40 см), чем вверху. В изголовье она сужается до 30 см. За счет увеличения длины ямы в нижней ее части в коротких стенках образовались ниши. На дне местами виден коричневатый тлен,— очевидно,— остатки просевшего перекрытия. Погребение нарушено. На месте сохранились лишь кости ног, таза, предплечья, правой руки и череп. Обломки остальных костей попадались в заполнении. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток.

В заполнении найден различный инвентарь: бронзовая литая овальная пряжка (рис. 23, 2) размером 3×2,5 см; железный ланцетовидный нож (рис. 23, 9) со следами деревянной ручки; обломки гончарного шероховатого горшка яйцевидной формы (рис. 23, 16). Его высота 16,5, диаметр венчика

12,5, дна 7,2 см; обломки второго такого же горшка с более округлым туловом (рис. 23, 8); фрагмент железного стержня (рис. 23, 6), сужающегося к одному концу, круглый в сечении. Его длина 3 см, диаметр 4 мм. Судя по аналогиям, это обломок шильца.

Сосуды, находившиеся у ног погребенного, были перевернуты и часть разбита. Здесь найдены гончарная сероглиняная реберчатая миска открытого типа (рис. 23, 3). Высота ее 5,8, диаметр венчика 14,5, дна 7 см, гончарная сероглиняная биконическая миска закрытого типа (рис. 23, 5). Размеры: высота 10,2, диаметр венчика 21,5, дна 8,8 см; лепной сосуд баночной формы (рис. 23, 15) с резко отогнутым наружу коротким венчиком. Тесто грубое, рыхлое с крупнозернистыми примесями. Высота его 17,3 см, диаметр венчика — 12, дна 11 см. Сосуд употреблялся для варки пищи: на венчике внутри полоса нагара.

У короткой стенки могилы у ног погребенного найдены кости животного.

Погребение 37 (рис. 24, 4). Яма прямоугольная (160×110 см) с заплевичиками. Глубина могилы 190 см. Заплевичики сделаны на глубине 150 см. На них выявлены остатки перекрытия в виде двух брусев, положенных поперек и покрытых циновкой. Яма ниже заплевичиков тоже прямоугольная (100×40 см). Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью повернут вправо.

Погребение 38. Яма прямоугольная (245×145 см) с заплевичиками. Глубина могилы 250 см. Заплевичики на глубине 195 см. На них обнаружен череп тлен, вероятно, остаток циновки. Яма ниже уровня заплевичиков прямоугольная. Ее длина 190 см. Ширина уменьшается к изголовью от 50 до 35 см. Углы закруглены незначительно. Дно плоское. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп сдви-

нут к южной стенке, нижняя челюсть находилась у северной.

Погребение 39. Яма прямоугольная (210×90 см). Короткая восточная стенка в плане заметно закруглена. Глубина могилы 170 см. Ниже уровня заплечиков яма тоже прямоугольная (210×60 см) с закругленными углами. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на запад. Череп немного повернут лицевой частью направо. В области груди, таза и ступней костяка лежали упавшие брусья перекрытия.

Погребение 40 нарушено вспашкой. Могильная яма не прослеживалась. Костяк обнаружен на глубине 45 см. Взрослый человек был положен вытянуто на спине, головой на северо-восток.

Погребение 41 (рис. 24, 2). Яма прямоугольная (110×75 см) с подбоем. Углы закруглены. Глубина могилы 85 см. Дно неровное, закругленное возле стенок, понижается к подбою, который расположен в северной стенке. Его длина 70, ширина 50, высота 33 см. Дно на 25 см ниже дна входной ямы. В подбое обнаружены остатки детского скелета, лежащего вытянуто на спине, головой на запад.

Погребение 42 (рис. 19, 17). Яма подпрямоугольная, почти трапецевидная с заплечиками, вытянута с северо-востока на юго-запад. Углы скруглены. Длина 200, ширина в северо-восточной части 95, в юго-западной 80 см. Яма до уровня заплечиков сужается. Глубина могилы 220 см. Заплечики находятся на глубине 170 см. Ниже их длина ямы возрастает до 200 см за счет ниши в короткой северо-восточной стенке. Ширина ямы 50 см. Углы скруглены.

Погребение ограблено. В заполнении встречались кости человека и животного, обломки гончарных сосудов: фрагмент верхней части горловины красноглиняного кувшина (рис. 19, 12),

покрытого красным ангобом. Его диаметр 7 см. На горловине снаружи — горизонтальные ложбинки; обломок верхней части сероглиняной открытой реберчатой миски (рис. 19, 15). Диаметр венчика 22,5 см; два дисковидных пряслица из стенок амфор (рис. 19, 13, 14), обломок подвески из раковины (рис. 19, 11) и обломки бочонковидных стеклянных бусин (рис. 19, 10). Кроме того, в яме находилась каменная антропоморфная стела в виде ромбической плиты с усеченными острыми углами (рис. 19, 16). Она обработана с одной стороны. В плите ацентрично (ближе к одному из усеченных углов) проделано сквозное, почти квадратное (8×7,5 см), отверстие, сужающееся к тыльной необработанной плоскости. Размеры стелы 90×58×16 см.

Погребение 43. Яма прямоугольная (170×100 см) с заплечиками. Углы закруглены. Глубина могилы 215 см. Заплечики сделаны на уровне 195 см. Ниже них яма подпрямоугольная (120×40 см) с закругленными в плане короткими стенками. На дне коричневый растительный глен. Отпечатки волокон направлены вдоль ямы. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен теменем вверх. На костях отмечен черный глен.

Погребение 44. Яма прямоугольная (125×65 см) с подбоем, вытянута по направлению восток — запад. Глубина 115 см. В северной стенке сделан прямоугольный подбой со скругленными углами. Его размеры: 70×50×25 см. Дно на 10 см ниже дна входной ямы. Скелет ребенка разрушен землеройками. Череп находился возле западной стенки ямы.

Погребение 45. Яма прямоугольная (140×90 см) с заплечиками. Глубина могилы 130 см. Заплечики сделаны на глубине 100 см. Ниже их уровня яма прямоугольная (110×40 см). Углы незначительно скруглены. Костяк

ребенка лежал на спине вытянуто, головой на запад.

Погребение 46. Яма прямоугольная (165×75 см). Углы незначительно скруглены. Глубина могилы 160 см. До уровня заплечиков яма сужается. Ниже них она прямоугольная (100×20 см) со слабо скругленными углами. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью повернут влево.

Погребение 47 (рис. 24, 3). Яма подпрямоугольная (220×100 см), к ногам и к низу до уровня заплечиков слегка сужается. Глубина могилы 210 см. Заплечики сделаны на глубине 270 см. Ниже них яма тоже подпрямоугольная длиной 185 см. Ее ширина уменьшается от 50 см в средней части до 40 см в изголовье и в ногах. Костяк вытянут на спине, головой на запад.

Погребение 48 (рис. 24, 7). Яма прямоугольная (180×95 см). Глубина могилы 205 см. Заплечики сделаны на глубины 170 см. Ниже их уровня яма подпрямоугольная (180×35 см) с незначительно закругленными углами, сдвинута относительно центра к западу и образует нишу. Скелет вытянут на спине, головой на запад.

Погребение 49 (рис. 23, 1). Яма прямоугольная (130×70 см) с двумя ярусами заплечиков. Общая глубина могилы 155 см. Заплечики верхнего яруса находятся на глубине 120 см. Яма ниже их уровня прямоугольная (90×45 см) со скругленными углами. Заплечики нижнего яруса сделаны только вдоль коротких стенок на глубине 135 см. Ниже них яма прямоугольная с очень скругленными углами. Ее размеры особенно уменьшаются книзу: по верху 75×45 см, по низу — 55×25 см. Костяк ребенка разрушен земляройками. Остатки черепа находились возле западной стенки.

Погребение 50 (рис. 23, 13). Яма прямоугольная (180×100 см) с заплечиками. Глубина могилы 195 см.

До уровня заплечиков яма сужается. Заплечики сделаны на глубине 155 см. Ниже них яма прямоугольная (175×45 см) с незначительно закругленными углами. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на запад. Череп лицевой частью повернут налево.

Возле левого плеча найдены две бронзовые фибулы подвязного типа с прогнутой спинкой (рис. 23, 14). Одна из них аналогична фибуле из погребения 30. Другая фибула того же типа с пластинчатым корпусом. На ножке и спинке находится по паре прямоугольных фасеток, которые окаймляются поперечными насечками. Завязка проволоочная в два оборота.

Около черепа обнаружены стеклянные бусы (рис. 23, 10): 25 многоцветных синих; 23 округлых разного цвета (синий, зеленый, красный, светлые); 4 чечевицевидных синих; 10 дисковидных синих; две цилиндрические розовые. На среднем пальце правой руки находилось бронзовое кольцо из тонкой полукруглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами (рис. 23, 12).

Погребение 51 (рис. 21, 2). Яма прямоугольная (230×115 см), с заплечиками. Углы незначительно закруглены. Короткие стенки в плане выгнуты наружу. Глубина могилы 195 см. На глубине 110 см вдоль южной продольной стенки сделан уступ шириной в 30 см. Заплечики расположены на глубине 160 см. На них выявлен коричневый и белый тлен. Ниже уровня заплечиков яма прямоугольная. Ее длина 190, ширина 45 см. К голове и в большей степени к ногам она сужается. Короткие стенки незначительно выгнуты в плане наружу. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на запад. Череп лицевой частью повернут влево. В изголовье возле стенки найден кубок из коричневого стекла (рис. 21, 1), тюльпановидной формы, на короткой ножке. Его венчик уплощен. Высота

15, диаметр венчика 9,5, ножки 4,2 см. Стенки кубка украшены рельефными овалами и вертикальными линиями.

Погребение 52. Яма неправильно-прямоугольная, почти трапециевидная с закругленными углами. Ее размеры: длина 240, ширина в изголовье 110, в ногах 130 см. Глубина могилы 220 см. Заплечики сделаны на уровне 100 см. На них отмечен черный тлен. Ниже уровня заплечиков яма подпрямоугольная (220×40 см), со слабо выгнутыми в плане стенками. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Возле черепа найдена стеклянная четырнадцатигранная бусина синего цвета из прозрачного стекла.

Погребение 53. Яма прямоугольная (210×120 см) с заплечиками. На глубине 75 см вдоль южной стенки сделан уступ шириной в 20 см. До уровня заплечиков яма сужается. На заплечиках отмечен черный тлен. Ниже уровня заплечиков яма подпрямоугольная, с выгнутыми в плане короткими стенками. Ее длина 190, ширина в области груди погребенного 42 см, к голове и в большей степени к ногам она сужается. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на запад. На груди найден обломок железного изделия, сходного с такими же находками в погребениях 32 и 33. Это острое, ромбовидное в сечении, очевидно, фрагмент шильца.

Погребение 54 (рис. 24, 5). Яма прямоугольная (230×90 см) с заплечиками и подбоем, с незначительно закругленными углами. Заплечики находятся на глубине 170 см. Ниже их уровня яма только намечена на глубину в 5 см, а в северной стенке сделан подбой прямоугольно-округлой, почти овальной, формы. Здесь находилось погребение. Длина подбоя 190, наибольшая ширина в области груди 50 см, к изголовью и в большей степени к ногам он сужается. Дно подбоя на 5 см ниже дна входной ямы, общая его высота

60 см. На дне коричневый тлен. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на запад. В заполнении могилы попадались обломки человеческих костей и была найдена четырнадцатигранная синяя стеклянная бусина, аналогичная такой же бусине из погребения 52.

Погребение 55. Яма прямоугольная с заплечиками. Ее длина 210, ширина в изголовье 96 см, к ногам она несколько сужается. Глубина могилы 195 см. Заплечики сделаны на уровне 165 см. Ниже их яма подпрямоугольная. Ее длина 175, ширина 40 см, к ногам в большей мере и в меньшей — к голове она сужается. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад.

Погребение 56 (рис. 22, 1). Яма прямоугольная (360×220 см), с заплечиками и подбоем, вытянута по направлению запад—восток. Общая глубина могилы 305 см. Заплечики находятся на глубине 195 см. Ниже их уровня яма только намечена на глубину 10 см, а в северной стенке сделан подбой, в котором находилось погребение. Его длина 220, ширина в области груди погребенного 60 см, к голове, и особенно к ногам, он сужается. Его высота около 60 см. Дно подбоя на 5 см ниже уровня заплечиков. Погребение ограблено.

В заполнении могилы попадались обломки человеческих костей и фрагменты керамики (по которым удастся восстановить формы нескольких сосудов): стенка красноглиняного кувшина с красным покрытием; верхняя часть сероглиняной открытой реберчатой миски (рис. 22, 9) верхняя часть второй сероглиняной открытой реберчатой миски (рис. 22, 7), с диаметром венчика 17 см; кольцевой поддон шероховатого горшка (рис. 22, 8).

Погребение 57. Яма трапециевидная, с заплечиками. Ее размеры: длина 240, ширина в изголовье 95, в ногах 120 см. Углы в ногах закруглены больше, чем в изголовье. Глубина моги-

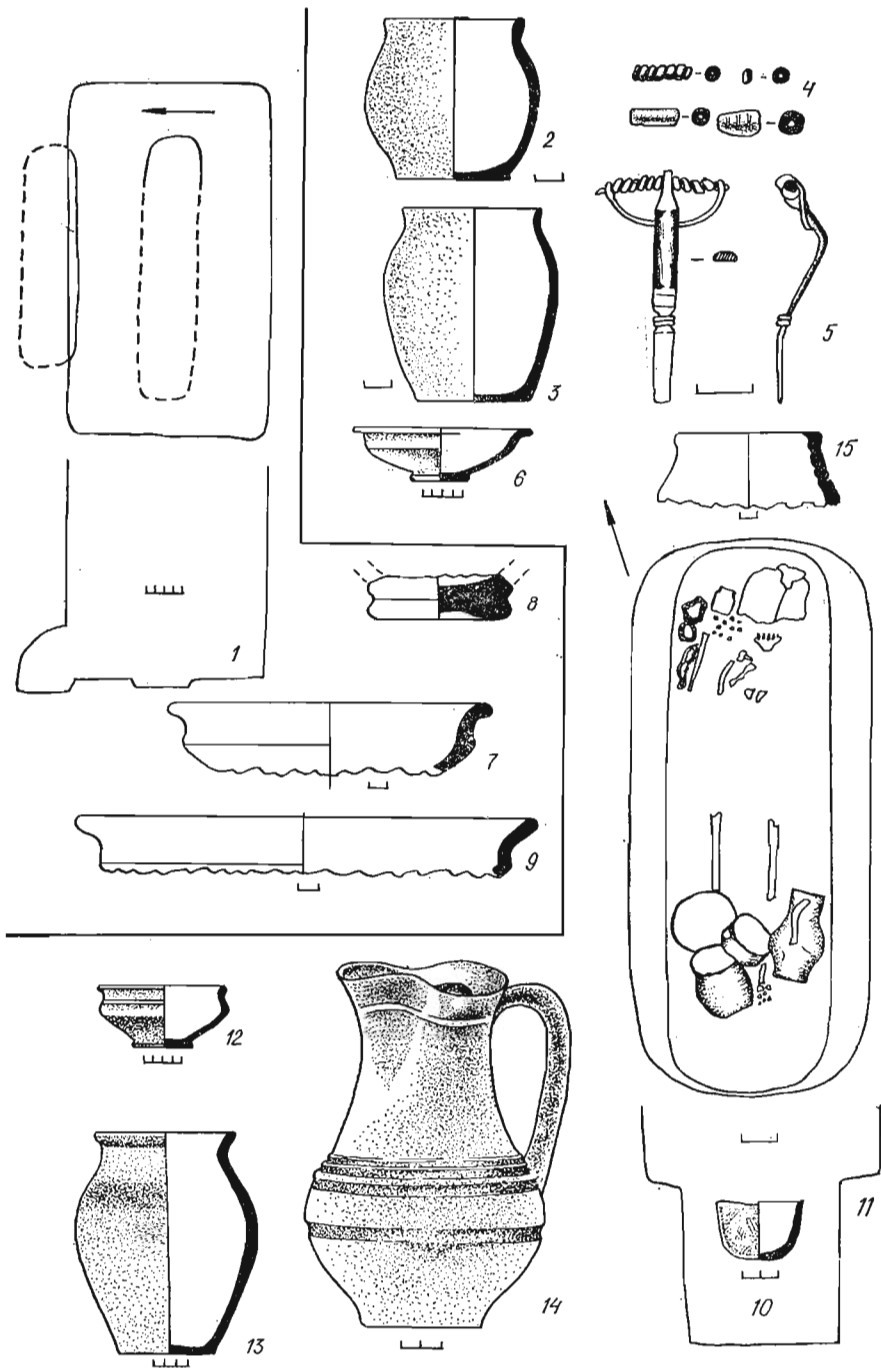

Рис. 22. Черняховский могильник у с. Холмское:
 1, 7-9 — погребение 56; 2-6, 10-15 — погребение 17.

лы 210 см. Заплечики находятся на глубине 180 см. Ниже их уровня яма прямоугольная (105×45 см), слегка сужающаяся к ногам. Погребенный положен на спину вытянуто, головой на северо-запад.

Погребение 58. Яма трапециевидная с заплечиками и скругленными углами. Ее длина 230, ширина в изголовье 150, в ногах 130 см. Глубина могилы 190 см. Заплечики на глубине 150 см. Ниже их уровня яма подпрямоугольная (170×45 см), с незначительным сужением к ногам. Костяк подростка положен на спину вытянуто, головой на северо-запад.

Хотя могильник сравнительно невелик, анализ его материалов дает дополнительные сведения для определения специфики и закономерностей погребального обряда на степных памятниках вообще и в междуречье Днестра и Дуная, в частности. Из 58 раскопанных погребений два (11 и 40) не относятся к числу черняховских и с могильником не связаны. Они являются, скорее всего, позднекочевническими. Их культурная принадлежность четко не определяется. Такие погребения впускались в находившиеся рядом древние курганы, и в частности в курган, возле восточной полы которого находился черняховский могильник. Подобные погребения найдены на поле и далеко за пределами могильника. Таким образом, могильник состоит из 56 погребений, которые весьма разнообразны по обряду погребения с трупосожжением. Погребения с трупосожжением отсутствуют полностью. Никаких их признаков в пахотном слое не обнаружено. По отсутствию погребений с кремацией могильник Холмское сопоставим с рядом черняховских могильников Ранжевое¹, Каменка-Анчекрак², Дедовщина³, Кринички⁴, Заячевка⁵, Чистилов⁶, Извоаре⁷, Сынтана де Муреш⁸, Сэвень⁹ и др. Очевидно, к этой же категории могильников относятся и такие, на ко-

торых при общем значительном количестве вскрытых захоронений погребений с трупосожжением очень мало (не более одного-трех). Таковы Викторовка II¹⁰, Фурмановка¹¹, Данилова Балка¹², Чернилов Русский¹³. Из этого перечня явствует, что могильники с полным отсутствием кремации или ее минимальным количеством тяготеют к юго-западной и в меньшей мере к северо-западной части ареала черняховской культуры. Некоторые исследователи считают количественное соотношение трупосожжений и труположений хронологическим признаком, а кремация рассматривается как отмирающий обряд¹⁴. Следовательно, на поздних памятниках должны преобладать труположения. Другие, анализируя случаи, когда кремация преобладает и на поздних памятниках, полагают, что она не выходит из употребления и свойственна черняховской культуре на протяжении всего ее существования¹⁵. Все это, вместе взятое, создает впечатление, что преобладание и господство в погребальном обряде труположения может оказаться и локальным признаком.

Как обычно, труположения имеют северную и западную ориентацию. Погребений, ориентированных на север, иногда с отклонением на северо-восток,— 13. Остальные захоронения ориентированы на запад или северо-запад. Таким образом, на могильнике явно преобладают погребения с западной ориентацией. Их 37. Особое явление представляет погребение 2, костяк в котором ориентирован головой на восток — юго-восток. Единичные резкие отклонения от двух общепринятых направлений ориентации известны на многих черняховских могильниках. Погребениям с северной и западной ориентацией в Холмском присуще различие могильных ям по глубине. Глубина первых лишь в единичных случаях достигает 150, вторых — обычно превышает

150 см. Такое явление характерно для черняховских погребений с труположением на многих могильниках: совхоз Приднепровский¹⁶, Малаешты¹⁷, Коблево¹⁸ и др.

Планировка могильника представляет определенный интерес. Хотя она на первый взгляд бессистемна, некоторые элементы упорядоченности можно заметить уже в том, что могильник имеет центр. Им является погребение 56 — самое крупное погребальное сооружение могильника. Вокруг него в радиусе 7—8 м нет могил, кроме одного — детского захоронения 35. Такая планировка, очевидно, закономерна, так как известна на многих могильниках. В Коблеве в центре могильника находились две большие огражденные в древности могилы привилегированных лиц, «рядом с которыми простых общинников не хоронили»¹⁹. В могильниках Ранжеево²⁰ и Каборга IV²¹ в центре находилось пустое место с культовой ямой. Судя по плану Раковецкого могильника, в его центре тоже было место, не занятое могилами²², а в Будештах два наиболее богатых погребения занимали центральное положение. Очевидно, в таком расположении захоронений отразилась социальная структура общества. Могильник Холмское не является в этом отношении исключением. Второй элемент упорядоченности планировки могильника проявляется в том, что погребения с северной (вариант — с северо-восточной) ориентацией концентрируются в основном в восточной части могильника. Такое территориальное обособление захоронений с западной и северной ориентацией в разной мере, но как устойчивая тенденция, наблюдается на многих черняховских могильниках в разных частях ареала культуры. На юге оно отмечено в Гавриловке²³, Будештах²⁴.

В целом на территории могильника погребения расположены довольно равномерно. Явных пустых мест не наблю-

дается, как и значительных скоплений могил. Только иногда намечается расположение погребений небольшими группами.

Все эти явления традиционно считаются признаком непрерывного использования могильника и наличия на поверхности земли каких-либо обозначений захоронений²⁵.

Степень сохранности могил дала возможность проследить детали их устройства. Тем более что могильные ямы, особенно ниже уровня заплечиков, выполнялись в древности очень тщательно. Это позволяет четко разделить могилы по их конструкции на определенные типы.

Эта типология применима к погребениям как взрослых, так и детей, хотя детские захоронения могут иметь некоторые особенности и им свойственная тенденция к упрощению конструкции могильной ямы.

Тип I (34 погребения, из них 9 детских) — яма, по традиции называемая ямой с заплечиками, или уступами. Однако представляется возможным понимание этой конструкции применительно к черняховскому могильнику как комбинации двух ям: большой входной (верхней) и сделанной в ее дне мелкой и узкой (нижней) ямы-гроба. Верхняя яма обычно прямоугольная, реже трапециевидная с сужением к ногам погребенного (6, 33, 36, 42, 58), либо к голове (52, 57). У верхних трапециевидных ям всегда резко выражено скругление углов и обычно выгибание в плане наружу коротких стенок. Во многих случаях зафиксировано сужение ямы книзу до уровня заплечиков, которые в погребениях взрослых находятся в среднем на глубине 150 см.

Яма-гроб (нижняя) имеет свои варианты формы. Ее ширина не более 50, чаще 30—40, а глубина 55 см. Нижняя яма по длине может отличаться от верхней: быть короче или длиннее. В последнем случае под короткими

стенками верхней ямы образуются ниши. Нижняя яма может быть сдвинута по продольной оси в ту или другую сторону. Во всех этих случаях голова или ступни погребенного могут оказаться в нишах.

В отличие от верхних ям нижние при общем сохранении подпрямоугольной формы весьма разнообразны по деталям формы. Эти детали явно неслучайны, поскольку они повторяются в разных захоронениях. Таковыми бывают: сужение в изголовье (погребения 28, 36) или одновременно в головах и особенно в ногах (погребения 14, 26, 47, 51, 53, 55), сужения только в ногах (погребения 18, 20), трапециевидная форма при максимальной ширине в головах (погребения 38, 57, 58). Существуют также ямы правильной прямоугольной формы (погребения, 25, 50 и др.). Для всех нижних ям обычно скругление углов и выгибание в плане наружу коротких стенок. Редкая разновидность ям типа I это ямы с приступкой в верхней части одной из длинных стенок (погребения 51, 53) выше заплечиков. Особняком стоит одно детское погребение 46 с двумя ярусами заплечиков. Все отмеченные варианты форм нижней ямы, вероятно, свидетельствуют о стремлении максимально приблизить ее форму к очертаниям человеческого тела.

Функциональный смысл заплечиков в том, что они служили опорой для перекрытия над непосредственным помещением погребенного. Действительно, в ряде случаев на заплечиках отмечены следы такого перекрытия. В погребениях 36, 37, 39 найдены концы нескольких редко положенных плах, поверх которых было наброшено какое-то легкое покрывало. От него осталась тонкая прослойка черного тлена. В нескольких случаях покрывало зафиксировано без следов дерева. Яма ниже уровня заплечиков при совершении погребения грунтом не засышалась. Об этом свидетель-

ствует то, что в большинстве случаев у погребенных нижняя челюсть отпала.

Ямы с заплечиками преобладают в могильниках Рапжевое²⁶, Каменка-Анчекрак²⁷, Викторовка II²⁸, Коблево²⁹. В меньшем количестве они засвидетельствованы и на других степных памятниках: Гавриловка³⁰, Фурмановка³¹. На памятниках лесостепи погребения в ямах с заплечиками встречаются, но никогда не преобладают. Они известны в Кантемировке³², Даниловой Балке³³, Косанове³⁴, Переяславе-Хмельницком³⁵, Черпилеве Русском³⁶, Раковце Чесновском³⁷ и на территории Молдавской ССР у сел Будешты, Малаешты и Балцаты³⁸. В памятниках Молдавии известны погребения с нишами (Малаешты) и с заплечиками по периметру могильной ямы (Будешты). Погребения в ямах с заплечиками засвидетельствованы в черняховских могильниках и на территории Социалистической Республики Румынии³⁹. При всей широте ареала аналогий все же можно считать, что наиболее яркие из них находятся в степной зоне Причерноморья. Особенностью ям с заплечиками в Холмском является отсутствие каменных перекрытий.

Тип II — прямоугольная яма с подбоем, встречающаяся только в детских захоронениях (погребения 35, 41, 44).

Подобные захоронения распространены на черняховских могильниках практически на тех же памятниках, что и могилы с заплечиками, но в меньшем количестве. Они обнаружены в Рапжевом, Коблеве, Гавриловке, Викторовке II, Каменке-Анчекрак, Каборге IV, Фурмановке, Будештах, Черняхове, Косанове, Переяславе-Хмельницком, Кантемировке, Каменке.

Тип III — могильная яма с заплечиками и одновременно с подбоем (погребения 13, 54, 56). Эта конструкция представляет чрезвычайно большой интерес, поскольку объединяет две совершенно разные традиции устройства

могильной ямы. В детском погребении 13 в яме с заплечиками сделан подбой, а в погребениях взрослых людей 54 и 56 сооружение заплечиков, судя по их высоте в 5 см, лишь начато. Захоронение же совершено в подбое. Аналогий такому устройству могильной ямы нам не известно.

Тип IV — широкая прямоугольная яма со скругленными углами — форма, обычна для черняховской культуры.

Тип V — овальная яма (погребения 12 и 28) также присуща почти всем черняховским могильникам.

Для всех типов могильных ям характерно скругление углов. Таким образом, по устройству могильных ям Холмский могильник явно входит в круг памятников Степи и южной части Лесостепи.

Положение костяка большинства погребенных совершенно стандартное: вытянутое на спине, руки обычно положены вдоль туловища. Исключение составляет погребение 16, где у погребенного руки были согнуты в локтях и кистями положены к плечам. Это довольно редкая поза. Она известна в могильнике Ромашки⁴⁰. Часто череп повернут лицевой частью в сторону: у погребений с западной ориентацией в пяти случаях — на юг, в двух — на юго-запад; у погребений с северной ориентацией — один раз на восток и один раз на юго-восток. Трудно определить, является такое положение элементом обряда, или же оно возникло вторично.

При изучении черняховских могильников исследователей постоянно привлекает интерпретация особенностей и различий погребений с северной и западной ориентировкой. Нарушение черняховских погребений (в том числе и с кремацией) известно давно. После того как Э. А. Сымоновичем была подробно развита мысль о ритуальном характере разрушения труположений с северной ориентацией⁴¹, вопрос этот рассматривался неоднократно. Ряд исследователей полностью приняли эту

гипотезу⁴². Подробно ее рассматривал Э. А. Рикман⁴³. Он, используя, в частности, результаты антропологических наблюдений, пришел к выводу о том, что выявить разницу между перезахоронением и ограблением невозможно, но характер разрушения могил и вторичного залегания в них костей и инвентаря свидетельствуют, скорее, об ограблении, чем о магическом ритуале. Наблюдения на могильнике Холмское полностью согласуются с этой точкой зрения. Характер нарушения некоторых погребений с северной ориентировкой представляет собой явную попытку ограбления могил. Общая картина залегания костей и испорченного инвентаря такая же, как в ограбленных могилах иных культур: костяки полностью нарушены, поломанные кости и фрагменты сосудов разбросаны в заполнении хаотично. Особенно показательно в этом отношении погребение 36. Хотя у скелета разрушена только верхняя часть, но разбитыми и сдвинутыми оказались также сосуды, стоявшие в ногах. По-видимому, это результат поиска ценных вещей, которые грабители надеялись найти, скорее всего, либо на груди погребенного, либо с инвентарем в ногах. Подобные наблюдения дополняются и ограблением отдельных погребений с западной ориентировкой. В таких случаях грабители выбрали неординарные захоронения, рассчитывая на то, что в них есть ценный инвентарь. Их привлекли погребения 54 и 56. Конструкция могильных ям этих погребений одинакова и можно полагать, что и на поверхности они были оформлены тоже одинаково, но отлично от остальных. К тому же погребение 56, как уже отмечалось, является центральным в могильнике и отличается размерами. Имеется один случай нарушения и обычного погребения с западной ориентацией: в погребении 38 сдвинут череп. Смысл нарушения в данном случае не ясен.

В итоге мы считаем, что на могиль-

нике Холмское следов ритуального разрушения погребений с северной ориентацией не обнаружено, а наблюдается лишь ограбление могил. Следует добавить, что различные нарушения погребений с западной ориентацией встречаются на ряде черняховских могильников: Черняхове⁴⁴, Ранжевом⁴⁵, Переяславе-Хмельницком⁴⁶ (разрушены все погребения с западной ориентировкой) и др.

Характернейшая черта черняховского погребального обряда — помещение в могилу большого количества сосудов, среди которых лепных, как правило, меньше, чем гончарных. Это имеет место и в Холмском могильнике. Здесь два лепных горшка стояли только в погребении 14, а в остальных их было лишь по одному. Часть посуды могла содержать жертвенную пищу. Однако, когда один сосуд ставили в другой, вряд ли она в них находилась. Помещение одного сосуда в другой также характерно. Оно засвидетельствовано во многих черняховских могильниках. Чаще всего сосуды помещали в миски или трехручные вазы. Так, в погребении 9 Лохвицкого могильника миска находилась внутри вазы⁴⁷. В Малаештах⁴⁸ и Гавриловке⁴⁹ отмечены горшки в больших глубоких мисках. Э. А. Рикман полагает вслед за Б. А. Рыбаковым, что миски были ритуальными сосудами⁵⁰. Многократно засвидетельствовано помещение стеклянного или керамического кубка в миску или вазу (например, Малаешты⁵¹, Гавриловка⁵², Тыргшор⁵³, могильник на хуторе Зиновечина⁵⁴). реже — в кувшине. В могильнике Холмское наблюдается такой же обряд. В погребении 14 стеклянный кубок лежал в кувшине, а в погребении 8 в трехручную вазу положена миска.

Очевидно, элементом погребального обряда является присутствие в заполнении могильной ямы древесных углей (погребение 34). Такие отдельные слу-

чай засвидетельствованы на многих черняховских могильниках, и в частности на степных, — Гавриловка⁵⁵, Коблево⁵⁶, Балцаты II, Будешты и Малаешты⁵⁷.

В нескольких погребениях (13, 36, 42) обнаружены кости животных — остатки жертвенного мяса. Примечательна находка в нарушенном захоронении 36 среди костей животного железного ножа. Кости животных, в том числе и с ножом, являющиеся остатками напутственной пищи, известны на многих черняховских могильниках. На степных памятниках это отмечено в Гавриловке⁵⁸, Каборге IV⁵⁹, Ранжевом⁶⁰.

Исключительным элементом погребального обряда является каменная стела, находившаяся в заполнении разрушенного погребения 42. Это обстоятельство и то, что случаев применения стел на черняховских могильниках пока не известно, заставляет, пожалуй, сомневаться в связи стелы с погребением. Однако, хотя прямых аналогий этой стеле нет, все же случай нахождения каменного изваяния известен также в женском погребении 15 на Раковецком могильнике⁶¹. Правда, там каменная фигура совсем иной формы. В мужском погребении 12 на могильнике Ранжевое были найдены две каменные плиты с отверстием⁶².

Погребальный инвентарь следует разделить на две группы. К первой относятся предметы украшения и элементы одежды, не связанные с заупокойным культом. Вторая группа — вещи ритуальные. Они обычные (хотя и не обязательны) в погребениях с северной ориентацией. Из 16 таковых ритуальный инвентарь найден в 7 (погребения 8, 13, 14, 17, 23, 36, 42). Девять остальных его не имеют и это сближает их с погребениями с западной ориентацией, которые, за исключением погребений 51 и 56, тоже ритуального инвентаря не имели. Наличие инвентаря в погребении 56, возможно, связано с осо-

бым статусом погребенного, на который указывает его центральное положение в могильнике. Но даже независимо от этого погребальный инвентарь в захоронениях с западной ориентацией иногда присутствует на черняховских могильниках (например, в Косанове⁶³). Для погребений с западной ориентацией нормой является наличие стеклянного кубка, что имеет место и в Холмском. Следовательно, можно считать, что по наличию и характеру инвентаря в погребениях с западной ориентацией могильник у с. Холмское не отличается от других черняховских памятников.

Основное место в погребальном инвентаре занимает керамика. В столовой сероглиняной посуде в основном представлены миски (рис. 19, 2, 7; 20, 5, 6, 9; 21, 7; 22, 6, 7, 9, 12; 23 3, 5). Формы их обычны для черняховской культуры. Преобладают закрытые. Все миски, за исключением одной, реберчатые, на кольцевых поддонах. Единственным элементом отделки поверхности является лощение и горизонтальные желобки или валики. Найдены две высокие биконические кружки с одной ручкой (рис. 19, 5; 20, 4). Сосуды такого типа исследовались В. И. Карпусовой, пришедшей к выводу об их восточном происхождении и появлении в черняховской культуре под воздействием сарматов (алан). Из исследованной ею серии наиболее близка сосудам из Холмского кружка из Вил Ярузских⁶⁴. Она включена исследовательницей в тип II, который по ее мнению, характерен для юго-западных памятников черняховской культуры. Сосуд из Вил Ярузских В. И. Карпусова считает наиболее поздним и датирует его III—IV вв. В могильнике Холмское найден столовый горшок (рис. 20, 10) и трехручная ваза (рис. 19, 6) с черной поверхностью. Все эти сосуды обычны для черняховского керамического комплекса. Интересен по своей форме гончарный серо-

глиняный кувшин из погребения 14 (рис. 20, 8) с ойнохоевидным горлом и одной ручкой. Это сосуд вытянутых пропорций с яйцевидным корпусом, высоким и широким горлом, очень покатыми плечами, покрытый вертикальным лощением. Кувшины со сливами не характерны для черняховской посуды памятников Лесостепи, но встречаются в юго-западной части ареала культуры в Молдавии (могильник Малаешты)⁶⁵ и на могильниках Румынии. Здесь кувшину из Холмского близки сосуды из Спанцова⁶⁶ и Алте Некропол⁶⁷.

Шероховатая посуда представлена в могильнике Холмское шестью экземплярами горшков: по одному из погребений 23 (рис. 21, 11) и 56 (рис. 22, 8) и по два из погребения 14 (рис. 20, 11, 12) и 36 (рис. 23, 8, 16). От сосуда из погребения 56 найдены лишь обломки стенок и дна. По форме шероховатые горшки делятся на две группы, обычные для черняховских памятников и выделенные В. П. Петровым по материалам могильника у с. Черняхово⁶⁸. Одни сосуды с удлиненным корпусом различаются по форме венчика (горшки из погребений 14 и 36). Вторая группа — шаровидные горшки. У такого горшка из погребения 14 диаметр устья значительно меньше диаметра дна. Венчик округлый, слабо отогнутый. У горшка из погребения 23 венчик горизонтально уплощен, слабо намечена цилиндрическая горловина. У всех сосудов плоское дно и лишь один имеет плитчатый поддон.

В погребениях найдены десять лепных сосудов, из них семь — кухонные горшки. Четыре сосуда относительно однотипны по форме. Они происходят из погребений 8 (рис. 19, 8, 9), 13 (рис. 23, 7) и 17 (рис. 22, 13). Это яйцевидные тонкостенные горшки с наибольшим расширением в верхней части тулова. Короткая горловина резко отогнута наружу. Дно во всех случаях, кроме одного, выделено в профиле. Его

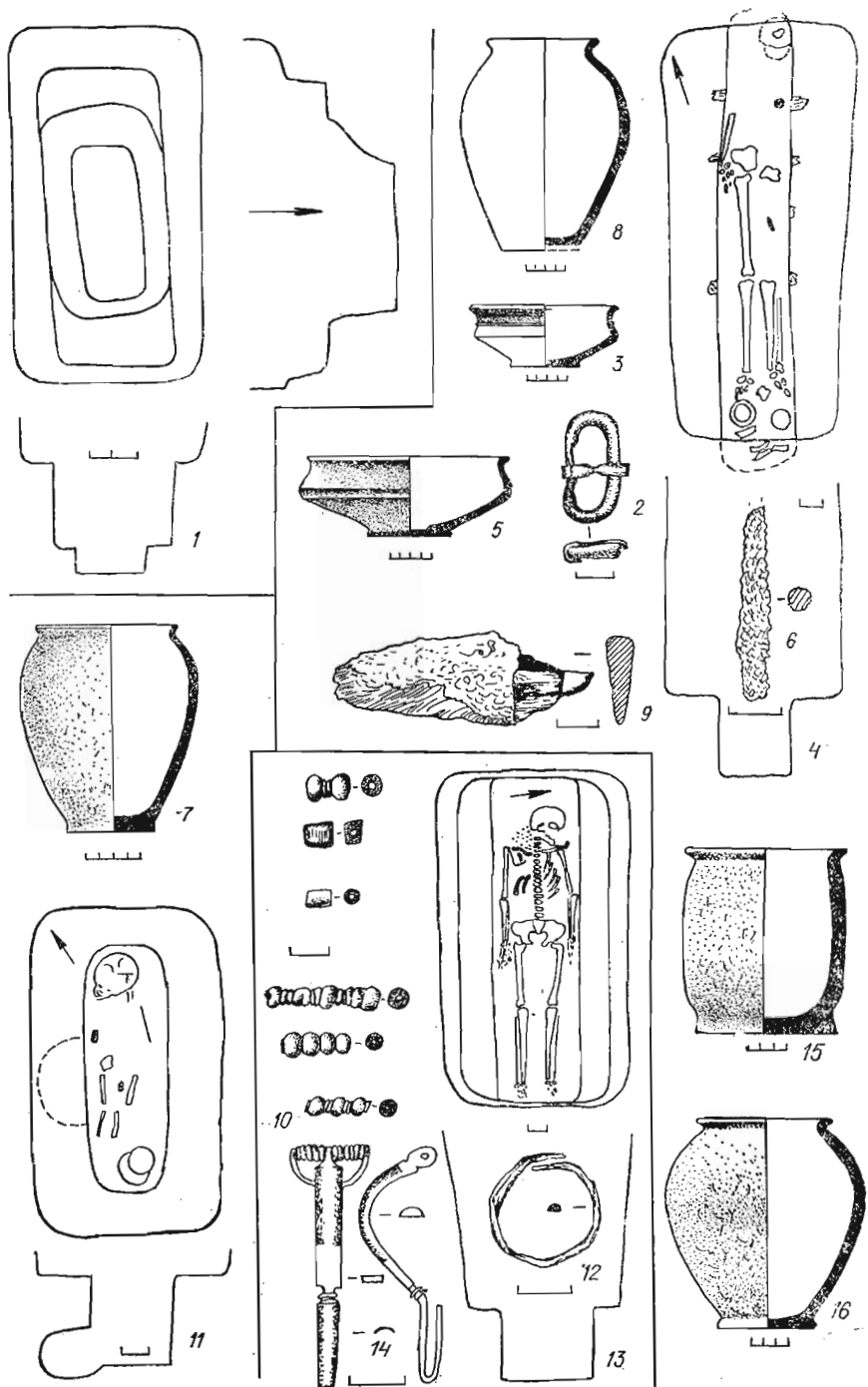

Рис. 23. Черняховский могильник у с. Холмское:
 1 — погребение 49; 2—6, 8, 9, 15, 16 — погребение 36; 7, 11 — погребение 13; 10, 12—14 — погребение 50.

диаметр заметно меньше диаметра устья. На наш взгляд, все эти признаки в той или иной мере присущи лепным горшкам позднесарматских погребений Северного Причерноморья, а также поселений Буджака первых веков нашей эры (Волчья Балка, Холмское II и др.). Эти сосуды соответствуют виду Д типа I по классификации Э. А. Рикмана для памятников Днестровско-Прутского междуречья⁶⁹. Лепные горшки такой формы известны и на черняховских поселениях Румынии: Индепенденца⁷⁰, Алте Некропол⁷¹, Тыргшор⁷².

Совсем иной облик у толстостенного сосуда в форме банки (рис. 23, 15) из погребения 14. С первой группой сосудов его объединяет короткая, резко отогнутая наружу горловина. Тесто сосуда чрезвычайно грубое, рыхлое, комковатое, с большим содержанием шамота. Поверхность бугристая. Баночные сосуды, подобные описанному, редки на памятниках черняховской культуры и встречаются в юго-западной части ее ареала. Сходные формы происходят из могильников Кobleво⁷³, Тыргшор⁷⁴ и Пятреаселе⁷⁵.

Так же особняком стоит горшок из погребения 23 (рис. 21, 14). Как и у всех остальных сосудов, у него короткая, расходящаяся сверху горловина. Однако резко выделенные плечи расположены высоко. Диаметр дна почти равен диаметру венчика. Дно не выделено. Тесто грубое, рыхлое. Сосуды этой формы встречаются не очень часто. Подобные горшки происходят и из могильников Румынии (например, Тыргшор⁷⁶). Г. Ф. Никитина выделила такие сосуды в тип II и отметила, что они распространены в западной части черняховского ареала⁷⁷.

Сравнительно мало распространенную форму сосуда представляет обломок верхней части лепного горшка из детского погребения 17 с сужающейся сверху горловиной (рис. 22, 15). Его принадлежность погребению по усло-

виям находки может вызывать сомнения. Особую группу составляют миниатюрные сосудики из детского погребения 17: полусферическая мисочка (рис. 22, 10) и два горшочка (рис. 22, 2, 3), которые упрощенно повторяют наиболее массовую форму сосудов. Обычай класть в детские погребения миниатюрные сосуды, являвшиеся то ли детской посудой, то ли игрушками, засвидетельствован на некоторых черняховских могильниках (Волосово⁷⁸, Раковец⁷⁹).

В целом серия лепных сосудов из могильника недостаточна для заключения о происхождении представленных форм. Каждый сосуд достаточно индивидуален. Поэтому пока можно сделать только некоторые предварительные наблюдения. Основная масса аналогий сосудам из Холмского происходит со степных памятников (включая Нижнее Поднепровье⁸⁰) и территории Румынии.

По материалу к керамическим изделиям относятся пряслица из стенок амфор. Их найдено два. Такие пряслица встречаются в черняховских захоронениях и тяготеют к южной части ареала культуры, поскольку амфорный бой был здесь обычным явлением.

В могильнике найдено шесть бронзовых фибул. Все они двучленные, прогнутые, подвязные. Три из них, происходящие из погребений 17 (рис. 22, 5), 30 (рис. 21, 15) и одна из 50 (рис. 23, 14), составляют одну группу. При этом фибулы из погребений 30 и 50 идентичны, а фибула из погребения 17 отличается асимметричным профилем. Тем не менее все три, скорее всего, следует отнести по А. К. Амброзу к варианту, который он датирует IV в. н. э.⁸¹ Такие фибулы представлены, в частности, и на южных памятниках (Гавриловка⁸², Кobleво⁸³). Три другие фибулы с пластинчатым корпусом — две из погребения 19 (рис. 21, 3, 4) и одна из погребения 50 — формально объединяются во вторую группу. Фибулы из погребения

ния 19 идентичны и отличаются от фибулы, из погребения 50 размерами, формой спинки и деталями декора. Однако все три следует отнести к варианту 3 того же типа (по А. К. Амброзу). Они также датируются IV в. н. э.⁸⁴ Фибулы из погребения 19 находят очень близкие аналогии на смежной территории в могильниках Индепенденца и Изворул⁸⁵.

Две бронзовые овалынные пряжки найдены в погребениях 14 (рис. 20, 3) и 36 (рис. 23, 2). Они однотипные литые, овалынные, рамка круглая в сечении с утолщением в передней части. Такие пряжки — обычная находка на черняховских могильниках. Они варьируют в деталях. Наиболее близкие найденным в Холмском происходят из Малаешт⁸⁶.

Бронзовое кольцо (рис. 23, 12) из погребения 50 из полукруглой в сечении проволоки принадлежит к числу изделий, длительно существовавших в первой половине I тысячелетия н. э., в том числе и в IV в. Они — обычная находка в некрополе Каллатиса⁸⁷ и бытовали там в IV в., может быть, начале V в. В склепе 5 (31) Инкерманского могильника такое кольцо найдено с монетой Феодосия I (379—395 гг.)⁸⁸.

Серебряные изделия представлены одной поясной пряжкой (рис. 20, 7) из погребения 14. В целом их находки редки на черняховских памятниках. Такая пряжка вместе с гребнем IV в. найдены в погребении 6 могильника Балцаты⁸⁹, а также в могильнике IV в. Спанцов⁹⁰. Пряжка подобного типа обнаружена в Инкерманском могильнике⁹¹.

Железные изделия представлены двумя овалынными поясными пряжками из погребений 8 (рис. 19, 3) и 25 (рис. 20, 18), ланцетовидным ножом с деревянной рукояткой (рис. 23, 9) из погребения 36, обломками шильев (рис. 23, 6) из погребений 8, 32, 33, 36, 53. Кроме того, в погребении 8 обнаружены остатки железного изделия (рис. 19, 4),

трудно поддающиеся определению. Возможно, это был ключ. Железные поясные пряжки известны на многих черняховских могильниках, но массивные удлиненно-овалынные, подобные найденным в Холмском, встречаются редко. Их находки тяготеют к Причерноморью и Подунавью. Такая пряжка найдена в некрополе Танаиса в погребении IV в.⁹² и в погребении 12 черняховского могильника Каборга IV⁹³. В Румынии такие пряжки обнаружены в черняховском могильнике Алте Некропол⁹⁴ и в некрополе Каллатиса⁹⁵, где они датируются не ранее середины IV в. Все аналогии указывают, что эти пряжки датируются, видимо, не ранее IV в. н. э.

Ланцетовидные железные ножи встречаются в погребениях первой половины I тысячелетия н. э. как у сарматов, так и на черняховских памятниках (например, Балцаты⁹⁶). Железные шильца — распространенная находка на различных памятниках этого же времени⁹⁷, в том числе и на черняховских⁹⁸.

Изделия из стекла немногочисленны: кубки и бусы. Кубки представлены двумя формами. Конический тонкостенный кубок из коричневого стекла сохранился только в нижней части (рис. 20, 2). Находки конических стеклянных кубков — явление распространенное. Наиболее близкие по типу тонкостенные кубки происходят из могильника у с. Данилова Балка, датирующегося по монете Констанция II концом IV—V в. н. э.⁹⁹, из могильников у овчарни совхоза Приднепровского¹⁰⁰, Малаешт¹⁰¹ и Журавки¹⁰². Э. А. Сымонович датирует малаештский и журавский кубки по аналогичному им кубку из Керченского некрополя концом IV в. н. э.¹⁰³ Территориально более близкие находки конических тонкостенных кубков обнаружены в Ранжевском могильнике, датирующемся второй половиной IV — началом V в. н. э.¹⁰⁴ и в могильнике Тыргшор, черняховские погребе-

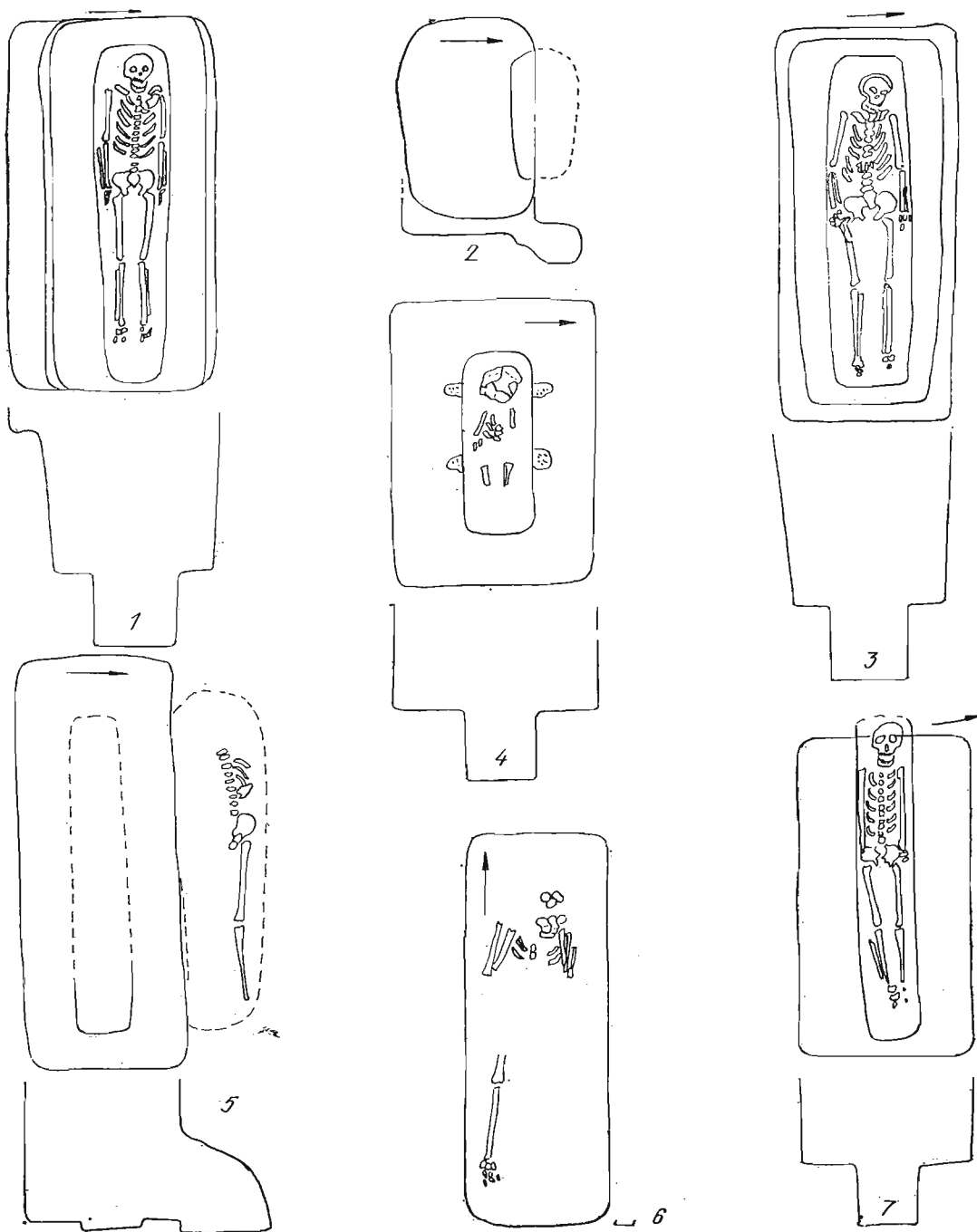

Рис. 24. Черняховский могильник у с. Холмское:

1 — погребение 53; 2 — погребение 41; 3 — погребение 47; 4 — погребение 37; 5 — погребение 54; 6 — погребение 16; 7 — погребение 48.

ния которого относятся к IV в. н. э. В отличие от кубка из Холмского все аналогии ему изготовлены из зеленоватого стекла. Приведенные факты показывают, что конические тонкостенные кубки найдены в могильниках IV в. н. э. Э. А. Сымонович считает возможным сузить дату этих кубков до конца IV — начала V в.¹⁰⁵

Другой стеклянный сосуд из Холмского могильника также изготовлен из коричневого стекла. Это тюльпановидный кубок на короткой ножке с маленькой неустойчивой подставкой (рис. 24, 1). На стенках три рельефных овала, занимающие почти всю поверхность корпуса сосуда. Аналогичный по форме кубок из прозрачного зеленоватого стекла найден в могильнике Извоар, датирующемся в целом IV в. н. э.¹⁰⁶ В этом погребении среди инвентаря был и гребень так называемого дунайского варианта типа III трехчастных гребней (по С. Томасу), датирующихся по находкам в Западной Европе второй половиной IV — первой половиной V в. н. э.¹⁰⁷ Такие гребни, по классификации Г. Ф. Никитиной, относятся к типу III и по находкам на памятниках черняховской культуры локализируются в пределах IV в. н. э.¹⁰⁸ Таким образом, эти кубки бытуют с гребнями IV в. или второй половины его. Кубки такой же формы, но с овалами меньших размеров, опущенными ниже и с дополнительной орнаментацией, происходят из могильников IV в. н. э. Алте Некропол и Индепенденца¹⁰⁹. По-видимому, наш кубок следует датировать IV в. н. э., а находка в могильнике Извоар позволяет отнести его ко второй половине IV в. н. э. Есть мнение, что существование таких кубков продолжается и в начале V в.¹¹⁰

Все бусы, найденные на могильнике, стеклянные. Набор их форм весьма ограничен: многочастные разных модификаций (рис. 20, 15; 22, 4; 23, 10), довольно крупные шаровидные (рис. 20,

16, 17), мелкие чечевицевидные, все только синего цвета (рис. 20, 16, 17), цилиндрические (рис. 20, 14), бочонковидные (рис. 19, 10), четырнадцатигранные, неправильно прямоугольные (рис. 23, 10). Одиночные шаровидные часто встречаются в сочетании с мелкими дисковидными. Только в одном погребении 50 присутствовало целое ожерелье, в остальных случаях в захоронениях находилось лишь по несколько бусин. Многочастные бусы относятся, по Е. М. Алексеевой, к типу 203 — одноцветных стеклянных бус, датирующихся III—IV вв. н. э.¹¹¹ Синие чечевицевидные бусы принадлежат к типу 86 и датируются так же¹¹². Четырнадцатигранные стеклянные бусы встречаются на черняховских памятниках изредка. Они известны на памятниках других культур первой половины I тысячелетия н. э. и датируются широко¹¹³. В целом все бусы из могильника обычны для памятников черняховской культуры.

Находки изделий из кости представляют только фрагменты гребней (рис. 20, 13; 24, 6), обнаруженных в трех захоронениях. Один из них принадлежит трехчастному гребню с дуговидной в средней части спинкой (тип 3, по Г. Ф. Никитиной), датирующемся IV в. н. э. Другие обломки мало выразительны.

На могильнике найдено единственное изделие из раковины — подвеска (рис. 19, 11). Сохранился только ее фрагмент с отверстием для металлического кольца. Такие подвески обычны во всем ареале черняховской культуры: и на южных памятниках, и в лесостепи¹¹⁴.

Определение времени существования Холмского могильника базируется, с одной стороны, на датирующих возможностях инвентаря, а с другой — на основе некоторых наблюдений над его структурой и погребальным обрядом. Все шесть фибул датируются в преде-

лах IV в. К тому времени относится и костяной гребень. Тюльпановидный кубок тяготеет ко второй половине IV — началу V в. Это согласуется с датировкой тонкостенного конического кубка, который тоже относится ко второй половине IV — началу V в. Стекланные кубки этого времени обычно изготавливались из прозрачного зеленоватого стекла. Оба описываемые сделаны из полупрозрачного коричневатого. Редкость применения такого стекла, возможно, указывает на принадлежность обоих сосудов к немногочисленной серии, вышедшей из одной мастерской. Серебряная овальная пряжка с округло-овальной двущитковой обоймой, скрепленной тремя заклепками, найдена в погребении 14 Холмского могильника вместе с костяным гребнем IV в. н. э. В могильнике Балцаты пряжка этого типа также обнаружена в сочетании с таким же гребнем. Группа однотипных пряжек датируется в Инкерманском могильнике совместной находкой с монетой IV в. н. э.¹¹⁵ Такие пряжки с подобной обоймой, как у экземпляра из Холмского, известны и в более позднее время¹¹⁶.

Существует мнение, что ориентированные на запад погребения являются более поздними по сравнению с погребениями, имеющими северную ориентацию¹¹⁷. Исходя из этого, преобладание в могильнике западных погребений указывает на поздний характер памятника. И если учесть, что весьма поздний конический кубок найден в более раннем северном погребении, то получится, что погребения с западной ориентацией совершены не ранее второй половины IV в. Поскольку в погребениях и с северной, и с западной ориентацией найдены близкие по времени кубки, то, надо думать, хронологический разрыв между теми и другими невелик. Могильник Холмское по большинству признаков аналогичен другим погребальным памятникам черняховской куль-

туры. К таким признакам относятся наличие в погребальном обряде двух типов ориентации; характер и распределение погребального инвентаря (в частности, обилие инвентаря в погребениях с северной ориентацией); особенности планировки могильника (обычная нечеткость территориального распределения могил с разной ориентацией); наличие погребения «вождя». Совпадают с другими черняховскими могильниками и некоторые детали: обнаружение стеклянного кубка, как обычно, в погребении с западной ориентацией; установка сосудов один в другой; наличие в единичных погребениях древесных уголков и жертвенного мяса; миниатюрные сосуды в детском погребении.

Отсутствие биритуализма на могильнике, рассматриваемого рядом исследователей как проявление неоднородности черняховского субстрата, создает представление об этническом единстве оставившего его населения. А совокупность сарматских элементов в погребальном обряде указывает, что это единство возникло на базе сарматской подосновы. Представление о большой роли сарматов в сложении черняховской погребальной обрядности и о прямом участии сарматов в формировании черняховской культуры возникло уже давно¹¹⁸. Г. Б. Федоров связал появление обряда ингумации с воздействием сарматов¹¹⁹. Эта точка зрения не была принята Э. А. Сымоновичем¹²⁰. В последние годы представление о большой роли сарматов в сложении черняховской культуры в Причерноморье, в частности погребального обряда, подробно разрабатывалось в исследованиях В. Д. Барана¹²¹, В. В. Седова¹²² и Б. В. Магомедова¹²³. Материалы могильника у с. Холмское вполне согласуются с этими представлениями, поскольку здесь ярко проявились черты сарматского погребального обряда. Прежде всего это ингумация как единственная форма захоронения. Все типы погребальных сооружений —

прямоугольные ямы, ямы с заплечиками и перекрытием, ямы с подбоями — восходят к сарматским обычаям. Связи с сарматами проявляются и в лепной керамике. Формы горшков базируются в определенной мере на сарматских прототипах (в частности, приведенных выше), впитавших скифскую керамическую традицию. Однако процесс усвоения этих форм был не прямолинеен и

осложнялся еще иными влияниями, требующими специального изучения. Такие элементы ритуала, как жертвенное мясо с ножом и присутствие угольков в заполнении могилы, также считаются сарматским признаком. Все эти характерные черты Холмского могильника в разной мере представлены на многих погребальных памятниках черняховской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы и сведения о древностях первой половины I тысячелетия н. э. в степях на крайнем юго-западе Украинской ССР, накопленные к настоящему времени, позволяют углубить изучение этнических процессов в этом регионе. Кроме памятников сарматов и носителей черняховской культуры, здесь известны неоднородные поселения земледельческого населения (Молога II, Волчья Балка, Холмское II, Чишмикиой I и II, Этулия X и др.). На материале всех этих памятников можно наметить пути развития населения в нижнедунайских степях в это время. Для некоторых (Молога II) очевидна их синхронность с кочевыми сарматами. Другие (Этулия X и Чишмикиой I) датируются III — началом IV в. н. э.¹ Для большинства этих памятников четко определить хронологические рамки их существования в пределах первых веков нашей эры пока затруднительно. Можно лишь утверждать, исходя из находок обломков амфор, что материалов рубежа эр и начала I в. н. э. на них не обнаружено. В целом все они по времени предшествуют появлению в степях Буджака черняховских памятников.

Публикуемые здесь сарматские погребальные памятники свидетельствуют о нескольких этапах проникновения сарматов в этот район. О первом мы пока располагаем чрезвычайно ограниченными данными — единственным подкурганном погребением 4 из могильника Холмское, относящимся к I в. до н. э. Этому погребению явно присущи черты среднесарматского периода с особенностями, свойственными памятникам восточных сарматов. Таковыми являются южная ориентация, меловая подсыпка в могиле, разрисовка лица погребенного красной краской. Все это свидетельствует, что в то время еще не начался процесс утери сарматами, расселявшимися на запад, исконных черт их погребального обряда. Однако на

материалах одного погребения невозможно дать характеристику первых прорвавшихся на Нижний Дунай сарматов. Захоронение, скорее всего, принадлежит тем сарматам, которые по свидетельству древних авторов, в конце I в. до н. э. начали вторгаться во Фракию². В Пруто-Днестровском междуречье тоже нет массового археологического проявления сарматов рубежа эр и первой половины I в. н. э. Здесь известны лишь погребения в Островце и Безенах³. Видимо, первая волна сарматов в этих местах прокатилась с чрезвычайной быстротой, либо была крайне малочисленной. Причины именно такого характера первого проникновения сарматов в низовья Дуная надо искать на более восточных территориях, в частности во взаимоотношениях сарматов и поздних скифов в степях Нижнего Поднепровья.

Поскольку в степях Северо-Западного Причерноморья нет сарматских памятников рубежа эр, можно полагать, что первые попавшие сюда сарматы не стали постоянными обитателями этого района, следовательно, не могли быть генетической подосновой более позднего населения первых веков нашей эры.

Заселение сарматами степей Нижнего Подунавья как зоны постоянного обитания происходит в первых веках нашей эры. На это указывает относительная многочисленность их погребений этого времени. Они делятся по погребальному обряду на три группы: впускные в курганы предшествующих эпох, грунтовые могильники и подкурганые захоронения. За этим, казалось бы, чисто формальным разграничением стоят реально существовавшие различия. Впускные погребения совершались в прямоугольных со скругленными углами или в узких овальных ямах. Погребенные ориентированы головой на север с отклонением в основном на северо-восток. Погребальный инвентарь немногочислен и беден. Из

керамических изделий иногда попадались либо сероглиняный кувшин, либо лепной горшок, реже — краснолаковая посуда. Среди лепных сосудов преобладают горшки с цилиндрическим горлом. Этот элемент характерен еще для прохоровского времени. Наряду со столь традиционной округлой формой корпуса бытуют горшки вытянутых пропорций. В целом воздействие местной (причерноморской) традиции проявляется слабо. Судя по бедности инвентаря, впускные погребения принадлежат рядовому населению. Они датируются I—II вв. н. э. Материалы III в. н. э. отсутствуют. Причины распространения впускных погребений в указанное время, а также их взаимосвязь с более поздними курганными и грунтовыми захоронениями предстоит выяснить. Однако уже сейчас очевидна их хронологическая обособленность.

Другой группой сарматских погребений являются подкурганые захоронения в отдельно расположенных курганах. Иногда в одном месте сосредотачивается несколько курганных насыпей. Их принадлежность кочевническому населению не вызывает сомнений. В этой группе ярко выражено единство социальной принадлежности погребенных. Курганы у сел Шаболат, Катаржа, Семеновка, Белолесье, Нагорное, Каланчак, Корпач, станции Дзинилор и на р. Дракуля принадлежат знати. Это явствует прежде всего из масштабности, а часто и сложности погребальных сооружений. Чаще всего курганы хорошо выражены в рельефе. Во многих случаях удалось зафиксировать большие четырехугольные рвы, окружавшие погребения, а также внекурганые рвы возле курганов. Размеры первых рвов в плане всегда значительные и иногда превышают границы курганных насыпей. Кроме того, большинство могил отличаются глубиной (до 3 м и более) и размерами в плане. Отмечается сложность ритуала и наличие отдельных

индивидуальных черт его во многих захоронениях. Так, в Семеновском могильнике сооружение кургана 3 совершалось особым способом и в несколько приемов⁴. В два приема сооружалась насыпь и в кургане 1 возле Нагорного. В кургане 4 у Семеновки⁵ и кургане 9 у Нагорного имелись сложные деревянные (с использованием разных материалов) перекрытия на заплечиках, а в кургане возле с. Белолесье отмечены заплечики шириной до 1 м⁶. Совершенно индивидуальны каменная крепида в нагорнянском кургане 1 и подкурган-ный ров в кургане 2. В кургане на р. Дракуля — длительный погребальный обряд, а ров отличается глубиной. Погребения знати иногда сопровождаются расположенными вблизи от кургана прямоугольными рвами (Дзинилор, Нагорное. Каланчак). Для этих захоронений характерно богатство инвентаря. В нем присутствуют изделия из драгоценных металлов и стеклянные сосуды (кубки).

В подкурганых погребениях ярко выражены типичные черты сарматского погребального обряда, хорошо известные в более раннее время у сарматов Приуралья, Поволжья и Северного Кавказа, но слабо проявляющиеся во впускных и грунтовых позднесарматских погребениях на западе. Характерен огненный обряд. В семеновском кургане 3 следы огня отмечены не только в могильной яме (россыпь угольков на дне и сгоревшее перекрытие). Здесь была специально обожжена утрамбованная площадка, на которой насыпан курган⁷. В кургане 9 возле Нагорного погребенный был положен на толстый слой глеющих углей. Применение мела в погребальном ритуале отмечено в некоторых захоронениях: в семеновских курганах 3 и 4 (четырехслойная меловая обмазка на заплечиках)⁸, в Нагорном в кургане 2 (кусочки мела). Характерна находка раковин (Нагорное, курган 2). В погребениях

знати почти все сохранившиеся черепа искусственно деформированы. Наличие восточных черт наблюдается в инвентаре. Его обычной составной частью в погребениях знатных воинов является конская сбруя, ни разу не обнаруженная во впускных захоронениях.

Могильники Холмское, Старые Кукошты I и II, Алияга представляют своеобразную группу сарматских древностей. Прежде всего следует отметить их синхронность. Могильник у с. Холмское относится к концу II — середине III в. н. э. Нет оснований датировать иначе и могильник Алияга. Старые Кукошты I и II, на наш взгляд, относятся к тому же времени⁹. Все могильники объединяет одинаковый и достаточно сложный погребальный ритуал, в котором определенную роль играли прямоугольные ровики вокруг погребений и большие прямоугольные рвы на территории могильника. Эта особенность погребального обряда, как уже было указано, присуща и подкурганым погребениям, относящимся к тому же времени. На основании этих наблюдений возникает необходимость сопоставления обеих групп памятников. В каждой группе захоронения совершались в прямоугольных ямах с заплечиками или без них. Погребальный инвентарь сходен по типам изделий, особенно надо отметить фибулы, пряжки с утолщенным передним краем, оконцовки ремней, бусы. С обычной для подкурганых захоронений конской сбруей перекликаются обломки железных изделий из погребения 14 в Холмском.

Наряду со сходствами фиксируются различия могильников и подкурганых погребений. Ровики, окружающие погребения в Холмском и Алияге, выглядят миниатюрными по сравнению с впечатляющими подкургаными рвами. Также различается глубина могил (в среднем 1,5 м в могильниках и до

3 м в подкурганных захоронениях) и их размеры. Кроме того, погребальный ритуал подкурганных погребений более сложен и индивидуален, а в могильниках — стереотипен. Одни и те же вещи (пряжки, оконцовки поясов и пр.) в могильниках сделаны из бронзы или железа, а в подкурганных погребениях из серебра. В последних инвентарь в целом явно богаче. Только в подкурган-ных захоронениях почти во всех случаях отмечена искусственная деформация черепов погребенных.

Очевидно, исходя из всего этого, следует сделать вывод о том, что различия подкурганных захоронений и могильников типа Холмского отражают разницу в социальном статусе погребенных. Погребения в отдельных курганах принадлежат знати, а в могильниках — рядовому населению. И те, и другие относятся, однако, к одной этно-племенной группе сарматов.

Это утверждение может показаться неправомерным, поскольку, на первый взгляд, могильники типа Холмское воспринимаются как грунтовые и потому принадлежащие оседлому или оседающему населению, а подкурганные погребения явно оставлены кочевниками. Однако определение этих могильников как грунтовых требует определенной осторожности. В полевой практике этот вопрос не всегда решается легко. Небольшие курганы в настоящее время часто полностью сглажены пахотой. В результате само по себе отсутствие курганных насыпей еще не свидетельствует о грунтовом характере могильника. В публикациях не всегда специально аргументируется грунтовой характер погребений, хотя на этом признаке базируется важное утверждение об оседании кочевников.

Могильники Старые Куконешты I и II исследовавший их В. А. Дергачев считает грунтовыми. Здесь действительно отсутствуют курганные насыпи. В. А. Дергачев полагает, что светлые

пятна, на которых найдены погребения, возникли в результате распахки могильных холмиков из материковой глины¹⁰. Однако эти светлые пятна в такой же мере можно рассматривать и как результат распахки курганных насыпей. Сейчас именно так выглядят бывшие первоначально небольшими насыпи курганов самых разных эпох. И обычно сомнений в курганном характере обнаруживаемых в этих светлых пятнах захоронений не возникает. Нужны дополнительные веские признаки для определения характера сарматского могильника. В могильниках Холмское и Алияга погребения окружены ровиками. Уже отмечалось, что такие сооружения — атрибут подкурган-ных захоронений. Полагаем, что подкурган-ные рвы, ограждавшие погребения, применялись чаще, чем удается их фиксировать, поскольку на могильниках с полностью распаханными насыпями ровики могли быть мелкими и их сохранность в конкретном случае зависит от глубины пахоты. Возможно, они имелись и в могильниках Старые Куконешты I и II, но оказались полностью уничтоженными распахкой. В. А. Дергачев хотя и считает эти могильники грунтовыми, однако логика материала заставляет его принять за единицу не отдельное погребение, а «пятно», в котором часто находилось два захоронения¹¹. Отсюда один шаг до понимания пятна как кургана с основным и впускным погребением.

Однако вряд ли следует полностью игнорировать отсутствие в Холмском и на других подобных могильниках курганных насыпей. Особенно в этом отношении показателен могильник Алияга, где систематической распахки не могло быть. Вполне допустимо, что при совершении погребений рядового населения ограничивались только сооружением прямоугольного рва вокруг могилы. При этом ров должен был символизировать подкурган-ный обряд. Самой же

насыпи не было. В этом случае погребения сближались с грунтовыми. Не исключено, что над погребениями могли быть и незначительные, скорее символические насыпи, а в отдельных случаях и небольшие курганы. На распаханых полях выяснить эти детали очень трудно.

Можно сделать вывод, что могильники типа Холмское в целом повторяют модель курганного погребального обряда кочевнической знати, для которой сооружались отдельные курганы в степи. Независимо от размеров курганной насыпи (ее наличия или степени сохранности) эта модель отражается в наличии окружающего погребение ровика и ритуального рва на могильнике. Таким образом, подкурганные погребения знати и могильники рядового населения принадлежат одной группе кочевого сарматского населения. Небольшой курган над рядовым погребением или только имитация подкурганного обряда в виде «подкурганного» рва одинаково противостояли в социальном отношении подкурганным погребениям знати.

Таким образом, погребения в могильниках типа Холмское принадлежали рядовому кочевническому населению. При изучении грунтовых сарматских могильников исследователи уже не раз сталкивались с вопросом с каким населением их связывать — с кочевым или оседлым. Удовлетворительного ответа не дано и по сей день. Традиционно курганные погребения считаются кочевническими. Однако М. И. Вязьмитина по поводу сосредоточения в одном месте (на р. Молочной) значительного количества небольших сарматских курганов высказала мнение, что оставившее их население было в какой-то степени оседлым¹². В то же время археологически установлено, что сарматы-кочевники имели «традиционные центры своих родо-племенных кладбищ», существовавшие в одном месте на протяжении сотен лет.

Такие центры изучены в Нижнем Поволжье и в междуречье Дона и Волги¹³. Следовательно, возникновение у сарматов традиционных мест курганных погребений само по себе не является признаком оседлости. Понимание грунтовых могильников в этом аспекте оказывалось сложнее. Г. Б. Федоров, исследуя Боканский грунтовой могильник, рядом с которым находилось поселение, связал могильник с оседлыми земледельцами — обитателями этого поселения¹⁴. Та же мысль была им повторена по поводу степного грунтового могильника Криничное, также соседствующего с поселением¹⁵. Э. А. Рикман предположительно включил в число позднесарматских памятников селища на территории Молдавии и Румынии¹⁶. Им разрабатывается идея о принадлежности грунтовых могильников обитателям расположенных рядом селищ земледельцев¹⁷. Такая точка зрения получила некоторое распространение¹⁸. Вместе с тем есть и более осторожный подход к истолкованию грунтовых сарматских могильников. Их появление на Правобережье лесостепного Поднепровья (Калантаево) и в Среднем Поднестровье М. И. Вязьмитина трактует лишь как отражение «процесса ассимиляции сарматов с местными оседлыми племенами»¹⁹. Все это требует специального рассмотрения.

Материалы некоторых поселений, связываемых с сарматами, имеют вполне черняховский облик. Судя по описанию Г. Б. Федорова, керамика Боканского поселения является черняховской, что отмечает и он сам²⁰. Э. А. Рикман характеризует керамику предполагаемых сарматских поселений как вполне черняховскую²¹. Очень показательны материалы селища Трушешти. Раскапывавшая этот памятник М. Петреску-Дымбовица определила его как черняховский²² и лишь ставила вопрос о возможности его связи с расположенным поблизости сарматским грунтовым

могильником. Однако Э. А. Рикман считает возможным трактовать их как единый комплекс²³. На наш взгляд, для этого нет оснований. Их территориальная близость есть результат насыщенности местности различными памятниками первой половины I тысячелетия н. э. Сходная ситуация наблюдается на могильниках Холмское и Алияга. Возле сарматского могильника у с. Холмское находится поселение Холмское III. Рядом с сарматским могильником Алияга — черняховское поселение Главаны I. Ни в одном из этих случаев материал не позволяет связать сарматский могильник и черняховское поселение, тем более, что возле Холмского III находится принадлежащий ему могильник черняховской культуры.

Сложней решить вопрос о возможности связи сарматских могильников и расположенных рядом с ними поселений первых веков нашей эры. Такая ситуация отмечена в Холмском (рис. 4) и в Главанах. Подобное же явление зафиксировано Г. Б. Федоровым в Криничном. Сейчас недостаточно материала для решения вопроса о хронологическом соотношении в пределах II—III вв. н. э. этих двух категорий памятников. Пока наиболее плодотворным оказывается сравнение их керамики. На могильниках Холмское, Старые Куконешты I и II, в погребениях у с. Огородное и станции Дзинилор, в кургане у с. Корпач²⁴ в формах сосудов наблюдается смешение двух разных традиций: собственно сарматской и скифской, появившейся в результате усвоения сарматами местных (причерноморских) элементов. В одних находках скифоидные признаки преобладают, что проявилось в форме высоких отогнутых венчиков, резком сужении корпуса ко дну. В других — такие признаки выражены слабее. В целом наблюдается вариабильность одного и того же типа сосуда. Что касается поселений, то здесь такие черты, как горловина в ви-

де раструба, выделенные крутые плечики и резко сужающийся ко дну корпус становятся господствующими. Форма лепных горшков весьма стереотипна. На могильниках не представлены наиболее типичные лепные сосуды поселений. Правда, это может быть связано со специфическим подбором посуды, которую клали в погребения. Все же определенное различие лепной керамики могильников и поселений заставляет пока воздержаться от утверждения об их прямой связи. Независимо от решения этого вопроса нельзя отрицать самой возможности существования в Буджаке мест обитания оседавших на землю в первых веках нашей эры сарматов. Однако их выделение является особой задачей и требует специального аргументирования, более убедительного, чем расположение поселения и могильника рядом.

Итогом анализа публикуемых сарматских памятников можно считать выделение трех их групп: наиболее раннее погребения I в. до н. э. у с. Холмское, впускных погребений I—II вв. н. э. и отдельных курганов и могильников второй половины (конца) II—III в. н. э. Этим не исчерпывается все многообразие позднесарматских древностей в низовьях Дуная и междуречье Днестра и Прута.

Исключительный интерес при изучении сарматских памятников II—III вв. н. э. представляет свойственный им обычай окружать погребения ровиками, а рядом с ними располагать культовые четырехугольные рвы (засвидетельствовано 11 случаев). На значительной территории междуречья Днестра и Прута, начиная с севера Молдавии и вплоть до низовьев Дуная, указанный элемент погребального ритуала является господствующим для этого времени. Массовое обнаружение таких памятников на рассматриваемой территории в последние годы, безусловно, указывает, с одной стороны, на куль-

турное единство оставившего их населения, а с другой — на существование у него устойчивой традиции, которая должна иметь древние истоки. И хотя интерпретация этого явления затрудняется отсутствием таких памятников в Северном Причерноморье, тем не менее трудно его считать в сарматском мире инновацией. Поиски истоков этого элемента погребального обряда уводят далеко на восток (а не на запад, в кельтский мир²⁵).

В 1963 г. Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская подробно обследовали открытый ранее С. П. Толстовым курганный могильник первой половины I тысячелетия н. э. на возвышенности Чаш-Тепе в Ташаузской области Туркменской ССР²⁶. Подкурганные погребения здесь сопровождаются прямоугольными земляными сооружениями. Прямоугольные рвы обнаружены под курганными насыпями. И те, и другие имеют проходы, один или два. Исследователи трактуют эти сооружения, исходя из древнеиранских представлений, как связанные с заупокойным культом и призванные охранять душу умершего от темных сил. Исследователи Чаш-Тепе видят ближайшие аналогии исследованным сооружениям на многих более ранних курганах Сыр-Дарьинской дельты (Тагискен, Сенгир-там и др.²⁷). Весьма сходные сооружения обнаружены и на савромато-сарматских памятниках южного Приуралья²⁸.

Изучение в Буджаке сарматских и черняховских древностей ставит вопрос о хронологическом и генетическом взаимоотношениях оставивших их групп населения. Э. А. Сымонович и Н. М. Кравченко, исследовавшие черняховские поселения возле сел Приморское и Нерушай, датировали их III—IV вв. н. э.²⁹ Такое хронологическое определение дает возможность предполагать синхронность части сарматских захоронений и некоторых черняховских поселений. В то же время

ряд раскапывавшихся нами памятников свидетельствует, что между сарматским и черняховским могильниками возле Холмского существует разрыв в несколько десятилетий. Сарматский могильник не может быть датирован позднее конца III в., а черняховский — ранее середины IV в. Наиболее поздние сарматские памятники — подкурганные захоронения — относятся ко второй половине III в. и, может быть, только к началу IV в. Но и они оказываются более ранними, чем черняховские поселения. Особенно выразительны в этом отношении курганы у с. Нагорное, расположенные рядом с черняховскими поселениями Нагорное III и IV, датирующиеся фибулами, гребнями, полным преобладанием в керамическом комплексе гончарной посуды, не ранее, чем IV в. н. э. По имеющимся данным сарматские и черняховские древности в Буджаке хронологически последовательны. Такая же ситуация убедительно засвидетельствована на памятниках Румынии³⁰. Однако хронологическая последовательность не означает прямой генетической преемственности. Скорее можно говорить о смене одного населения другим. Различие отчетливо проявляется при сравнении поселений первых веков нашей эры (Волчья Балка³¹, Холмское II³², Старые Траяны III, Главаны III и др.) и многочисленных стойбищ кочевников в Буджаке, часть которых, безусловно, принадлежала сарматам, с поселениями черняховского типа³³. В керамическом комплексе поселений и стойбищ первых веков нашей эры господствует лепная керамика, достаточно четко отличающаяся от скудной по количеству лепной посуды черняховских поселений. Существенны различия и в гончарной керамике. На памятниках первых веков нашей эры она представлена единичными обломками сероглиняных сосудов, среди которых не отмечено форм, характерных для черняховских поселений. Полностью от-

существует гончарная сероглиняная шероховатая посуда, обычно массовая, а иногда и преобладающая на ряде черняховских поселений Буджака. Керамические комплексы резко различаются.

В Степи, насыщенной памятниками первой половины I тысячелетия нашей эры, объекты первых веков нашей эры и черняховские часто расположены вблизи друг от друга. Известны случаи перекрытия черняховскими поселениями более ранних селищ. Это явно свидетельствует об их разновременности.

Однако отсутствие памятников, указывающих на непосредственную преемственность в развитии сарматского и черняховского населения в степном междуречье Днестра и Дуная, не ставит под сомнение роль сарматов в формировании черняховской культуры и, в частности, ее погребального обряда. Связь и различие сарматского и черняховского погребального обряда прослеживаются и на публикуемом материале. Сходство рельефно проявляется в уже отмечавшемся наличии на черняховском могильнике Холмское сарматских по происхождению форм могильных ям (прямоугольные ямы, ямы с заплечиками, с подбоями). Некоторые могилы черняховского могильника невозможно отличить по устройству от сарматских. Особенно интересно погребение 23 черняховского могильника. Конструкция его ямы с широким и глубоким (глубина до 1 м) пространством между заплечиками, общие размеры ямы, наличие деревянного перекрытия на заплечиках — все это представляет полную аналогию ямам с заплечиками в подкурганых захоронениях сарматской знати. Различия в устройстве сарматских и черняховских погребальных со-

оружий несущественны. Заплечики сарматских могил выступают как дополнительный, но не обязательный элемент. Между ними всегда остается довольно широкое прямоугольное пространство. В черняховских могилах проявляется тенденция превращения пространства между заплечиками в узкую яму-гроб, повторяющую очертания человеческого тела. Подбойные ямы черняховского могильника также не повторяют полностью сарматские. В некоторых погребениях появляется своеобразное сочетание заплечиков с подбоем. В целом типы могильных ям черняховского могильника могут рассматриваться как позднейшая модификация сарматских прототипов. Следовательно, сарматские черты здесь проявляются столь резко, что возможно говорить о преобладании сарматского субстрата на части памятников черняховской культуры. В то же время в степях между Дунаем и Днестром черняховская культура предстает в сложившемся виде на поздней стадии своего развития. Налицо достаточно распространенная в археологии ситуация, когда элементы предшествующей культуры явно присутствуют в новой культуре. Однако исследователям не удастся уловить динамику их преемственности. Могильник Холмское дополняет весьма пеструю картину черняховских могильников в Северо-Западном Причерноморье. Все они — Каборга IV, Ранжевое, Коблево, Приморское, Фурмановка, Беленькое и Холмское — сходны в общих чертах, но в деталях каждый своеобразен и не похож на другой. Разнообразие погребальных памятников, надо полагать, отражает этнокультурную пестроту субстрата черняховских древностей на этой территории.

**Антропологический материал
из черняховского могильника
у с. Холмское**

ПРИЛОЖЕНИЕ

Во время раскопок грунтового черняховского могильника у с. Холмское Арцизского района Одесской области получен палеоантропологический материал, относящийся к 27 погребениям. Сохранность костных остатков плохая: даже после большой реставрационной работы, проводившейся как в камеральных, так и полевых условиях*, по относительно широкой краниологической программе, включающей признаки лицевого отдела, удалось измерить только 8 черепов (5 мужских и 3 женских). Кроме того, произведены измерения 9 черепных крышек, одного черепа с разрушенным сводом, но сохранившимся лицевым скелетом, и длинных трубчатых костей, принадлежащих 15 индивидуумам.

Сведения о половозрастном распределении изученных костных остатков представлены в табл. 1. При определении пола принимались во внимание морфологические особенности черепа, длинных трубчатых, а в ряде случаев — и тазовых костей. Возраст устанавливался с учетом степени зарастания швов, а также сроков прорезывания и стертости зубов[†].

Большая часть обследованных скелетов (46,4 %) принадлежала мужчинам, средний возраст которых (без учета детской смертности) оказался довольно низким — 31,9 года. Еще ниже этот показатель у женщин (29,8 года), костяки которых найдены в восьми (28,6 %) погребениях. Дети составили 14,3 % захороненных**, что, судя по другим источникам, не отражает реального уровня детской смертности среди носителей черняховской культуры*** и объясняется главным образом плохой сохранностью детских скеле-

* Реставрацию краниологического и остеологического материала производили сотрудники сектора антропологии ИА АН УССР С. П. Сегеда и Т. А. Назарова.

** Остальные 10,7 % приходятся на костные остатки (главным образом, крайне фрагментированные) с неустановленной половой принадлежностью.

*** Так, в могильнике черняховского типа у с. Журавка Черкасской области, где обнаружено гораздо больше скелетов (81), дети составляли 25 % погребенных (Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины.— М., 1972, с. 81).

Таблица 1. Половозрастное распределение изученных скелетов (в %)

Дети	Возраст			
	взрослые	♂	♀	?
	adultus	35,7	21,4	
	adul-			
	tus —			
	matu-	7,1	3,6	
	rus	3,6	—	
	maturus			
	matu-			
	rus —		3,6	
	senilis	—		
14,3		Σ46,4	Σ28,6	10,7

тов. В этой связи следует также подчеркнуть, что все приведенные выше данные, касающиеся половозрастных распределений, носят довольно условный, ориентировочный характер. Напомним, что в связи с плохой сохранностью материала изученные нами костные остатки представляют только часть (44,6 %) черняховских погребений, имеющих в Холмском могильнике. Между тем для получения объективных палеодемографических показателей требуется учет данных обо всех захоронениях².

Анализ основных краниологических характеристик изученной серии (табл. 2—3) дал следующие результаты. Мужские черепа в целом отличаются долихокранией (черепной указатель 74,0) при большом высотном (138,4 мм), значительном продольном (184 мм) и малом поперечном (136 мм) диаметрах. Лоб среднеширокий, на границе с узким (13694,1 мм), близок к прямому. Верхняя высота (70,3 мм) и ширина (скуловой диаметр 129,6 мм) лица относятся к категории средних. Нос довольно узкий (носовой указатель 45,2 мм), средневысокий (высота носа 51,2 мм). Ширина (41,7 мм) и высота (34,4 мм) орбиты характеризуются средними величинами. Женские черепа обладают более высоким черепным указателем (79,2) и более широким носом (носовой указатель 53,9).

Мышечный рельеф развит слабо как на черепах, так и на костях посткраниального скелета, в связи с чем в отдельных случаях имелись трудности в определении половой принадлежности. Длина тела (рост), вычисленная на основании размеров длинных трубчатых костей (табл. 4) с применением формул Л. Мануврие и М. Троттер и Г. Гле-

зер, у мужчин (N-10) в среднем составляла 168,8 см, т.е. в соответствии с принятой в антропологии рубрикацией³ была большой. У женщин (N-5) рост равнялся 162,2 см.

Сопоставление холмской серии с другими сериями, представляющими носителей черняховской культуры⁴, свидетельствует, что по основным краниологическим характеристикам (размеры мозгового черепа, высота и ширина лица, форма орбит и т. д.) описываемая группа обнаруживает наибольшую близость с черняховским населением Прутско-Днестровского и Днестровско-Южнобугского междуречий. Вместе с тем следует отметить, что полученные данные могут быть еще одним доказательством сходства физического облика большинства территориальных выборок черняховцев Украины и Молдавии, которое уже не раз отмечалось в литературе⁵. Разумеется, речь идет о той части населения II—V вв. н.э., которой был свойственен обряд труположения.

Приведем кратко индивидуальные описания костных остатков из Холмского могильника.

Погребение 2. Скелет представлен черепной крышкой (реставрированной) с повреждениями в области затылка, фрагментом верхней челюсти, нижней челюстью с частично разрушенными ветвями, а также длинными трубчатыми костями: бедренными, большеберцовыми, плечевыми и левой лучевой.

Череп долихокранный, эллипсоидной формы, со слабо развитым рельефом. Лоб широкий, высокий. Нижняя челюсть грациальная, с узкими ветвями и средние выступающим подбородком. На обеих челюстях наблюдается прижизненное выпадение зубов. Стертость сохранившихся зубов умеренная. Швы открыты. По лямбдовидному шву имеются вставные косточки.

Длинные трубчатые кости средней массивности, выпрямленные, с неширокими эпифазами. Женщина, *adultus*. Длина тела 158,8 см, по Л. Мануврие, и 160,8 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 13. Сохранились фрагменты черепной крышки и нижней челюсти с зубами ребенка 4—6 лет.

Погребение 15. Реставрирован довольно крупный фрагмент свода черепа (ввиду сильной поперечной деформации измерения не проводились) и обломок нижней челюсти; частично или полностью измерены кости конечностей: бедренные, плечевые, левая большеберцовая и локтевая. Черепная крышка массивная, с выраженным мышечным рельефом. Лоб покатый, надбровные дуги до 2 баллов. Затылочный бугор и сосцевидные отростки 3 балла. Нижняя че-

люсть, судя по фрагменту, средней массивности, но с развитым рельефом и отчетливым подбородочным выступом.

Длинные трубчатые кости грацильные, однако выраженность пилыстра бедренной кости и наружного края нижнего отдела плечевой кости свидетельствует в пользу мужской принадлежности индивидуума.

Мужчина 30—40 лет. Рост 167,6 см, по Л. Мануврие, и 171,2 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 17. Костные остатки принадлежали двум индивидуумам: 1) фрагменты черепной крышки и нижней челюсти с зубами ребенка 6—8 лет; 2) обломок нижней челюсти с хорошо развитым рельефом в области прикрепления жевательной мышцы и умеренно стертymi зубами. Пол установить нельзя, возраст, скорее всего, *adultus*.

Погребение 18. Скелет представлен черепом хорошей сохранности и длинными трубчатыми костями: бедренными, левой большеберцовой, лучевыми, частично поврежденными плечевыми и локтевыми.

Черепная крышка мезокранная, овоидной формы, с нешироким покатым лбом. Лицо мезогнатное, узкое, с низкими орбитами и среднешироким умеренно выступающим носом. Нижняя челюсть средней массивности со слабо выраженным подбородком и короткими неширокими ветвями. Швы открыты, стертость зубов, пораженных кариесом, очень слабая. На нижней челюсти наблюдается прижизненная потеря правого первого моляра с полным зарастанием лунки. Длинные трубчатые кости довольно грацильные, однако с хорошо развитым мышечным рельефом.

Мужчина, *adultus*. Длина тела 163,8 см, по Л. Мануврие, и 165,4 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 19. Почти полностью реставрированный свод черепа, фрагменты нижней челюсти, длинные трубчатые кости (бедренные, левые большеберцовая и плечевая).

Черепная крышка брахикранная, в вертикальной норме близка к сфероидной. Лоб узкий, с хорошо выраженными буграми. Кости черепа грацильные, мышечный рельеф выражен очень слабо. Зубы небольших размеров, на одном из них следы кариеса. Стертость первых нижних моляров едва намечается, на остальных зубах ее нет. Умеренно грацильные длинные трубчатые кости характеризуются неширокими эпифизами и выпрямленными диафизами.

Женщина 20—25 лет. Рост 156,9 см, по Л. Мануврие, и 158,5 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 20. Черепная крышка (отреставрированная) и длинные трубчатые кости: бедренные, большеберцовые, плечевые, левые локтевая и лучевая. Черепная крышка невысокая, мезокранная, со средне развитым мышечным рельефом. На стреловидном шве имеются следы облитерации. Стертость зубов 2—3 балла. Длинные трубчатые кости больших размеров, эпифизы широкие, «мужского» типа.

Мужчина 30—40 лет. Рост 181,8 см, по Л. Мануврие, и 182,7 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 22. Сохранились черепная крышка, обломок верхней челюсти, длинные трубчатые кости: большеберцовые, лучевые, частично разрушенные плечевые и локтевые, а также правая бедренная.

Черепная крышка долихокранная, в вертикальной норме близка к ромбовидной. Лоб покатый, среднеширокий (наименьшая ширина на границе средних и больших значений). Наблюдается частичная облитерация стреловидного и небольшого участка (в области брегмы) венечного швов. Стертость зубов не превышает 2 баллов.

Длинные трубчатые кости массивные, их эпифизы сильно изогнуты. На правой бедренной кости имеется выраженное экзостоз (разрастание кости), что может быть следствием усиленной функциональной нагрузки нижних конечностей.

Мужчина 30—40 лет. Рост 166,7 см, по Л. Мануврие, и 171,0 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 24. Сохранилась нижняя челюсть ребенка 1—2 лет.

Погребение 25. Скелет представлен реставрированной черепной крышкой, нижней челюстью и длинными трубчатыми костями: большеберцовыми, плечевыми, локтевыми, лучевыми и левой бедренной.

Череп брахикранный, средних размеров. Лоб среднеширокий с развитыми надбровными дугами (2 балла). Сосцевидный отросток 1 балл. Нижняя челюсть небольшая, однако с достаточно выраженным подбородочным выступом и хорошо развитым рельефом в области прикрепления жевательных мышц. Наблюдается выраженная облитерация стреловидного и лямбдовидного швов. На нижней челюсти отмечена прижизненная потеря зубов (очевидно, вследствие заболевания кариесом) с последующим зарастанием лунки. Стертость сосредувшихся зубов 3—4 балла.

Кости верхних и нижних конечностей при общей грацильности отличаются значительными размерами.

Определение пола затруднено, поскольку признаки полового диморфизма носят противоречивый характер. Вероятней всего, муж-

чина, однако включать описываемый череп в мужскую серию (при подсчете средних) было бы нецелесообразно. Возраст — *maturus*, более 40 лет. Рост, вычисленный с использованием таблиц для мужского населения, составляет 169,0 см, по Л. Мануврие, и 172,1 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 26. Обследованы частица реставрированная черепная крышка, нижняя челюсть, кости таза.

Череп довольно грацильный, форма свода долихокранная. Лоб узкий (по наименьшей ширине). Нижняя челюсть средних размеров, с умеренно развитым мышечным рельефом и достаточно отчетливо выступающим подбородком. Стертость зубов невысокая: на M_1 — 1—2 балла. Наблюдается частичная облитерация стреловидного и венечного швов.

Некоторые признаки строения тазовых костей: острый подлобковый угол, овальная форма запирательного отверстия, глубокая большая седлапильная вырезка.

Мужчина 30—35 лет.

Погребение 27. Сохранились фрагменты черепа и обломки правых бедренных и плечевых костей.

Кости черепа грацильные, мышечный рельеф на них выражен слабо: надбровье менее 1 балла, сосцевидные отростки до 2 баллов, затылочный бугор не более 1 балла. Стертость имеющихся зубов незначительна, швы открыты.

Угол шейки бедренной кости приближается к прямому, нижний конец диафиза плечевой кости очень узкий. Наблюдается полное сращение эпифизов обеих костей.

Женщина (?), *adultus*. Измерения длинных трубчатых костей не проводились.

Погребение 31. Костяк представлен черепом с поврежденным лицевым скелетом, отреставрированной нижней челюстью, длинными трубчатыми костями: бедренными, большеберцовыми, плечевыми, лучевыми, локтевыми.

Черепная крышка долихокранная, оvoidной формы. Мышечный рельеф развит средне. Лоб узкий, орбиты и переносье высокие. Нижняя челюсть массивная, с развитым рельефом в области прикрепления жевательных мышц. Часть зубов утеряна при жизни, наблюдается полная облитерация их альвеол. Стертость оставшихся зубов достигает 5 баллов. На стреловидном и лямбдовидном швах заметны следы зарастания. В строении костей конечностей преобладают черты, свойственные мужским скелетам.

Например, головка плечевой кости имеет округлую форму, ее нижний конец несколько расширен.

Мужчина, *maturus*. Рост 163,2 см, по

Л. Мануврие, и 165,3 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 33. Сохранился череп (без нижней челюсти). Черепная крышка мезокранная, со средне развитым мышечным рельефом. Лоб умеренно покатый, широкий, с выраженными буграми. Лицо ортогнатное, узкое и довольно низкое. Нос узкий. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Орбиты высокие. Швы открыты, стертость зубов 1 балл. По венечному и лямбдовидному шву имеются вставные косточки.

Мужчина, *adultus*, не старше 25 лет.

Погребение 34. Имеется частично разрушенная черепная крышка в нижней челюсть с поврежденной левой ветвью. Черепная крышка брахикранной формы. Лоб очень широкий (по наименьшей ширине).

Мышечный рельеф развит умеренно. Подбородочный выступ выражен средне. Отмечается прижизненное выпадение всех моляров с последующим зарастанием лунок. Наблюдается выраженная облитерация стреловидного и венечного швов.

Определение пола затруднено. Скорее всего, женщина. Возраст — 50—60 лет.

Погребение 38. Череп хорошей сохранности и длинные трубчатые кости: большеберцовые, плечевые, лучевые, левая бедренная.

Черепная крышка мезокранная, оvoidной формы, с хорошо развитым рельефом. Лоб среднеширокий, близок к прямому. Лицо широкое и среднее по высоте. Нос узкий, средние выступающий. Орбиты мезоконные. Наблюдается частичная облитерация стреловидного и венечного швов. Стертость зубов 3 балла.

Длинные трубчатые кости средних размеров, с умеренно выраженным мышечным рельефом.

В определении пола есть некоторые трудности. Скорее всего, мужчина. Возраст — 30—35 лет. Рост — 160,0 см, по Л. Мануврие, и 162,8 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 39. Сохранились довольно крупные, но немногочисленные фрагменты черепа. Лоб, очевидно, покатый, надбровные дуги 1,5 балла. Затылочный выступ до 2 баллов, сосцевидный отросток 1 балл, однако в надсосцевидной области наблюдается заметное развитие рельефа. Нижняя челюсть средней массивности, с достаточно отчетливым рельефом, особенно в области прикрепления жевательной мышцы. Состояние швов проследить нельзя. Стертость зубов слабая. Нижние моляры поражены кариесом. Мужчины (?), *adultus*.

Таблица 2. Индивидуальные размеры черепов (измерения — в мм, углы — в градусах, указа тели — в абсолютных цифрах)

Признак	Погребение	2	18	19	20	22	25	26	31	33	34	38	47	50	52	53	54	55	58
	Пол	♀	♂	♀	♂	♂	♂?	♂	♂	♂	♀	♂	♀ (?)	♂	♀	♂	♂	♀	♀
	Возраст	Adul.	18—25 л.	Adul.	30—40 л.	30—40 л.	Maturus	30—35 л	Maturus	Adul.	50—60 л.	30—35 л.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	ок. 18 л.
Мозговой отдел																			
1 Продольный диаметр		181	179	167	173	194	172	181	189	178	178	188	177	188	175	—	186	—	184
1в Продольный диаметр от орн.		183	179	169	172	195	173	180	190	176	178	186	178	188	172	—	185	—	184
8 Поперечный диаметр		135	138	135	138	144	143	131	135	136	143	141	134	131	151	—	130	—	143
17 Высотный диаметр (ва — вр.)		127	132	—	—	—	—	—	141	135	140	138	128	146	146	—	—	—	—
5 Длина основания черепа		97	99	—	—	—	—	—	114	100	101	99	94	—	—	—	—	—	—
9 Наименьшая ширина лба		98	90	89?	91	98	93	97	99	101	97	93	92	95	91	—	—	—	82
10 Наибольшая ширина лба		112	116	—	—	115	117	113	115	118	121	116	111	108	123	115	—	—	—
11 Ширина основания черепа		117	124	112	132	123	135	116	112	118	126	123	120	—	124	124	113	—	122
12 Ширина затылка		110	105	99	106	115	—	101	107	111	107	112	105	110	110	—	105	—	105?
20 Высотный диаметр (от рог.)		116	113	117	107?	114	112	108	115	116	115	119	111	—	115	110	111	—	113
29 Лобная хорда		110	109	107	103?	—	112	106	107	110	114	116	112	—	113	115	108	—	110
30 Теменная хорда		112	114	107	110?	120	—	116	115	110	117	113	107	119	108	—	125	—	29
FS Высота изгиба лба		30	26,0	31?	22,0?	—	29,0	25,0	25,6	27,0	—	27,0	32,0	—	24,0	—	24,5	23,0	28,0
31 Затылочная хорда		97	91	87	97	95	108?	90	98	98	97	94	93	96	103	—	85	—	—
OS Высота изгиба затылка		32	26,0	24,5	28,5	34	—	23,0	30,0	24,0	25,5	32,0	—	30,0	23,0	—	23,0	—	32,0
7 Длина затылочного отверстия		29	35,0	—	—	—	—	—	37,0	37,0	33,0	33,0	30,0	—	—	—	—	—	—
16 Ширина затылочного отверстия		—	31,0	—	—	28,0	—	—	27,0	28,0	27,0	26,0	28,0	—	—	—	—	—	—
32 Угол профиля лба (от nas.)		—	85?	—	—	—	—	—	—	82,0	—	83,0	—	—	—	—	—	—	—
Угол профиля лба от д1		—	78?	—	—	—	—	—	—	75,0	—	78,0	—	—	—	—	—	—	—
Надпереносье (Март. 1—6)		—	3	—	—	—	—	—	2	3	—	—	2	—	2	4	—	3	—
Надбровные дуги		0	1	0	1	2	2	1	1	2?	1	2	1	1	1	1	1	1	1
25 Сагиттальная дуга		370	362	363	355	—	—	359	372	368	392	374	368	—	368	—	365	—	361
26 Лобная дуга		130	125	132	115?	—	130	120	124	126	132	133	135	—	125	—	127	—	122
27 Теменная дуга		120	127	126	120?	135	120	131	128	125	140	126	118	132	126	—	143	—	117
28 Затылочная дуга		120	110	105	120?	122	—	108	120	117	120	115	115	116	117	—	100	—	122
Наружный затылочный бугор (Бр. 0—5)		1	1	0	2	3	—	1	3	2	2	2	2	3	1	—	3	1	1
Сосцевидный отросток (1—3)		2	2	1	2	3	2	2	1	2	1	2	2	2	1	2	2	—	2
Указатели																			
8:1 Черепной		74,6	77,1	80,8	79,8	74,2	83,1	72,4	71,4	76,4	80,3	75,0	75,7	69,7	86,3	—	69,9	—	77,1
17:1 Высотно-продольный I		70,2	73,7	—	—	—	—	—	74,6	75,8	78,7	73,4	72,3	77,7	83,4	—	—	—	—
17:8 Высотно-поперечный I		94,1	95,7	—	—	—	—	—	104,4	99,3	97,9	97,9	95,5	111,5	96,7	—	—	—	—
20:1 Высотно-продольный II		64,1	63,1	70,1	61,8	58,8	65,1	59,7	60,8	65,2	64,6	63,3	62,7	—	65,7	—	59,7	—	61,4
20:8 Высотно-поперечный II		85,9	81,9	86,7	77,5	79,2	78,3	82,4	85,2	85,3	80,4	84,4	82,8	—	76,2	—	85,4	—	79,0
9:8 Лобно-поперечный		72,6	65,2	65,9	65,9	68,1	65,0	71,0	71,9	72,8	70,6	68,8	69,4	70,2	62,9	—	—	—	57,3
9:10 Лобный		87,5	77,6	—	—	85,2	79,5	82,3	84,3	83,9	83,5	83,6	83,8	85,2	77,2	—	79,1	—	—
16:7 Затылочного отверстия		—	88,6	—	—	—	—	—	73,0	75,7	81,8	78,8	93,3	—	—	—	—	—	—
OS:31 Изгиба затылочной кости		33,0	28,6	28,2	29,4	35,8	—	25,6	30,6	24,5	26,3	34,0	—	31,3	22,3	—	27,1	—	—
FS:29 Изгиба лобной кости		27,3	23,9	29,0?	21,3	—	25,9	23,6	23,9	24,5	—	23,3	28,6	—	21,2	21,3	21,3	—	25,5
Лицевой отдел																			
45 Скуловой диаметр		—	126	—	—	—	—	—	124 (?)	128	—	139	129	—	—	131	—	120?	—
40 Длина основания		—	—	—	—	—	—	—	100	—	—	88	100	—	—	—	—	—	—
48 Верхняя высота		—	—	—	—	—	—	—	71	67?	—	71	68	—	66	—	72	—	67
47 Полная высота		—	120?	—	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—	—	114	—	—	—
43 Верхняя ширина		—	102	—	—	—	—	—	105	105	—	107	105	—	102	99	—	—	—

Признак	Погребение	2	18	19	20	22	25	26	31	33	34	38	47	50	52	53	54	55	58
	Пол	♀	♂	♀	♂	♂	♂?	♂	♂	♂	♀	♂	♀ (?)	♂	♀	♂	♂	♀	♀
	Возраст	Adul.	18—25 л.	Adul.	30—40 л.	30—40 л.	Maturus	30—35 л.	Maturus	Adul.	50—60 л.	30—35 л.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	OK. 18 л.
46 Средняя ширина лица	—	—	96	—	—	—	—	—	—	96?	—	93	95	—	88	95	—	—	—
60 Длина альвеолярной дуги	—	—	53?	—	—	—	—	—	—	49,5?	—	52	55	—	49?	49	—	—	—
61 Ширина альвеолярной дуги	—	—	63?	—	—	—	—	—	—	55	—	60	60	—	55?	63	—	—	—
62 Длина неба	—	—	49	—	—	—	—	—	—	43	—	45	47	—	44	44	—	—	—
63 Ширина неба	—	—	39?	—	—	—	—	—	—	30	—	36	32	—	—	35	—	—	—
55 Высота носа	—	—	50	—	—	—	—	—	—	53?	49,5	51	47?	—	47	52,5	—	46	—
54 Ширина носа	—	—	24,5	—	—	—	—	—	—	23,5	23,0	22	25	—	15	22,5	—	25	—
51 Ширина орбиты от mf	—	—	42	—	—	—	—	—	—	44	42	40,5	—	—	41	40	—	38	—
51a Ширина орбиты от d	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	40	39	—	—	—	39	—	—	—
52 Высота орбиты	—	—	31	—	—	—	—	—	—	39	36	—	34	30	—	33	—	30	—
Бималлярная ширина (fmo — fmo)	—	—	96,0	—	—	—	—	—	96	99,0	—	99	—	—	93	92,0	—	95	—
Высота nas. над fmo — fmo	—	—	15,0	—	—	—	—	—	18,6	18,5	—	21,5	—	—	16,5	15,0	—	16,6	—
Зиго-максиллярная ширина	—	—	96,0	—	—	—	—	—	—	89,2	—	87,5	93	—	87	93	—	88	—
Высота subspinale над zm — zm	—	—	24,5	—	—	—	—	—	—	22,5	—	20,0	21,0	—	25,0	18,6	—	20,4	—
SC Симотическая ширина	—	—	3,0	—	—	—	—	—	10,0	10,0	—	10,0	—	—	—	9,0	—	12,0	—
SS Симотическая высота	—	—	1,1	—	—	—	—	—	5,5	4,5	—	4,0	—	—	—	5,0	—	3,0	—
MC Максиллофронтальная ширина	—	—	19	—	—	—	—	—	16,0	19,0	—	20,3	—	—	—	17,0	—	24,0	—
MS Максиллофронтальная высота	—	—	7,0	—	—	—	—	—	11,6	8,6	—	8,6	—	—	—	8,6	—	7,0	—
DC Дакриальная ширина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20,0	—	22,2	—	—	—	20,0	—	—	—
DS Дакриальная высота	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11,0	—	11,0	—	—	—	11,7	—	—	—
Глубина клыкковой ямки	—	—	5,0	—	—	—	—	—	8,0	—	—	3,5	3,0	—	7,0	5,0?	—	6,6	—
Высота изгиба скуловой кости	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,9	—	11,8	—	—	—	—	—	—	—
Ширина скуловой кости	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46,4	—	53,3	—	—	—	—	—	—	—
Передне-носовая ость (по Брока 1—5)	—	—	3	—	—	—	—	—	3	2	—	—	3	—	4	3	—	—	—
Нижний край грушевидного отверстия	—	—	антр.	—	—	—	—	—	антр.	антр.	—	антр.	антр.	—	антр.	антр.	—	антр.	—
72 Общий лицевой угол	—	—	84?	—	—	—	—	—	—	—	—	89	—	—	—	—	—	—	—
73 Угол средней части лица	—	—	89?	—	—	—	—	—	—	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—
74 Угол альвеолярной части лица	—	—	73?	—	—	—	—	—	—	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—
75 Угол наклона носовых костей	—	—	57	—	—	—	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—	—	—	—
75 (1) Угол выступания носа	—	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—	—	—	—	—	—
77 Назо-малярный угол	—	—	145	—	—	—	—	—	138	139	—	133	—	—	141	144	—	142	—
Зиго-максиллярный угол	—	—	126,5	—	—	—	—	—	—	127	—	130	131	—	120	136	—	130	—
48 : 45 Верхнелицевой указатель	—	—	—	—	—	—	—	—	57,3	52,3	—	51,1	52,7	—	—	55,0	—	55,8	—
47 : 45 Лицевой указатель	—	—	95,2	—	—	—	—	—	—	85,9	—	—	—	—	—	87,0	—	—	—
61 : 60 Альвеолярный указатель	—	—	118,9	—	—	—	—	—	—	111,1	—	115,4	109,1	—	—	128,6	—	—	—
63 : 62 Небный указатель	—	—	79,6	—	—	—	—	—	—	69,8	—	80,0	68,1	—	—	79,5	—	—	—
54 : 55 Носовой указатель	—	—	49,0	—	—	—	—	—	44,3	46,5	—	43,1	53,2	—	—	42,9	—	54,3	—
52 : 51 Орбитный указатель (от mf)	—	—	73,8	—	—	—	—	—	88,6	85,7	—	84,0	—	—	80,5	80,0	—	78,9	—
54 : 51a Орбитный указатель (от d)	—	—	77,5	—	—	—	—	—	—	90,0	—	87,2	—	—	—	82,1	—	—	—
DS : DC Дакриальный указатель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	55,0	—	49,5	—	—	—	58,5	—	—	—
SS : SC Симотический указатель	—	—	36,7	—	—	—	—	—	55,0	45,0	—	40,0	—	—	—	55,6	—	25,0	—
MC : MS Максиллофронтальный указатель	—	—	36,8	—	—	—	—	—	72,5	45,3	—	—	—	—	—	50,6	—	29,2	—

Признак	Погребение	2	18	19	20	22	25	26
	Пол	♀	♂	♀	♂	♂	♂?	♂
	Возраст	Adul.	18—25 л.	Adul.	30—40 л.	30—40 л.	Maturus	30—35 л.
40 : 5 Указатель выступа лица	—	—	—	—	—	—	—	—
45 : 8 Горизонтальный фацио-церебральный указатель	—	91,3	—	—	—	—	—	—
48 : 17 Вертикальный фацио-церебральный указатель	—	—	—	—	—	—	—	—
65 Мышелковая ширина	—	110	—	—	—	—	—	114
66 Угловая ширина	92	111	—	—	—	—	—	96
67 Передняя ширина	43	46	—	—	—	—	—	46
68 Длина нижней челюсти от углов	—	75	—	—	—	—	—	77
68 (1) Длина нижней челюсти от мышелков	—	115	—	—	—	—	—	104
69 Высота симфиза	35	31	—	—	—	—	—	31?
69 (1) Высота тела	32	36	—	—	—	—	—	32
69 (3) Толщина тела	10	11	—	—	—	—	—	11
70 Высота ветви	—	47	—	—	—	—	—	57
71а Наименьшая высота ветви	29	30	—	—	—	—	—	36
79 Угол ветви нижней челюсти	—	138	—	—	—	—	—	123
С Угол выступа подбородка	68	56	—	—	—	—	—	—
68 : 66 Продольно-бигониальный указатель	—	67,6	—	—	—	—	—	89,5
71а : 70 Указатель ветви	—	63,8	—	—	—	—	—	63,2
69 (3) : 69 (1) Указатель массивности	31,3	30,6	—	—	—	—	—	34,4

Погребение 46. Сохранились фрагменты черепной крышки, верхнечелюстных костей и нижней челюсти ребенка 4—5 лет.

Погребение 47. Череп удовлетворительной сохранности (разрушены носовые кости, частично повреждена левая глазница и лобная кость), тазовые и длинные трубчатые кости: левая бедренная, обе большеберцовые, плечевые, правая локтевая.

Черепная крышка мезокранная, овоидной формы. Лоб близок к прямому, хорошо развиты лобные бугры.

Нижняя челюсть довольно массивная, по подбородочный выступ и мышечный рельеф выражены слабо. Стертость зубов умеренная — на первых молярах стерты только бугорки. Швы открыты.

Некоторые признаки строения тазовых костей: запирающее отверстие трехугольной формы, седалищная вырезка неширокая. Подлобковый угол близок к прямому. Длинные трубчатые кости средней массивности. Нижний мышелок бедренной кости неширокий. Комплекс половых признаков довольно противоречивый. Женщина (?), adultus. Рост

167,6 см, по Л. Мануврие, и 168,9 см, по Т. Тротгер и Г. Глезер.

Погребение 50. Скелет представлен реставрированной черепной крышкой, костями лицевого отдела черепа, крупными фрагментами нижней челюсти.

Черепная крышка резко долихокранная, сфеноидной формы. Лоб узкий (по наименьшей ширине), покатый. Нижняя челюсть, судя по фрагменту, массивная, с выраженным мышечным рельефом. Стертость зубов невысокая: на M₁ стерты только отдельные бугорки. Наряду с этим наблюдается почти полная облитерация стреловидного, венечного и ламбдовидного швов.

Погребение принадлежало мужчине, возраст которого, скорее всего, adultus.

Погребение 52. Имеются реставрированный череп с разрушенным основанием и левой теменной частью, поврежденной правой теменной и частично носовыми костями (нижняя челюсть отсутствует); тазовые и длинные трубчатые кости: бедренные, большеберцовые, плечевые, локтевые, правая лучевая.

31	33	34	38	47	50	52	53	54	55	58
♂	♂	♀	♂	♀ (?)	♂	♀	♂	♂	♀	♀
Maturus	Adul.	50—60 л.	30—35 л.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	Adul.	ок. 18 л.
87,7	—	—	—	94,0	—	—	—	—	—	—
91,9?	94,1	—	98,6	96,3	—	—	—	—	—	—
50,4	46,6	—	51,4	53,1	—	—	—	—	—	—
125	123	—	119	113	—	—	—	118	116	—
108	100	—	97	97	—	—	—	98	91	—
47	41	47	45	44	—	—	—	75	68	—
67	66	—	68	72	—	—	—	75	68	—
100	92	—	96	99	—	—	—	98	96	—
31	35	—	32	31	—	—	—	36	29	—
30	34	33?	34	31	—	—	—	35 пр.	29	—
13	12	13	10	13	—	—	—	12	10	—
58	61	—	64	60	—	—	—	58	52	—
30	32	34 пр.	33	35	—	—	—	27	31	—
127	115	—	119	120	—	—	—	119	124	—
53	72	—	—	56	—	—	—	67	60	—
62,0	66,0	—	70,1	74,2	—	—	—	76,5	74,7	—
51,7	52,5	—	51,6	58,3	—	—	—	46,6	59,6	—
43,3	35,3	39,4	29,4	41,9	—	—	—	34,3	34,5	—

Черепная крышка резко брахикранная, сфероидной формы, со слабо развитым рельефом. Ширина лба, верхняя высота лица и высота орбиты относятся к категории средних величин. Клыковая ямка глубокая.

Некоторые признаки строения тазовых и длинных трубчатых костей: подлобковый угол больше прямого, отчетливо выраженная талия тонкого диафиза плечевой кости, слабо развитый пилластр бедренной кости.

Женщина, *adultus*, до 25 лет. Рост 165,9 см, по Л. Мануврие, и 167,6 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 53. Сохранились череп с полностью разрушенным основанием и левой височной костью, значительными повреждениями теменных и затылочных костей; длинные трубчатые кости (бедренные, большеберцовые, плечевые, лучевые).

Черепная крышка с умеренно развитым рельефом. Лоб покатый, неширокий. Нижняя челюсть с отчетливо выраженным подбородком и развитым рельефом в области прикрепления жевательных мышц. Верхняя высота и ширина лица средние. Нос узкий, ор-

биты невысокие. Стертость зубов слабая. В височной части венечного шва имеются следы облитерации.

Длинные кости массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом. Мужчина, *adultus*. Рост 177,6 см, по Л. Мануврие, и 179,1 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 54. Скелет представлен частично отреставрированной черепной крышкой, длинными трубчатыми костями (левыми бедренной, большеберцовой, локтевой, правой плечевой и обеими лучевыми) и крестцом.

Череп резко долихокранный, с хорошо развитым рельефом. Лоб покатый. Стертость зубов, судя по сохранившемуся резцу, небольшая. Швы открыты. Длинные кости средней массивности. Крестец резко изогнут, мужского типа. Мужчина, *adultus*. Рост 162,4 см, по Л. Мануврие, и 165,5 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 55. Сохранились крупные фрагменты черепа, тазовые и длинные трубчатые кости (левые бедренная и локтевая, левая лучевая, обе большеберцовые). Лоб

Таблица 3. Средние размеры черепов из черняховских могильников Украины и Молдавии

Местонахождение, автор исследования	Украина					Молдавия
	Северо-Западное Причерноморье		Нижнее Подне- провье	Среднее Подне- провье	Побужье	
	Холмское	Равне- вое, Вик- торовка, Коблево, Кривички	Гаври- ловка	Черня- хов, Мас- лово, Журав- ка и др.	Косаново	
	Сеге- да С. П., Дячен- ко В. Д.	Кондук- тора Т. С., 1972	Кондук- тора Т. С., 1958	Де- бед Г. Ф., 1948; Кондук- тора Т. С., 1972	Зяне- вич Г. П., 1967	
Признак						
1 Продольный диаметр	184,0 (9)	184,6 (8)	189,0 (8)	186,4 (49)	196,0 (3)	183,2 (25)
8 Поперечный диаметр	136,0 (9)	139,0 (8)	139,5 (8)	137,2 (48)	136,3 (3)	136,7 (25)
8:1 Черепной указатель	74,0 (9)	75,4 (8)	73,9 (8)	73,7 (48)	69,3 (3)	74,9 (25)
17 Высотный диаметр	138,4 (5)	135,2 (6)	136,8 (5)	137,3 (17)	151,5 (2)	135,4 (18)
9 Наименьшая ширина лба	94,1 (9)	94,2 (8)	95,4 (10)	95,3 (48)	95,0 (3)	95,2 (25)
32 Угол лба	83,3 (3)	80,8 (5)	85,5 (8)	84,2 (27)	77,5 (2)	84,0 (21)
Надпереносье (1—6 по Мартину)	3,0 (5)	3,20 (10)	3,11 (9)	3,00 (46)	2,33 (3)	2,64 (25)
45 Скуловой диаметр	129,6 (5)	131,8 (6)	131,2 (3)	131,5 (36)	122,0 (1)	129,8 (22)
48 Верхняя высота лица	70,3 (4)	71,7 (7)	70,1 (10)	70,8 (36)	71,7 (3)	68,9 (23)
48:45 Верхнелицевой указатель	53,9 (4)	55,2 (6)	53,5 (9)	53,9 (35)	60,7 (1)	53,1 (22)
55 Высота носа	51,2 (5)	51,1 (6)	51,6 (10)	51,9 (36)	52,3 (3)	51,0 (23)
54 Ширина носа	23,1 (5)	25,2 (7)	24,4 (10)	24,9 (36)	25,3 (3)	25,1 (21)
54:55 Носовой указатель	45,2 (5)	49,6 (6)	47,4 (10)	48,2 (35)	48,4 (3)	48,8 (21)
51 Ширина орбиты (от mf.)	41,7 (5)	40,5 (6)	41,8 (9)	40,8 (29)	41,3 (3)	41,4 (24)
52 Высота орбиты	34,4 (5)	32,5 (6)	32,9 (9)	32,8 (27)	37,3 (3)	32,7 (24)
52:51 Орбитный указатель (от mf.)	82,4 (5)	80,4 (6)	78,9 (9)	81,8 (27)	89,7 (3)	79,2 (24)
77 Назо-маллярный угол	139,8 (5)	131,4 (7)	137,3 (9)	135,4 (26)	131,3 (3)	137,1 (24)
Зиго-максиллярный угол	129,9 (4)	125,8 (4)	125,0 (8)	125,2 (24)	125,5 (2)	125,0 (22)
Дакриальный указатель	54,3 (3)	—	64,2 (2)	55,6 (6)	—	55,9 (11)
Симотический указатель	46,5 (5)	59,2 (4)	56,5 (6)	53,0 (24)	45,8 (1)	49,5 (12)
72 Общий угол лица	86,5 (2)	84,7 (4)	87,0 (8)	85,8 (27)	84,0 (2)	85,5 (20)
75(1) Угол выступания носовых костей к линии профиля	25,5 (2)	37,5 (2)	36,0 (6)	31,2 (17)	26,0 (1)	26,9 (9)

довольно высокий, с выраженными лобными буграми. Надбровные дуги 1 балл. Нижний край грушевидного отверстия имеет форму близкую к антропической. Наружный затылочный выступ 1 балл. Стертость зубов 2—3 балла. На верхних молярах имеются следы кариеса. Отмечена слабая облитерация венечного шва, по ходу которого есть вставные косточки.

Половые признаки строения тазовых костей: подлобковый угол тупой, запирающее отверстие трехгранной формы, крестец относительно широкий, большая седалищная вырезка мелкая. Вход в таз имеет овальную форму, в малый таз — цилиндрическую. Длин-

ные трубчатые кости характеризуются выраженной грацильностью. Женщина, adultus. Рост 157,4 см, по Л. Манувризе, и 159,1, по М. Тротгер и Г. Глезер.

Погребение 56. Сохранились крупные фрагменты верхней части черепной крышки, зубы. Лоб умеренно покатый, надбровные дуги 1 балл. Выраженная облитерация стреловидного шва, стертость зубов достигает 3 баллов. Определение пола не представляется возможным, возраст — maturus.

Погребение 57. Скелет представлен обломками черепа и длинными трубчатыми костями: лучевыми, локтевыми и левой бед-

Таблица 4. Размеры длинных трубчатых костей

№	Пол	Бедренная кость			Большеберцовая		Плечевая кость		Лучевая кость		Локтевая кость	
		1. Наибольшая длина	2. Длина в естественном положении	3. Окружность середины диафиза	1. Общая длина	2. Наименьшая окружность	1. Наибольшая длина	2. Наименьшая окружность	1. Наибольшая длина	2. Наименьшая окружность	1. Наибольшая длина	2. Наименьшая окружность
2	♀	426 п	423 п	80 п	355 п	75 п	312 п	55 п	—	—	—	—
15	♂	427 л	425 л	79 л	355 (?) л	72 л	307 л	55 л	218 л	40 л	—	—
18	♂	—	—	80 п	—	—	328 п	61 п	—	—	—	—
19	♀	428 п	427 п	82 л	359 л	70 л	328 л	59 л	250 л	39 л	—	36
20	♂	431 л	430 л	90 л	354 л	71 л	—	56 п	235 п	39 п	—	33
22	♂	405 п	404 п	78 п	350 п	73 п	308 л	56 л	233 л	37 л	255 л	32
25	♂ (?)	410 л	408 л	80 л	—	—	—	55 п	—	—	—	—
31	♂	505 п	497 п	84 п	417 п	61 п	361 п	62 п	—	—	—	—
38	♂	505 л	497 л	83 л	417 л	65 л	359 л	59 л	274 л	40 л	296 л	37 л
47	♀ (?)	—	—	95 п	373 п	82 п	—	70 п	245 п	46 п	—	42 п
52	♀	—	—	—	374 л	82 л	316 л	66 л	243 л	45 л	—	41 л
53	♂	—	—	88 п	375 п	70 п	—	61 п	254 п	39 п	278 п	37 п
54	♂	451 л	449 л	90 л	377 л	74 л	325 л	61 л	256 л	38 л	—	35 л
55	♀	430 п	428 п	88 п	358 п	71 п	305 п	64 п	232 п	42	—	34 п
57	♂	430 л	428 л	89 л	357 л	72 л	298 л	63 л	—	40 л	250 л	35 л
—	—	—	—	—	342 п	66 п	312 п	60 п	225 п	35 п	—	—
—	—	411 л	409 л	82 л	340 л	68 л	305 л	59 л	224 л	33 л	—	—
—	—	—	—	80 п	372 п	70 п	326 п	59 п	—	—	267 п	35 п
—	—	457 л	450 л	79 л	—	70 л	326 л	55 л	—	—	—	—
—	—	449 п	440 п	74 п	370 п	65 п	319 п	50 п	241 п	35 п	262 п	30 п
—	—	444 л	436 л	74 л	370 л	63 л	312 л	49 л	—	—	255 л	30 л
—	—	479 п	477 п	88 п	405 п	75 п	348 п	67 п	271 п	42 п	—	—
—	—	485 л	480 л	88 л	408 л	76 л	350 л	63 л	268 л	43 л	—	—
—	—	—	—	—	—	—	323 п	64 п	225 п	41 п	—	—
—	—	444 л	440 л	90 л	365 л	74 л	—	—	222 л	41 л	224 л	36 л
—	—	—	—	—	344 п	66 п	—	—	221 п	35 п	—	—
—	—	404 л	403 л	80 л	345 л	68 л	296 л	51 л	—	—	246 л	29 л
—	—	—	—	—	—	—	—	—	230 п	—	257 п	33 п
—	—	432 л	428 л	86 л	—	—	—	60 л	231 л	33 л	254 л	32 л

ренной. Сосцевидный отросток до 2 баллов, затылочный выступ 1 балл. Длинные кости грацильные, однако мышечный рельеф хорошо выражен. Стертость зубов отсутствует. Мужчина, adultus. Рост 162 см, по Л. Мануврие, и 166 см, по М. Троттер и Г. Глезер.

Погребение 58. Сохранились черепная крышка, обломки нижней челюсти, фрагменты длинных трубчатых костей. Лоб прямой, с выраженными буграми, надбровные дуги менее 1 балла. Сосцевидные отростки 2 балла, наружный затылочный выступ до 2 баллов. Ветви нижней челюсти короткие, неширокие. Швы открыты, стертость зубов отсутствует. Имеется кость янков.

Головка бедренной кости приращена, нижний эпифиз еще свободен. Наименьшая ширина диафиза плечевой кости 57 мм.

Женщина. Возраст — около 18 лет.

Е. С. Столярик

Новые находки монет первой половины I тысячелетия н. э. в западных районах Одесской области

Монетные клады или отдельные находки монет — ценный исторический источник для изучения процесса денежного обращения и

развития товарного производства в отдельных регионах и на всей территории Восточной Европы в целом. Поэтому публикация монет, вновь поступивших в нумизматические собрания музеев или частные коллекции, является необходимым и важным дополнением ранее известных данных¹. Описание монет первой половины I тысячелетия н. э., найденных в 80-х годах в западных районах Одесской области, и посвящена наша статья.

Монета императора Лициния (308—324) найдена у с. Грибовка, Овидиопольского района Одесской области в 1981 г. (рис. 1, 1). Солид. Золото. Av.: LICINIVS[A] VGVSTVS, голова императора в лавровом венке, вправо. Rev.: IOVICO[NS] LICINIAVG, Юпитер, стоящий влево на пьедестале, держит в правой руке обращенную к нему фигурку Ники на шаре. Левая рука опирается на скипетр, через плечо перекинут плащ. У ног Юпитера орел с венком в клюве; за скипетром в поле монеты венки. На пьедестале надпись — SICX SICXX, в обрезе — SMNB. Монету чеканила вторая Никомедийская мастерская. Вес ее 5,2 г, диаметр 20 см (Cohen, VII, p. 201, № 131)². Хорошей сохранности, хотя и пробита. Поступила в коллекцию Одесского археологического музея

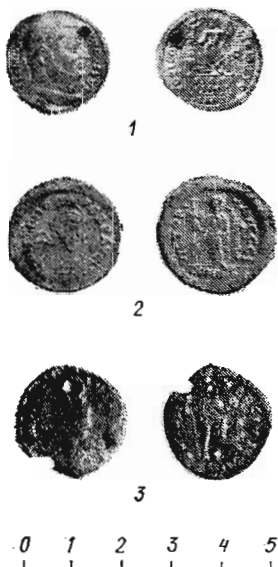

Рис. 1. Монеты первой половины I тысячелетия н. э.:

- 1 — монета императора Лициния (308—324 гг. н. э.);
2 — монета императора Аркадия (395—408 гг. н. э.);
3 — монета императора Зенона (474—491 гг. н. э.).

АН УССР. В монетных находках встречается крайне редко. На территории СССР зарегистрирована лишь одна золотая монета Лициния (Квинарий, выбитый в Арле), найденная в Брестове, Мукачевский район (УССР). Клад зарыт в конце IV в.³ Несколько золотых индикаций с монет Лициния известны по находкам в Керчи⁴. В значительном количестве встречаются медные монеты. Один экземпляр найден близ Ялты, у стен крепости Харакс, двадцать шесть — в районе Судака (Крымская область)⁵. Несколько медных монет этого периода зарегистрированы в Северном Причерноморье — один экземпляр среди ольвийских находок приобретен в с. Парутино более ста лет назад, другой среди медных монет в с. Новая Кульня Котовского района Одесской области в 1967 г.⁶

Монета императора Аркадия (395—408) найдена во время проведения археологической разведки в 1982 г. И. Л. Алексеевой при осмотре поселения на северо-восточном берегу оз. Кослабух у с. Первомайское Измаильского района Одесской области. Монета бронзовая. Av.: DNARCADIV-SP[FAVCVSTVS], погрудное изображение императора вправо с диадемой, концы которой развеваются слева. Rev.: VIRTVSE XERCITI, император в военном наряде. В правой руке — лабарум, в левой — сфера, ногою толкает в спину стоящего на коленях пленника со связанными назад руками. В обрезе надпись SMNB, свидетельствующая, что монета чеканена второй Никомедийской мастерской. Вес ее 4,60 г, диаметр 23 мм (И. И. Толстой, с. 41—42⁷). Пробита, частично стертая. Поступила в нумизматическое собрание Одесского археологического музея. Это одна из немногих монет императора Аркадия, найденных в Северном Причерноморье. К этому периоду относятся бронзовая монета из с. Ясная Поляна Николаевской области⁸ и медная из окрестностей Белгорода-Днестровского Одесской области⁹.

Наибольшее количество монет Аркадия найдено в Юго-Западном Крыму и в районе Керчи в многочисленных монетных находках V—VII вв.¹⁰

Монета императора Зенона (474—491) найдена у с. Табаки Болградского района в 1980 г. Золотой солид (рис. 1, 3) Av.: DNZENO PERPAVG, погрудное изображение императора в $\frac{3}{4}$ вправо в кирасе и шлеме, украшенном диадемой, концы которой развеваются слева; в правой руке копьё, на левом плече щит с изображением скачущего всадника. Rev.: VICTORI AAVGGGI, крылатая Победа в длинной одежде, стоящая влево с длинным крестом в правой руке, за крыльями в поле монеты — звезда.

В обресе надпись CONOB: чеканилась в Константинополе десятой монетной мастерской (И. И. Толстой, с. 148, № 24, табл. 9, 11—17¹¹). Вес ее 4,40 г. Диаметр 20 мм. Хорошей сохранности. Поступила в частную коллекцию. Монет императора Зенона найдено на территории СССР незначительное количество.

Так, в Государственном Эрмитаже хранится золотой солид из коллекции, собранной в Чегеме (Кабардино-Балкарская АССР).

Золотая монета Зенона из раскопок М. М. Кобылиной в Фанагории (Краснодарский край) находится в нумизматической коллекции ГМИИ¹².

Таким образом, находки монет первой половины I тысячелетия н.э. императоров Лициния, Аркадия и Зенона — еще одно подтверждение наличия контактов населения Днестро-Дунайского междуречья с пограничными провинциями Римской империи и ее исторической преемницей Византией.

Введение

¹ *Самоковасов Д. Я.* Могилы русской земли.— Спб., 1905, с. 131—133.

² *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Кривичное.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 248—253.

³ *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 г.).— МАСП, 1970, вып. 6, с. 47—48, 54.

⁴ *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.* Курганы у с. Огородное.— Там же, с. 133, 147—150.

⁵ *Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Тощев Г. Н.* Охранные раскопки кургана у с. Траповка Одесской области.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев: Одесса, 1976, с. 217—218.

⁶ *Субботин Л. В., Охотников С. Б., Нечитайло А. К.* Раскопки курганов в Нижнем Поднестровье.— АО 1976 г. М., 1977, с. 375—376; *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники II—III вв. в низовьях Днестра.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 115—125.

⁷ *Дзиговский А. Н.* Сарматский курган у с. Белодесье.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. мол. ученых. Киев, 1981, с. 71.

⁸ *Дзиговський О. М.* Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю.— Археологія, 1980, 34, с. 86—92.

⁹ *Рикман Э. А.* Памятники сарматов и племени черняховской культуры: Археол. карта МССР. Кишинев, 1975, № 13/16, 26/27.

¹⁰ *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— М., 1975, с. 27—70.

¹¹ *Дзиговський О. М.* Сарматські поховання...

¹² *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Исследования курганов в степной части..., с. 33, 37, 86.

¹³ *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.* Курганы у с. Огородное..., с. 150—151.

¹⁴ *Гудкова А. В.* Поселения первых столетий нашей эры в степях Північно-Західного Причорномор'я.— Археологія, 1983, 42, с. 7.

¹⁵ *Щербакова Т. А.* Поселения первых веков нашей эры в бассейне озера Кагул.— АИМ, 1977—1978 гг. Кишинев, 1982, с. 145—160.

¹⁶ *Паламарчук С. В.* Поселение первых веков нашей эры Волчьей Балки.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени

ПРИМЕЧАНИЯ

в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982, с. 125—131.

¹⁷ *Фокеев М. М.* Поселение первых веков нашей эры Холмское II.— Там же, с. 119—125.

¹⁸ *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II.— Там же, с. 55—113.

¹⁹ *Черняков И. Т.* Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра: (Материалы к археологической карте).— МИА, 1967, вып. 139, с. 197—204.

²⁰ *Шмаглей Н. М.* Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г.— КСОГАМ 1963 г. Одесса, 1965, с. 53; *Кравченко Н. М.* К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 58—59.

²¹ *Криволап Г. І.* Похороняння римського часу з Тіри на її околиці.— Археол. дослідження на Україні в 1969 р., 1972, вип. 4, с. 185—190; *Сымонович Э. А.* Памятники позднеантичного времени в районе древней Тирь.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 106—111.

²² *Сымонович Э. А.* Работы черняховской экспедиции.— АО 1974 г. М., 1975, с. 356.

²³ *Сымонович Э. А.* Находки античного времени из с. Бельенкое Белгород-Днестровского района.— КСИА, 1980, вып. 168, с. 48—50.

²⁴ *Субботин Л. В., Черняков И. Т.* Черняховский могильник у с. Виноградовка.— СА, 1971, 4, с. 230—231. Скудость сохранившегося материала с этого памятника не позволяет с полной уверенностью определить его как черняховский или сарматский грунтовой могильник.

²⁵ *Сымонович Э. А., Кравченко Н. М.* Погребальные обряды племен черняховской культуры.— САИ Д1—22, 1983, с. 57, 101.

Сарматский могильник возле с. Холмское

¹ *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. (по материалам Нижнего Поволжья. Суловский этап).— СА, 1959, 1, с. 54—55.

² *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1—30, с. 13, 21.

³ Там же.

⁴ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1978, вып. Г1—12, т. 2, с. 54.

⁵ *Погребова Н. Н.* Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, 1961, 96, рис. 28, 4.

⁶ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, вып. Г1—12, т. 1, с. 61—62.

⁷ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья..., т. 1, с. 60.

⁸ Там же, т. 2, с. 28.

⁹ *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя у д. Новоотрадное.— МИА, 1970, 155, с. 168.

¹⁰ *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 г.).— МИА, 1960, 78, с. 162; *Шилов В. П.* Погребения сарматской знати I в. до н. э.— СТЭ, 1956, вып. 9, с. 43; *Шилов В. П.* Калининский курганный могильник.— МИА, 1959, 60, с. 464, рис. 51.

¹¹ *Погребова Н. Н.* Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского..., рис. 20, 3а.

¹² *Smiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej.— Lwow, 1932, s. 105.

¹³ *Сымонович Э. А.* Об этнической принадлежности нижнеднепровских городищ.— ЗОАО, 1960, т. 1, с. 167.

¹⁴ *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник.— Киев, 1972, с. 153.

¹⁵ *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя Скифского.— СА, 1963, 4, рис. 3.

¹⁶ *Рафалович И. А., Лапушняк В. Л.* Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1973). Кишинев, 1974, с. 124.

¹⁷ *Дзиговский О. М.* Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю..., рис. 2, 12; 1, 6; *Субботин Л. В., Заинайло А. Г., Шмаглей Н. М.* Курганы у с. Огородное..., с. 148—150, рис. 14, I; *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья.— МИА, 1960, 89, табл. 40, п. 5.

¹⁸ *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э., с. 54.

¹⁹ *Дзиговский А. Н.* Сарматский курган у с. Белолесье..., с. 71.

²⁰ *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное..., с. 248.

²¹ *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янець.— АП, 1960, 9, с. 24—38; *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана..., с. 163; *Анфимов Н. В.* Меотосарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, 23, с. 191.

²² *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР).— СА, 1962, 1, с. 195.

²³ *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное..., с. 248.

²⁴ *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). Кишинев, 1982, с. 118.

²⁵ Левенок В. П. Новоникольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону.— КСИА, 1973, 133, рис. 37, 4.

²⁶ Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье.— В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980, рис. 3, 6; 5, 3.

²⁷ Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля с. Калантава..., рис. 6, 9.

²⁸ Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепрпетровск, 1978, вып. 3, табл. 5, 6; 8, 1.

²⁹ Магно Е. В. Розкопки пам'яток..., рис. 22, 9.

³⁰ Сымонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники возле Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры.— М., 1979, рис. 25, 1.

³¹ Рикман Э. А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры..., рис. 5.

³² Федоров Г. Б. Население..., табл. 44, 5.

³³ Рафалович И. А., Лапушнян В. Л. Могильник..., с. 7, 3.

³⁴ Vichir Gh. Les sarmates au Bas-Danube.— Dacia, 1977, 21, pl. 7, 2.

³⁵ Рикман Э. А. Этническая история..., с. 56.

³⁶ Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглей Н. М. Курганы..., рис. 13.

³⁷ Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, 64, рис. 27, 7.

³⁸ Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля Калантава..., рис. 6, 7; Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья.— СЭ, 1966, 1, рис. 7, 1; Федоров Г. Б. Население..., табл. 21, 11; Vichir Gh. Les sarmates..., pl. 1, 20, pl. 18, 8; pl. 24, 18.

³⁹ Сорокина Н. П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп.— СА, 1968, 4, рис. 4, 2; Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.).— СА, 1980, 3, рис. 2, 4, 9; Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв.— Харьков, 1970, с. 96, рис. 3, 4; Богданова Н. А., Гущина И. И. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг.— СА, 1964, 1, рис. 1, 2; Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1974, рис. XIV, 27; рис. XV, 18; Visovalva M. Traditii Timpurie la Tomis.— In.: Pontice, 1969, t. 2, p. 312, 21.

⁴⁰ Федоров Г. Б. Население..., табл. 43, 3.

⁴¹ Дергачев В. А. Материалы..., рис. 39, 12.

⁴² Книпович Т. П. Краснолаковая керами-

ка первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, 1952, 25, с. 301—305, рис. 5, 1.

⁴³ Aureliian Petre. Предварительные сведения в связи с хронологией могильника в Пятра-Фрекацей.— Dacia, 1962, 6, рис. 7б.

⁴⁴ Федоров Г. Б. Население..., табл. 41, 8 и др.

⁴⁵ Vichir Gh. Cultura sarmică.— București, 1973, p. 199; pl. CXXVI, 1.

⁴⁶ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология.— КСИА, 1978, 156, с. 18—19.

⁴⁷ Абрамова М. П. Исследование Нижнедружатского могильника.— КСИА, 1970, 124, с. 90, рис. 35, 4; Рунич А. П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы.— СА, 1961, 1, рис. 2, 2; Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года).— МИА, 1951, 23, рис. 8, 2.

⁴⁸ Магно Е. В. Розкопки пам'яток..., рис. 12, 19.

⁴⁹ Vichir Gh. Les sarmates..., pl. 13, 13; 17, 1, 13.

⁵⁰ Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarn.— In.: Archeologia Hungarica. Budapest, 1944, vol. 2. H. 18, S. 84; t. 2, 9; VIII, 27; XVI, 1—4.

⁵¹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.).— МИА, 1959, 69, рис. 95, 4.

⁵² Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса.— М., 1977, табл. XXXV, 8, 9.

⁵³ Гайдукевич В. Ф. Некрополи..., рис. 91, 4.

⁵⁴ Дергачев В. А. Материалы..., рис. 29, 9; 38, 5.

⁵⁵ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, 2, с. 100.

⁵⁶ Рафалович И. А., Лапушнян В. Л. Могильники..., рис. 7, 10.

⁵⁷ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, 10, табл. 25, 34; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник..., рис. 44, 16.

⁵⁸ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник..., рис. 58, 20.

⁵⁹ Магно Е. В. Розкопки пам'яток..., рис. 15, 8.

⁶⁰ Фурманська А. І. Курган біля с. Долина.— АП, 1960, 8, рис. 100, 2.

⁶¹ Гущина И. И. Население сарматского времени..., рис. V, 6.

⁶² Там же, с. 41.

⁶³ Там же, рис. IV, 23.

⁶⁴ Там же, рис. V, 15.

⁶⁵ Vichir G. R. La civilization des Carpes (II e.— III e. siecle de n. e.) a la lumiere des fouilles archeologiques de Poiana-Dulcești de

Butnărești et de Pădureni.— Dacia, 1967, 11, p. 22, 2.

⁶⁶ *Vulpe Radu*. Săpăturile de la Poinesti din 1949.— In: Materiale arheologice privind istoria Veche a R. P. R. 1953, vol. 1, p. 300, 2.

⁶⁷ *Моринц С.* Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с Фокшанским погребением.— Dacia, 1959, 3, рис. 3, 3; 4, 4.

⁶⁸ Там же, с. 467.

⁶⁹ Там же, с. 464.

⁷⁰ *Bichir G. R.* Unele observații cu privire la necropole de tip poinești din Moldova și relațiile acestor necropole cu lumina carmată.— SCIV, 1961, 2, p. 253—274.

⁷¹ *Diaconu G. R.* Despre sarmați la Dunărea de jos în lumina descoperirilor de la Tîrgșor.— SCIV, 1963, 2, 324—345.

⁷² *Bichir G. R., Diaconu G. R.* Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureș — Tscherniachow Kultur.— Dacia, 1966, 10, p. 364.

⁷³ *Баран В. Д.* Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу.— К., 1981, рис. 47, 2, с. 143.

⁷⁴ *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши.— М., 1969, табл. XIVIII, II.

⁷⁵ *Drâmbocianu V.* Un mormînt sarmatic descoperit la Luciu.— SCIV, 1974, 2, p. 303—307.

⁷⁶ *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, 4, с. 67.

⁷⁷ *Bichir Gh.* La cavilization des carpes..., p. 215; pl. 23, 4; 24, 3.

⁷⁸ *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северопоптийской периферии античного мира первых веков нашей эры.— Киев, 1975, табл. XVI, 30.

⁷⁹ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— Киев, 1972, с. 152, рис. 8.

⁸⁰ *Дергачев В. А.* Материалы..., рис. 38, 3.

⁸¹ *Федоров Г. В.* Население..., табл. 40, 8; 41, 7; 44, 7.

⁸² *Амброз А. Р.* Фибулы юга..., с. 41, табл. 7, 10.

⁸³ *Драчук В. С.* Бронзові дзеркала з колекції Дніпропетровського державного історичного музею.— Археологія, 1977, 21, с. 84—91.

⁸⁴ *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя Скифского..., рис. 3, 21.

⁸⁵ *Абрамова М. П.* О сарматах в Юго-Западном Крыму.— СА, 1967, 1, рис. 3, 2.

⁸⁶ *Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у дер. Семеновки.— СА, 1969, 1, с. 98—119, рис. 9, 1.

⁸⁷ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы..., с. 84, с. 152, рис. 48.

⁸⁸ *Мално С. В.* Розкопки пам'яток..., рис. 15, 2.

⁸⁹ *Bichir Gh.* Les sarmates..., pl. 16, 1—17.

⁹⁰ *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns..., Bd. 3, S. 84.

⁹¹ *Preda C.* Callatis. Necropola romano-bizantină.— București, 1980, pl. LIX.

⁹² *Bichir Gh.* Cultura carpa..., pl. 183, II.

⁹³ *Рикман Э. А.* Памятники сарматов..., с. 16, рис. 4, 5.

⁹⁴ *Bichir Gh.* Les sarmates..., pl. 17, II.

⁹⁵ *Ibid.*, pl. 23, 4.

⁹⁶ *Магомедов В. Б.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, табл. X, 3.

⁹⁷ *Позребова Н. Н.* Погребения мавзолея..., рис. 5, 3а, 3б.

⁹⁸ *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса..., табл. 32, 2.

⁹⁹ *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса.— В кн.: Тр. ГИМ, 1956, 18, с. 20.

¹⁰⁰ *Гудкова А. В., Русова А. В.* Металлические украшения из могильника римского времени Молога II.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 130—131.

¹⁰¹ *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit..., Bd 1, H. 25, t. XXIX, 4; XXXI, 55, 56.

¹⁰² *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя..., с. 163.

¹⁰³ *Bichir Gh.* Les sarmates..., p. 19.

¹⁰⁴ *Алексеева Е. М.* Античные бусы..., т. 2, с. 29, тип 1; табл. 26, 59.

¹⁰⁵ Там же, с. 73, тип. 170, табл. 33, 75.

¹⁰⁶ *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя..., с. 169.

¹⁰⁷ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, 60, с. 256, рис. 37, 5; с. 296.

¹⁰⁸ *Моринц С.* Некоторые вопросы..., с. 46.

¹⁰⁹ *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя..., с. 168, табл. IV, рис. 21, 24, 25, 27.

¹¹⁰ *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя..., с. 163.

¹¹¹ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М., 1972, с. 89, 91.

¹¹² Там же, с. 90.

¹¹³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры..., с. 23.

¹¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 256.

¹¹⁵ *Дергачев В. А.* Материалы..., рис. 29, 7; 35, 3; 7, 9.

¹¹⁶ *Гросу В. И.* Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.— АИМ (1977—1978), 1982, с. 16—19.

¹¹⁷ *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 г.— СГАИМК, 1926, с. 86—92.

¹¹⁸ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 43—47, табл. I; *Дергачев В. А.* Материалы

раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.).— Кишинев, 1982, с. 86—124.

Сарматский могильник возле станции Дзинилор

¹ *Вязьмитіна М. І., Тереножкін О. І., Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Новоциліпівка І радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, 8, рис. 62, 6; 63, 12; 68, 14.

² *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 183, рис. 22.

³ *Vichir Gh.* Les sarmates..., pl. 19, 3.

⁴ *Вязьмитіна М. І.* Вивчення сарматів на території Української РСР.— Археологія, 1953, 8, с. 67.

⁵ *Позребова Н. Н.* Позднескифские городища..., с. 132, рис. 12, 1; 27, 7; 41, 1—5; *Вязьмитіна М. І.* Золота Балка.— К., 1960, рис. 65, 3, 12, 42, 44, 55.

⁶ *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев, 1976, с. 87, табл. V, 25; VI, 12; VIII, 1, 2.

⁷ *Арсеньева Т. И.* Лепная керамика Танаиса.— В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 172, табл. I.

⁸ *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглей Н. М.* Курганы у села Огородное..., рис. 13.

⁹ *Vichir Gh.* Les sarmates..., pl. 19, 13, 14.

¹⁰ *Дайговский А. Н.* Сарматские памятники II—III вв. в низовьях Днестра..., рис. 2, 8.

¹¹ *Popilian G.* Ceramica romană din Oltenia.— Scrisul românesc. Craiova, 1976, pl. LXVII, 828, p. 123.

¹² *Амброс А. К.* Фибулы..., с. 50.

¹³ *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса..., табл. XXXIV, 4, с. 259—260.

¹⁴ *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 72—73, рис. 1, 1.

¹⁵ *Федоров Г. Б.* Население..., табл. 43, 4.

¹⁶ Там же, табл. 36, тип. 2.

¹⁷ *Scorpan S.* Săpăturile arheologice din aşezarea getica de la Bugeazc—Valea lui Marginciu.— In: Pontica. Constanța, 1969, 2, p. 54, fig. 51, 52.

¹⁸ *Diaconi Gh.* Tîrşor. Necropola din secolele III—IV e. n.— Bucureşti, 1965, pl. XI, 7.

¹⁹ *Дергачев В. А.* Материалы..., с. 111, рис. 38, 4.

²⁰ *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения..., рис. 3.

²¹ *Сальников К. В.* Сарматские погребения в районе Магнитогорска.— КСИИМК, 1950, вып. 34, рис. 38, 3.

²² *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения..., с. 76.

²³ Там же, рис. 3.

²⁴ *Дайговский А. Н.* Сарматские памятники..., рис. 4, 4.

²⁵ Там же, рис. 4, 7, 9—11.

²⁶ Там же, с. 124—125.

Сарматские курганы у с. Нагорное

¹ *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры..., рис. 6, 7.

² *Малеев Ю. М., Пиоро І. О.* Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині.— Археологія, 1973, 12, с. 75, рис. 1, 4.

³ *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., рис. 93, 10.

⁴ Там же, с. 221.

⁵ *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана, рис. 10, 5.

⁶ *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса..., табл. III, 18.

⁷ *Позребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского..., с. 149.

⁸ *Морицу С.* Некоторые вопросы..., рис. 6, 5.

⁹ *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник..., рис. 2, 7.

¹⁰ *Дергачев В. А.* Материалы раскопок..., с. 107, рис. 36, 6.

¹¹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, 83, табл. XXXVIII, 80, а, б, в, г.

¹² *Рыков П. С.* Сусловский курганный могильник.— Саратов, 1925, с. 16; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник..., с. 500.

¹³ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 186, 198.

¹⁴ *Гуцуца И. И.* Население сарматского времени..., рис. III, 9.

¹⁵ *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана..., с. 18, рис. 5, 8.

¹⁶ *Кравченко Н. М.* Косаповский могильник.— МИА, 1967, 39, табл. XVII, 1, 2.

¹⁷ *Rau H. G.* Spätantike Glasfunde im Karpatenraum.— Z. Ostforsch., 1975, N. 3, S. 464—485.

¹⁸ *Дергачев В. А.* Материалы..., рис. 41, 1.

¹⁹ *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., рис. 80, б.

²⁰ Там же, с. 209.

²¹ *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса..., табл. XXIII, 8.

²² Там же, с. 53.

²³ Там же, с. 126.

²⁴ Там же, табл. XXII, 1; XXV, 3.

²⁵ *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурта в 1969 г.— КСИИМК, 1972, 430, рис. 33, 5.

²⁶ *Морицу С.* Некоторые вопросы..., рис. 1, 3.

- ²⁷ Амброс А. К. Фибулы..., с. 45—47.
- ²⁸ Гросу В. И. Периодизация памятников..., рис. 4, 31.
- ²⁹ Там же, с. 25.
- ³⁰ *Bichir Gh. Les sarmates...*, pl. 22, 4; 23, 1.
- ³¹ *Bichir Gh. Cultura carpa...*, pl. CLXXXIV, 1.
- ³² Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы..., с. 100.
- ³³ Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения..., с. 76.
- ³⁴ Там же, рис. 3.
- ³⁵ *Bichir Gh. Les sarmates...*, pl. 17, 1.
- ³⁶ Засецкая И. П. Полихромные изделия гуинского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСГЭ, 1968, 10, с. 36, рис. 1, 8.
- ³⁷ Раев Б. А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье.— СА, 1979, 4, рис. 3, 13.
- ³⁸ Там же, с. 201.
- ³⁹ Граков Б. Н. Заметки о скифо-сарматской археологии.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 219.
- ⁴⁰ Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения..., с. 73.

Курган на р. Дракуля

- ¹ Амброс А. К. Проблемы..., с. 100.
- ² Гросу В. И. Сарматский курган у с. Корпач.— СА, 1979, 2, с. 250—255.

Впускные сарматские погребения

- ¹ Дзиговский О. М. Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю..., с. 89—92.
- ² Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры..., табл. 8, 1—12; 9, 8—17, 18—24; 10, 19—35.
- ³ Луцкевич И. Н. Сарматські кургани у с. Нецдеретове Ворошиловградської області.— Археологія, 1952, 7, с. 139, рис. 2, 1.
- ⁴ Дзиговский О. М. Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю..., рис. 2, 4.
- ⁵ Федоров Г. Б. Население..., табл. 40, 6, 10; 42, 10.
- ⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры..., табл. 10, 19, 21, 23, 25; 7, 25.
- ⁷ Магно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи..., рис. 22, 4.
- ⁸ Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Новофилищовка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952, табл. II, 1, 2.
- ⁹ Федоров Г. Б. Население..., табл. 21, 6, 7.
- ¹⁰ *Bichir Gh. Les sarmates...*, pl. 7, 3.
- ¹¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья..., т. 2, с. 24.

- ¹² Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля с. Калантаєва..., рис. 8, 1, 4, 9.
- ¹³ Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя..., с. 165.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 256, рис. 37, 8.
- ¹⁵ Вязьмитина М. И., Тереножкин О. И., Лялинська В. А., Ковпаненко Г. И. Кургани біля с. Новофиліщівка..., рис. 63, 5.
- ¹⁶ Погребова Н. Н. Погребения в Мавзолее..., рис. 38, 25.
- ¹⁷ Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек.— В кн.: Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974, рис. XVII, 29; XI, 7, с. 44.
- ¹⁸ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, 1970, 27, с. 84...; рис. 40, 7.
- ¹⁹ Дергачев В. А. Материалы..., рис. 12, 12.
- ²⁰ Гросу В. И. Периодизация..., с. 11.
- ²¹ Керрару Н. Г. Археологические исследования в Кагульском р-не в 1958 г.— В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 47, рис. 48.
- ²² Дзиговский А. Н. Сарматские памятники..., с. 119, рис. 2, 6.
- ²³ Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982, рис. 12, 4, 11, 12.
- ²⁴ Амброс А. К. Фибулы..., с. 40, табл. 8, 6.
- ²⁵ *Vulpe R. La civilization dace à la lumière des fouilles de Poiana.— Dacia, 1957, 1, p. 150, fig. 5, 6; Macrea M., Rusu M. Der dakische Friedhof von Porolissum und das Problem des dakischen Bestattungsbräuche in der Spätlatenezeit.— Ibid., 1960, 4, p. 214, fig. 13, 3.*
- ²⁶ Гросу В. И. Периодизация памятников...
- ²⁷ Дзиговский О. М. Сарматські поховання..., рис. 2, 9.
- ²⁸ Там же, рис. 3, 5, 6.
- ²⁹ Там же, рис. 3, 9.

Черняховский могильник возле с. Холмское

- ¹ Сымонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 99—111.
- ² Магомедов Б. В. Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской области.— Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 89—90.
- ³ Магно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты).— МИА, 1960, 82, с. 33—34.
- ⁴ Сымонович Э. А. Памятники черняхов-

скої культури в с. Кринички (по материалам С. С. Гамченко и раскопкам 1957—1958 гг.).— Там же, с. 239—252.

⁵ Баран В. Д. Черняхівська культура..., с. 67, табл. 2.

⁶ Там же, с. 63.

⁷ Vulpe R. Izvoare. Săpăturile din 1936—1948.— București, 1957.

⁸ Aurelian P. Cîteva mărturii ale culturii Sîntana de Mureș—Cerneachov in Scythia Minor.— SCIV, 1964, 15.

⁹ Crișmaru A. Un cimitir de tip Sîntana de Mureș—Cerneachov descoperit la Săveni.— SCIV, 1968, 2, p. 297—302.

¹⁰ Симонович Е. О. Перший черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї.— Археологія, 1966, вип. 20, с. 196—201.

¹¹ Симонович Э. А. Работы черняховской экспедиции.— АО 1976 г., М., 1975, с. 356.

¹² Симонович Э. А. Работы в с. Данилова Балка.— АО 1978 г., М., 1979, с. 409.

¹³ Баран В. Д. Черняхівська культура..., с. 63.

¹⁴ Брайчевский М. Ю. Ромашки.— МИА, 1960, 82, с. 140; Рикман Э. А. Этническая история..., с. 297; Симонович Э. А. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка.— КС ИИМК, 1952, вып. 48, с. 69—70.

¹⁵ Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КС ИА, 1970, 121, с. 51.

¹⁶ Симонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре.— МИА, 1960, 82, с. 195.

¹⁷ Федоров Г. Б. Малаештский могильник.— Там же, с. 253—301.

¹⁸ Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 71—93.

¹⁹ Там же, с. 63.

²⁰ Там же, рис. 18.

²¹ Магомедов Б. В. Каборга IV..., с. 25, рис. 2.

²² Винокур И. С., Островский М. И. Раковецкий могильник.— МИА, 1967, 139, рис. 1.

²³ Симонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни..., с. 196, рис. 4.

²⁴ Рикман Э. А. Жилища Будештского селца.— МИА, 1960, 82, с. 325, рис. 20.

²⁵ Симонович Э. А. Раскопки могильника..., с. 197.

²⁶ Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники..., рис. 20, 23, 26, 27.

²⁷ Магомедов Б. В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. археол. наук.— Киев, 1981, с. 9.

²⁸ Симонович Е. О. Перший черняхівський могильник..., с. 197, рис. 1.

²⁹ Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники..., рис. 6, 9, 11.

³⁰ Симонович Э. А. Раскопки могильника..., № 84, 89; его же. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, 1955, 24, п. № 5, 19, 23.

³¹ Симонович Э. А. Работы черняховской экспедиции.— АО 1974 г. М., 1975, с. 357.

³² Рудинский М. Кантемировські могили римської доби.— Зап. ВУАК, 1931, т. 1, с. 139—146.

³³ Симонович Э. А. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка..., с. 64, рис. 18.

³⁴ Кравченко Н. М. Косановский могильник..., с. 81.

³⁵ Гончаров В. К., Мазно Г. В. Могильник черняхівського типу біля с. Переяслава-Хмельницького.— Археологія, 1957, вип. 11, с. 128.

³⁶ Баран В. Д. Черняхівська культура..., с. 67.

³⁷ Там же, с. 67.

³⁸ Рикман Э. А. Этническая история..., с. 272, 273.

³⁹ Ionifa I. Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș—Cerneachov pe teritoriul RSR.— АМ, 1966, 4, p. 228.

⁴⁰ Брайчевский М. Ю. Ромашки..., с. 109, рис. 5.

⁴¹ Симонович Э. А. О единстве и различиях в памятниках черняховской культуры.— СА, 1959, 29/30, с. 87, 88; его же: Раскопки могильника..., с. 238; и др.

⁴² Гончаров В. К., Мазно Г. В. Могильник черняхівського типу..., с. 144; Кравченко Н. М. Косановский могильник..., с. 101; Винокур И. С., Островский М. И. Раковецкий могильник.— МИА, 1967, 139, с. 157.

⁴³ Рикман Э. А. Этническая история..., с. 279, 281.

⁴⁴ Симонович Э. А. Новые работы в селе Черняхове.— МИА, 1967, 139, с. 20, погребение 20.

⁴⁵ Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 111.

⁴⁶ Гончаров В. К., Мазно Г. В. Могильник черняхівського типу..., с. 140—141.

⁴⁷ Березовец Д. Т., Петров В. П. Ловвицкий могильник.— МИА, 1960, 82, с. 87.

⁴⁸ Федоров Г. В. Население..., с. 287.

⁴⁹ Симонович Э. А. Раскопки могильника..., с. 203.

⁵⁰ Рикман Э. А. Этническая история..., с. 288.

⁵¹ Там же.

⁵² Симонович Э. А. Раскопки могильника..., с. 203.

⁵³ Diaconi Gh. Tîrgșor. Necropole din secolele III—IV e. n.— București, 1965, pl. CXVI, 8.

⁵⁴ Воляник В. К. Могильник черняхівської культури у верхів'ях р. Горинь.— Археологія, 1974, 13, с. 72.

- ⁵⁵ *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника..., п. 32, 33.
- ⁵⁶ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., п. 8, 20, 38, 45.
- ⁵⁷ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 283—284.
- ⁵⁸ *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника..., п. 33.
- ⁵⁹ *Магомедов Б. В.* Каборга IV..., п. 12, 20.
- ⁶⁰ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., п. 11.
- ⁶¹ *Винокур И. С., Островский М. И.* Раковецкий могильник..., рис. 14, с. 152.
- ⁶² *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 106, рис. 25, 2.
- ⁶³ *Краченко Н. М.* Косановский могильник..., п. 36—39.
- ⁶⁴ *Кортусова В. И.* Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я.— *Археологія*, 1971, 3, с. 75—82, рис. 2, 4.
- ⁶⁵ *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник..., рис. 30, 2.
- ⁶⁶ *Mitreă B., Preda C.* Necropole din secolul al IV-lea en. în Muntenia.— *București*, 1966, fig. 96, 2.
- ⁶⁷ *Ibid.*, fig. 249, 6.
- ⁶⁸ *Петров В. П.* Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки).— *МИА*, 1964, 116, с. 89—90.
- ⁶⁹ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 175, рис. 22, 17.
- ⁷⁰ *Mitreă B., Preda C.* Necropole..., pl. 116, 1.
- ⁷¹ *Ibid.*, fig. 234, 3.
- ⁷² *Diaconi Gh. Tîrșor*..., pl. XLVIII, 5; XLIX, 1; LXIX, 2; CXVII, 3.
- ⁷³ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., рис. 13, 5.
- ⁷⁴ *Diaconi Gh. Tîrșor*..., pl. CXLIV, 1, 2.
- ⁷⁵ *Diaconi Gh. Tzony M., Constantinescu M., Drâmbociani V.* L'ensemble archéologique de Pietroasele.— *Dacia*, 1977, 21, fig. 16, 4.
- ⁷⁶ *Diaconi Gh. Tîrșor*..., pl. LXXXIII, 1.
- ⁷⁷ *Никитина Г. Ф.* Классификация лепной керамики черняховской культуры.— *СА*, 1966, 4, рис. 2, 16, с. 76.
- ⁷⁸ *Брайчевская А. Т.* Черняховские памятники Надпорожья.— *МИА*, 1960, 82, с. 176—177.
- ⁷⁹ *Винокур И. С., Островский М. И.* Раковецкий могильник..., с. 65.
- ⁸⁰ *Сымонович Э. А.* Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра.— *КСИИМК*, 1957, 68, рис. 5, 1, 5—7.
- ⁸¹ *Амброз А. К.* Фибулы..., с. 63.
- ⁸² *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника..., табл. 13, 14—17.
- ⁸³ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., табл. 12, 15.
- ⁸⁴ *Амброз А. К.* Фибулы..., с. 64—66, табл. 11, 13.
- ⁸⁵ *Mitreă B., Preda C.* Necropole..., fig. 129, 2; 181, 2.
- ⁸⁶ *Федоров Г. Б.* Население..., табл. 35, 24, 25.
- ⁸⁷ *Preda C.* Callatis..., pl. LVII, 3; LXVIII, 100, 1.
- ⁸⁸ *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана..., с. 38, рис. 21, 7.
- ⁸⁹ *Федоров Г. Б., Рошаль М. Г.* Раскопки черняховского могильника у с. Балдаты.— *АИМ* 1974—1976 гг. Кишинев, 1977, рис. 4, 1.
- ⁹⁰ *Mitreă B., Preda C.* Necropole..., fig. 10, 3.
- ⁹¹ *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи..., рис. 9, 10.
- ⁹² *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса..., табл. XXXV, 11.
- ⁹³ *Магомедов Б. В.* Каборга IV..., табл. XI, 2.
- ⁹⁴ *Mitreă B., Preda C.* Necropole..., fig. 251, 8.
- ⁹⁵ *Preda C.* Callatis..., pl. LVI, 48, 1, 2.
- ⁹⁶ *Рикман Э. А.* Памятники сарматов..., рис. 29, 2.
- ⁹⁷ *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник..., рис. 40, 11; 41, 14; *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской.— *МИА*, 1958, 64, с. 309, рис. 7, 4; *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса..., табл. XXXIX, 7.
- ⁹⁸ *Кузаренко Ю. В.* Поселение и могильник..., табл. III, 24; IV, 1, 19; *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички..., рис. 3, 5; и др.
- ⁹⁹ *Сымонович Э. А.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка..., рис. 20, 1; с. 68.
- ¹⁰⁰ *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника..., табл. IX, 14.
- ¹⁰¹ *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник..., с. 287, рис. 12.
- ¹⁰² *Сымонович Э. А.* Стекланные кубки из Журавки.— *КСИА*, 1964, 102, рис. 1, 3.
- ¹⁰³ Там же, с. 10.
- ¹⁰⁴ *Сымонович Э. А.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— *МИА*, 1967, 139, рис. 16; *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 111.
- ¹⁰⁵ *Сымонович Э. А.* Стекланная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра.— *КСИИМК*, 1957, 69, с. 25.
- ¹⁰⁶ *Vulpe R.* Izvoare..., p. 316—317, fig. 319.
- ¹⁰⁷ *Tomas S.* Studien zu den germanischen Kämten der römischen Kaiserzeit.— *In: Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Leipzig*, 1960, Bd. 8, S. 111.
- ¹⁰⁸ *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры.— *СА*, 1963, 1, с. 159.
- ¹⁰⁹ *Mitreă B., Preda C.* Necropole..., fig. 134, 267.

¹¹⁰ *Шукин М. Б.* О начальной дате черняховской культуры.— *Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich.* Warszawa: Krakow, 1975, рис. 2, 17.

¹¹¹ *Алексеева Е. М.* Античные бусы..., т. 2, с. 74—75, табл. 33, 83, 84.

¹¹² Там же, с. 68, табл. 33, 25.

¹¹³ *Магомедов В. В.* Каборга IV..., с. 61.

¹¹⁴ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия..., с. 121—128.

¹¹⁵ *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи..., с. 41.

¹¹⁶ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, 63, рис. 135, 2, 8, 9.

¹¹⁷ *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья..., с. 308—310.

¹¹⁸ *Ляпушкин И. И.* Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья.— СА, 1950, 13, с. 15—17; *Кузаренко Ю. В.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда).— СА, 1954, 19, с. 118—119.

¹¹⁹ *Федоров Г. Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре.— СА, 1958, 3, с. 234—243.

¹²⁰ *Сымонович Э. А.* К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры.— СА, 1962, 2, с. 40; *Сымонович Э. А.* Итоги исследования..., с. 236.

¹²¹ *Баран В. Д.* Черняхівська культура..., с. 73.

¹²² *Седов В. В.* Ранний период славянско-этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 94—97; *Седов В. В.* Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 99—107.

¹²³ *Магомедов В. В.* Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда.— В кн.: Славяне и Русь.— Киев, 1980, с. 78—88.

Заключение

¹ *Щербакова Т. А.* Поселения первых веков нашей эры в бассейне озера Кагул.— АИМ 1977—1978 гг.— Кишинев, 1982, с. 145—159.

² Дион Кассий, LI, 24, 7.

³ *Гросу В. И.* Периодизация памятников..., с. 8, 10.

⁴ *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники..., с. 120.

⁵ Там же, с. 122—123.

⁶ *Дзиговский А. Н.* Сарматский курган..., с. 71.

⁷ *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники..., с. 120.

⁸ Там же, с. 120, 123.

⁹ В. И. Гросу датирует их в пределах II в. н. э.

¹⁰ *Дергачев В. А.* Материалы..., с. 86, 133.

¹¹ Там же, с. 86.

¹² *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка..., с. 243.

¹³ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги IV в. до н. э.— II в. н. э.— СА, 1974, 3, с. 36.

¹⁴ *Федоров Г. Б.* К вопросу..., с. 63.

¹⁵ *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник..., с. 248—253.

¹⁶ *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья..., с. 70, рис. 1.

¹⁷ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 40—41; *Рикман Э. А.* Памятники сарматов..., с. 13—31.

¹⁸ *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины..., с. 108; *Винокур И. С., Вакуленко Л. В.* Кисилевский могильник I—II вв. н. э.— КСИА, 1967, 112, с. 130.

¹⁹ Археология Української РСР. К., 1971, т. 2, с. 194—195.

²⁰ *Федоров Г. Б.* К вопросу..., с. 49.

²¹ *Рикман Э. А.* Поздние сарматы..., с. 82; *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 41.

²² *Petrescu-Dimbovița.* Les principaux résultats des fouilles de Trușești.— *Analele științifice ale Universității Al. Cuza din Iași. Secțiunea III (științe sociale)*, 1957, 3, anul 5, 1—2, p. 20, 21.

²³ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 41.

²⁴ *Гросу В. И.* Сарматский курган..., рис. 3, 2.

²⁵ *Дергачев В. А.* Материалы..., с. 134.

²⁶ *Рапопорт Ю. А., Труднозская С. А.* Курганы на возвышенности Чаш-Тепе.— В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 151—177.

²⁷ Там же, с. 156.

²⁸ *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Сарматское святилище огня.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 210, 216.

²⁹ *Сымонович Э. А.* Памятник позднеантичного времени в районе древней Тирь.— КСИА, 1979, 159, с. 11; *Кравченко Н. М.* К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1971, 7, с. 61.

³⁰ *Mitrea B., Preda C.* Necropole..., p. 145—148.

³¹ *Паламарчук С. В.* Поселение первых веков н. э. Волчьей Балка.

³² *Фокеев М. М.* Поселение первых веков н. э. Холмское II.

³³ *Гудкова О. В.* Поселения первых столетий...— Археология, 1983, 42, с. 3—10.

С. П. Сегеда, В. Д. Дяченко

Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское

¹ *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия: Методика антропол. исслед.— М., 1964.— 128 с.; *Алексеев В. П.* Остеометрия: Методика антропол. исслед.— М., 1966.— 252 с.

² *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР.— СА, 1972, 1, с. 3.

³ *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Основы антропологии.— М., 1955, с. 55.

⁴ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Н. с., 1948, т. 4, 391 с.; *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины.— Киев, 1967.— 240 с.; *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья.— М., 1975.— 284 с.

⁵ *Седов В. В., Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины.— М., 1972.— 156 с.; Советская антропология, 1974, с. 297—301.

Е. С. Столярки

Новые находки монет первой половины I тысячелетия н. э. в западных районах Одесской области

¹ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, Г4—4; *Кро-*

поткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, 1962, Е4—4; *Кропоткин В. В.* Новые находки римских монет в СССР.— НЭ, 1966, 6.

² *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain, 1955, 7, N 131, p. 201.

³ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет..., с. 56, № 398.

⁴ Там же, с. 64, № 589, 604.

⁵ Там же, с. 66, № 634, с. 63, № 578.

⁶ *Карышковский П. О.* Находки поздне-римских и византийских монет в Одесской области.— МАСП, 1971, 7, с. 83, 85.

⁷ *Толстой И. И.* Византийские монеты, 1912, вып. 1, с. 41—42.

⁸ *Карышковский П. О.* Указ. соч., с. 84.

⁹ *Федоров Г. Б.* Римские и ранневизантийские монеты на территории МССР.— In: Omagiu lui Constantin Diaconoviciu cu prilegiul împlinirii a 60 de ani. București, 1960, p. 180, N 3.

¹⁰ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э.— М., 1967, с. 50.

¹¹ *Толстой И. И.* Византийские монеты..., с. 148, № 24.

¹² *Кропоткин В. В.* Клады римских монет..., с. 48, № 247, с. 40, № 21.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии
АО	— Археологические открытия (сборник)
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
БД	— Фонды Белгород-Днестровского музея
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии (сборник)
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ	— Матеріали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАМ	— Одесский археологический музей АН УССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
ХИМ	— Херсонский исторический музей
ЕАРРР	— Editura Academiei Republicii populare Române
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ с. ХОЛМСКОЕ

6

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК АЛИЯГА

32

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ДЗИНИЛОР

35

САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ У с. НАГОРНОЕ

39

КУРГАН НА р. ДРАКУЛЯ

50

КУРГАН У с. КАЛАНЧАК

52

ВПУСКНЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

54

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК ВОЗЛЕ с. ХОЛМСКОЕ

58

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

86

ПРИЛОЖЕНИЕ

94

СЕГЕДА С. П., ДЯЧЕНКО В. Д. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА У с. ХОЛМСКОЕ

94

СТОЛЯРИК Е. С. НОВЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э. В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

105

ПРИМЕЧАНИЯ

108

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

118